D-r Dupouy.

Ф 1-78
15757

Проституція въ древности и половыя болѣзни.

Переводъ съ 5-го французскаго изданія

д-ра Д. В.

Съ иллюстраціями въ текстѣ.

№ 2 1907 г. 15 Января.
ЖУРНАЛА
«Тайна Жизни».
Подписная цѣна въ годъ..... 9 р. — к.
„ „ на полгода.. 5 „ — к.
„ „ за 1 мѣсяцъ . 1 „ 25 „

Въ отдѣльной продажѣ цѣна экземпляра ..... 1 р. 25 к.

Ред.-Изд. В. К. Панченко.
Спб. Надеждинская, 1.

g 46/221

Проституція въ древности.

9 46/221
801-14
1461

Р-г Е. Dupouy.

Проституція

въ древности

и половыя болѣзни.

Переводъ съ 5-го изданія

Д-ра Л. В.

Съ иллюстраціями въ текстѣ.

С.-Петербургъ.
1907.

ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Исторія проституціи въ древности затрагиваетъ столько важныхъ вопросовъ и соприкасается со столь многими труднѣйшими проблемами, что для того, чтобы написать ее полностью и добросовѣстно, потребовалась бы коллективная работа выдающихся знатоковъ археологіи, литературы, философіи и медицины; относящіяся сюда данныя мы находимъ въ отдѣльныхъ трудахъ Дюлора, Бэро, Шоссара, Лашера, Де-Лашо, Феликса Лайара, Крейцера, Фамена, Сабатье, Розенбаума, Рабюто, Пьера Дюфура, Паранъ-Дюше, Талэ и др. Я надѣюсь все-же, что философу-эклектику будетъ по силамъ собрать во-едино труды всѣхъ этихъ авторовъ, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ и имѣющіеся только въ самыхъ большихъ библіотекахъ.

Когда изучаешь эти монографіи одну за другой, то невольно приходишь къ мысли о необходимости разсмотрѣть съ новой и оригинальной точки зрѣнія исторію человѣческаго духа, начиная съ системъ древней теологіи и восточныхъ религій; невольно приходишь къ анализу преемственныхъ цивилизацій, особенно въ ихъ отношеніяхъ къ нравамъ, законодательствамъ и гигіенѣ народовъ.

Прежде всего въ исторіи проституціи мы различаемъ три основныхъ періода: 1) эпоха проституціи гостепріимства, т. е. уступленіе, подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ, женщины-рабыни гостю, котораго случай приводитъ въ хижину первобытнаго человѣка; это каменный періодъ проституціи; 2) эпоха священной проституціи, которая возникла на почвѣ суевѣрныхъ представленій и грубыхъ страстей азіатскихъ народовъ; 3) эпоха легальной проституціи, которая во имя физической гигіены и морали мирится и санкціонируетъ любострастную торговлю человѣческимъ тѣломъ. Указанное дѣленіе проституціи на три періода принято всѣми авторами, писавшими общую исторію этого института. Замѣчательное описаніе этихъ трехъ формъ мы находимъ въ сочиненіи Рабюто:

„Вездѣ въ исторіи, насколько проникаетъ взглядъ изслѣдователя, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена мы наблюдаемъ, въ видѣ болѣе или менѣе общаго явленія, рабство женщины, которая лишена права выбора и предпочтенія одного мужчины передъ другимъ и безпомощна передъ грубой страстью ея поработителя. По временамъ всякій проблескъ морали какъ будто совсѣмъ тухнетъ въ исторіи и въ наступающемъ могильномъ мракѣ благородная и нѣжная подруга мужчины теряетъ послѣдній остатокъ своего достоинства, постепенно понижается нравственно и становится совершенно индифферентной къ вопросу о томъ, кто обладаетъ ею; она какъ бы превращается въ вещь, въ одинъ изъ подарковъ, дѣлаемыхъ во имя гостепріимства; священныя отношенія, изъ которыхъ возни-

каютъ радости семейнаго очага и нѣжныя семейныя узы, не имѣютъ для этихъ отупѣвшихъ морально народовъ никакого значенія, никакой цѣны. Въ другихъ случаяхъ, напр., у народовъ древняго Востока, а по мѣрѣ приближенія къ нашему времени и почти у всѣхъ народовъ, которые находились подъ вліяніемъ древнихъ традицій, отношенія къ половымъ узамъ становятся еще болѣе отталкивающими, и принесеніе въ жертву женской невинности соединяется съ догмами самаго чудовищнаго натурализма, который воспламеняетъ и обожествляетъ всѣ страсти; половой актъ становится священнымъ обрядомъ дикаго и развращеннаго культа, и вознагражденіе, уплачиваемое распутнымъ жрицамъ, разсматривается какъ приношеніе богамъ. Наконецъ, у нѣкоторыхъ народовъ, именно у тѣхъ, которые стоятъ на самомъ высокомъ уровнѣ развитія, бѣдность и порокъ отдаютъ во власть грубыхъ чувствъ и циничныхъ желаній цѣлый общественный классъ, который загоняется на самое дно жизни; этотъ классъ, терпимый, хотя и отмѣченный позоромъ, состоитъ изъ несчастныхъ женщинъ, для которыхъ развратъ и стыдъ стали постояннымъ ремесломъ“.

Разсматривая съ физіологической точки зрѣнія данныя, относящіяся къ нравамъ раннихъ цивилизованныхъ народовъ, мы различаемъ, вообще говоря, два класса женщинъ: однѣ предназначены къ продолженію рода въ бракѣ и живутъ въ условіяхъ болѣе или менѣе нормальныхъ законовъ природы; другія же вынуждены отдавать себя для удовлетворенія половыхъ функцій другого пола, причемъ это

удовлетвореніе чувства имѣетъ въ результатѣ безплодіе для женщинъ, а для мужчинъ— чрезмѣрное возбужденіе полового чувства вмѣстѣ со всей утонченностью сладострастія; именно у женщинъ этой послѣдней категоріи нужно искать причину венерическихъ болѣзней и тѣхъ уродливыхъ уклоненій отъ моральнаго чувства, психическая природа которыхъ остается еще не изслѣдованной. Но исторія этого отдѣла патологіи тѣсно связана съ вопросомъ о проституціи, этой язвы азіатскихъ народовъ, этого фатальнаго бича грядущихъ поколѣній,—если только будущее человѣчества будетъ заблуждаться подобно намъ и будетъ видѣть въ проституціи предохранительный клапанъ для человѣческихъ страстей и безнравственную охрану общественной нравственности.

Нѣкоторые историки и философы древности видятъ религіозную причину проституціи въ боязливости человѣка древности; стараясь умилостивить гнѣвъ могущественныхъ небожителей, они преподносятъ имъ первый сборъ своей жатвы, своихъ плодовъ и стадъ. И вотъ появляются какія-то особыя существа, которыя называютъ себя служителями боговъ на землѣ; жрецы требуютъ у нихъ для своихъ алтарей приношеній и даровъ. Пользуясь ихъ легковѣріемъ и невѣжественностью, они внушаютъ имъ мысль, что милость боговъ они могутъ снискать путемъ проституированія своихъ дочерей, дѣвственность которыхъ должна быть представлена въ исключительное и полное владѣніе имъ, посвященнымъ въ таинства хранителямъ храма. Съ этого именно времени берутъ свое начало мистеріи и церемоніи, въ

которыхъ проституція начинаетъ играть роль основного правила культа и которыя происходятъ вокругъ деревянныхъ или каменныхъ идоловъ, изображающихъ изъ всего человѣческаго организма только половой аппаратъ.

Вслѣдъ за этой священной проституціей неизбѣжно должна была начаться эпоха проституціи легальной, которая принимаетъ характеръ ремесла и единственнымъ своимъ двигателемъ имѣетъ деньги. Она продолжаетъ дѣло развращенія, начатое священной проституціей, но на общественномъ здоровьѣ отзывается не такъ рѣзко, какъ проституція предшествующаго періода. Съ наступленіемъ этой новой эпохи, мужчины и женщины начинаютъ предаваться эксцессамъ разврата, но человѣчество перестаетъ уже погружаться въ гибельныя мистеріи Изиды и Белфегоръ, которыя раньше подчиняли человѣческое тѣло властному вліянію различныхъ противуестественныхъ актовъ. Культъ этихъ боговъ оказалъ очень глубокое вліяніе на народы Азіи и опошлилъ ихъ цивилизацію. Къ счастью, культъ греческой Венеры вскорѣ внесъ въ нравы варваровъ новую умѣряющую струю.

Если Венера и воплощалась въ видѣ куртизанки Пирея и острововъ Архипелага, если она и была покровительницей развращенныхъ блудницъ, то въ храмахъ и въ цѣломудренныхъ теремахъ греческихъ женщинъ она явилась поэтическимъ символомъ любви, символомъ самаго пламеннаго стремленія къ прекрасному. Съ появленіемъ культа Венеры человѣческій духъ снова обрѣлъ свободу, греческій геній зажегъ тотъ священный свѣточъ, которому суждено было впослѣдствіи

бросать лучи на весь міръ и пробуждать въ немъ чувство прекраснаго, любовь къ искусству и наукѣ.

Въ честь ея было воздвигнуто множество статуй, и такія произведенія, какъ Venus Aphrodite, Venus Genitrix, Venus Cnide, Venus Victrix (для которой Венера Милосская была только образцомъ), статуи Адониса и Купидона, Музы и сопровождаемыя Венерой граціи,—всѣ онѣ доказываютъ, что культъ этой богини въ сердцахъ эллиновъ былъ разсвѣченъ прекрасными стремленіями и отмѣченъ возвышенными чувствами. Именно этотъ культъ водилъ рѣзцомъ Фидія и Праксителя, онъ вдохновлялъ Гомера и Пиндара, Коринну и великаго Платона.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что существуетъ большая разница между эротическими олицетвореніями азіатскихъ боговъ и этимъ обожествленіемъ царицы міра, женщины, вызывающей преклоненіе совершенной красотой своего духа и тѣла. Венера Уранія — это дѣйствительно исходный пунктъ паренія человѣческаго ума въ высшія сферы мірозданія. Культъ Венеры, чтимой всѣми великими людьми древности, раздѣляемый всѣми народами извѣстнаго намъ міра, позднѣе, въ храмахъ древняго Рима снова возродился и сдѣлался однимъ изъ свѣтлыхъ духовъ латинской цивилизаціи. Онъ же, этотъ культъ, въ прекрасную пору Возрожденія давалъ вдохновеніе нашимъ поэтамъ, нашимъ художникамъ, нашимъ скульпторамъ; безсмертна его сущность и всемогуща власть, данная ему природой надъ сердцемъ человѣка. Но, къ несчастью, судьбѣ угодно было, чтобы

рядомъ съ прекраснымъ было уродливое, рядомъ съ Венерой-Ураніей была Венера-Пандемосъ, рядомъ съ любовью—проституція и болѣзни. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ нею роковымъ образомъ появляются венерическія болѣзни—сифилисъ и многообразныя проявленія его,—все, что отравляетъ человѣка и его потомство и служитъ, такъ сказать, орудіемъ общественнаго подбора.

Въ историческихъ памятникахъ мы находимъ упоминанія о сифилисѣ у всѣхъ народовъ; онъ восходитъ къ эпохѣ перваго возникновенія общественной жизни у людей и начинаетъ обнаруживать свои свойства на самыхъ первыхъ шагахъ цивилизаціи. Но только въ самое послѣднее время геологическія изысканія земныхъ наслоеній привели насъ къ открытію античныхъ и доисторическихъ гробницъ съ человѣческими останками, въ которыхъ антропологія нашла явные признаки оригинальной болѣзни: кость человѣческаго скелета съ неизгладившимися слѣдами третичнаго сифилиса, экзостозы черепныхъ, голенныхъ, бедренныхъ костей и пр. *).

*) Въ музеѣ Брока имѣется очень много относящихся сюда анатомическихъ препаратовъ; назовемъ нѣкоторые изъ нихъ: двѣ женскія tibiae съ типичными сифилитическими экзостозами (по Брока, Парро, Лансеро и пр.) Онѣ добыты при раскопкахъ въ Солютрэ, принадлежатъ женскому скелету и найдены среди стертаго камня, относящагося къ каменному періоду, какъ это показываютъ найденныя здѣсь же реберныя кости и отточенныя куски кремня. Сифилитическіе экзостозы на обломкѣ лобной кости изъ кургана въ Меласси; множество экзостозовъ на внутреннемъ краѣ tibiae и на нижней artic. genonae-tibialis; дѣтскій черепъ съ зубами, носящими слѣды дѣтскаго сифилиса въ видѣ горизонтальныхъ бороздъ; правая половина затылочной кости съ прободеніями, образованными

Всѣ эти находки являются неоспоримыми свидѣтельствами и служатъ историческими документами для антропологіи.

Эти предварительныя замѣчанія мы считали необходимыми для пониманія прилагаемаго ниже историческаго обзора нравовъ древности; мы считали нужнымъ приготовить читателей къ тѣмъ тяжелымъ картинамъ, которыя пройдутъ передъ ихъ глазами, картинамъ, составляющимъ въ морали то же самое, что въ медицинѣ представляетъ патологическая анатомія.

сифилитическимъ craniotabes; дѣтская затылочная кость, изъ Буйасака, съ многочисленными слѣдами костнаго сифилиса и пр.

ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ ИНДІИ.

Культъ Лингама.

Придерживаясь хронологическаго порядка изложенія, мы должны начать съ изученія священной проституціи въ Индіи, такъ какъ соціальныя формы Индіи восходятъ къ самой глубокой древности, и потому въ ней именно надо искать первыхъ зачатковъ священной проституціи.

Индійскій Лингамъ совершенно тождественъ греческому Фаллу и египетскому Пріапу: мужской половой членъ у всѣхъ древнихъ народовъ служитъ символомъ оплодотворенія. Съ культомъ Лингама связанъ слѣдующія миѳъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ миѳовъ Индіи: На золотой горѣ живетъ богъ Сива. Тамъ, на гладкой площадкѣ стоитъ домъ, украшенный девятью драгоцѣнными камнями; по срединѣ стола стоитъ лотосъ; надъ нимъ расположенъ треугольникъ—въ немъ первопричина и источникъ всего на землѣ. Изъ него выходитъ Лингамъ, превѣчный богъ, вѣчно обитающій въ этомъ треугольникѣ. На этой горѣ, говоритъ Фр. Крейцеръ и Д. Гиньо *),

*) «Религія въ древности съ точки зрѣнія символовъ и миѳовъ» сочиненіе Крейцера и Гиньо, профес. исторіи въ Нормальной школѣ.

впервые появился древній Фаллъ, Сива. По другой варіаціи богъ раздѣлялся на 12 сверкающихъ лингамовъ, на которыхъ были устремлены очи какъ боговъ, такъ и людей. Лингамы эти переносились въ разныя части Индіи, гдѣ боги и духи всѣхъ странъ свѣта съ благоговѣніемъ поклонялись имъ; это поклоненіе сохранилось тамъ и до нынѣ. Тамъ же, говорятъ далѣе вышеуказанные авторы, устраивались фаллическія празднества въ честь Сивы; на этихъ празднествахъ съ большой торжественностью носили священное изображеніе полового члена; здѣсь же происходили обыкновенно безумныя оргіи, во время которыхъ поклонники божества, охваченные дикимъ восторгомъ, покорялись стихійной силѣ, отдававшей ихъ во власть всепожирающаго огня страсти *) Во всѣхъ Индійскихъ легендахъ Лингамъ считается самымъ древнимъ изъ индусскихъ божествъ. Этимъ первобытнымъ народамъ съ ихъ религіей инстинкта половые органы представлялись, конечно, чѣмъ-то священнымъ, находившимся чуть ли

*) Человѣкъ уже съ давнихъ поръ поклонялся тайнѣ размноженія. Иногда мужской половой органъ изображался на камнѣ. Въ нѣкоторыхъ французскихъ деревняхъ еще и до сихъ поръ безплодныя женщины тайкомъ прикладываются къ такимъ камнямъ. Существуютъ эти камни и въ Полинезіи, и въ Мезанезіи, и на Мадагаскарѣ. Иногда предметомъ поклоненія служило женское начало. Оно изображалось на камняхъ круглой формы, таковъ черный камень Каабы въ Меккѣ, таковы многіе другіе камни, на которыхъ совершались возліянія вина и крови въ Сибири, у краснокожихъ и у индусовъ,. Половое общеніе было также предметомъ поклоненія, его изображали на стѣнахъ храмовъ Индіи, въ Тласкала. Культъ Индусскаго Лингама является грубымъ воспроизведеніемъ общенія половъ.

не подъ покровительствомъ божества. Божество это изображалось жрецами въ видѣ мужского полового члена, который и служилъ предметомъ поклоненія подъ именемъ Лингама. Культъ Лингама былъ широко распространенъ среди браминовъ и привелъ ихъ къ различнымъ половымъ излишествамъ, а отсюда и къ заразительнымъ заболѣваніямъ дѣтородныхъ органовъ. Петръ Соннера́ въ своемъ интересномъ «Путешествіи въ Индію» приводитъ другую легенду о культѣ Лингама, непосредственно относящуюся къ происхожденію венерическихъ заболѣваній у поклонявшихся богамъ Сивы и Вишну. Разсказъ этотъ, не отличаясь особой достовѣрностью, подъ массой лишняго и ненужнаго скрываетъ правдоподобный фактъ «согласующійся съ нѣкоторыми другими, вполнѣ безспорными историческими данными». Приведемъ слова П. Соннера̀. «Вѣрующіе достаточно уже окрѣпли въ вѣрѣ благодаря молитвамъ и жертвоприношеніямъ; но для сохраненія чистоты ихъ сердецъ, жены ихъ также должны были бы обладать чистыми сердцами.

Но злой богъ Сива, слыхавшій много о красѣ этихъ женъ, рѣшилъ покорить ихъ, совратить ихъ съ пути истины. Принявъ видъ молодого, прекраснаго нищаго *), онъ уговорилъ бога Вишну принять видъ прекрасной дѣвушки, чтобы вмѣстѣ отправиться въ мѣста

*) Необычайно грязные, почти нагіе нищіе или факиры тысячами бродили по всей Индіи. Ихъ посѣщеніе, говоритъ Страбонъ, дѣлаетъ женщинъ плодовитыми. Всюду ихъ принимаютъ съ большими почестями, а мужская часть населенія покидаетъ свои дома, чтобы предоставить факирамъ свободное поле дѣйствій (Розенбаумъ).

собраній вѣрующихъ и увлечь ихъ своей красотой. Такъ они и поступили. Вишну пошелъ къ мужчинамъ и сталъ бросать на нихъ такіе нѣжные взгляды, что всѣ они влюбились въ него, мигомъ забыли о своихъ жертвоприношеніяхъ и послѣдовали за молодой красавицей. Страсть все болѣе и болѣе овладѣвала ими, ихъ разслабленные члены стали точно тающій отъ огня воскъ. Сива же, какъ было условлено, отправился къ женщинамъ. Онъ шелъ среди нихъ, пѣлъ пѣсню нищихъ и, по обычаю нищихъ, несъ сосудъ съ водой. Обаятельное пѣніе его скоро собрало вокругъ него всѣхъ женщинъ; красота молодого пѣвца довершила его успѣхъ. Смятеніе было такъ велико, что многія, преслѣдуя пѣвца, теряли свои драгоцѣнности и даже одежды—не замѣчая этого. Пройдя со всѣмъ роемъ женщинъ всю деревню, онъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ скрыться отъ нихъ въ сосѣдній лѣсъ; женщины бросились за нимъ, онъ добился отъ нихъ желаемаго. Вскорѣ послѣ этого вѣрующіе замѣтили, что жертвоприношенія ихъ оставались тщетными и сила ихъ вѣры поколебалась. Послѣ благочестивыхъ размышленій они поняли, что причиной ихъ бѣдствій былъ Сива, соблазнившій ихъ женъ, а что сами они были совращены Вишну, принявшимъ видъ дѣвушки.

Въ гнѣвѣ за то, что ихъ честь опозорена, они, не имѣя возможности отомстить, рѣшили прибѣгнуть къ крайнему средству — единодушно вознести всѣ свои молитвы противъ Сивы. Разрушительное дѣйствіе этихъ молитвъ было ужасно, и самъ богъ не могъ противостоять имъ. Его половые органы были

точно охвачены огнемъ, и они отдѣлились отъ туловища *). Въ страшной злобѣ Сива рѣшилъ предать весь міръ пламени, сжечь его своимъ пылающимъ половымъ членомъ. Пожаръ готовъ уже былъ истребить весь міръ, когда Брама и Вишну, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за сохраненіемъ жизни на землѣ, придумали средство остановить огонь. Брама принялъ видъ пьедестала, а Вишну—видъ женскаго полового аппарата, который соединился съ горящимъ членомъ Сивы, и всеобщее бѣдствіе было такимъ образомъ прекращено. Всеобщія мольбы умилостивили Сиву, который обѣщалъ не предавать міръ огню, если люди снова будутъ воздавать его половымъ органамъ прежнія божескія почести».

Внимательно вдумываясь въ этотъ миѳъ, говоритъ Розенбаумъ, мы придемъ къ выводу, что онъ несомнѣнно болѣе поздняго происхожденія, такъ какъ его одного вполнѣ достаточно для констатированія факта тождественности огня въ этомъ миѳѣ и сифилиса. Развѣ не на этотъ же миѳъ опирался Шауфусъ, говоря, что сифилисъ перешелъ въ Европу изъ Индіи? Съ другой стороны нѣкоторыя черты этого миѳа такъ согласуются съ древними вѣрованіями индусовъ, что если и признать его выдумкой, то въ основѣ его всетаки лежитъ несомнѣнное знакомство съ подлинными историческими данными. Уже около столѣтія тому назадъ д-ръ Ф. Клейнъ, на основанія изысканій на

*) Безъ особенной натяжки можно усмотрѣть здѣсь нѣкоторую связь съ ученіемъ о сифилисѣ.

Малабарѣ доказалъ, что въ восточной Индіи не только были знакомы съ венерическими болѣзнями еще до открытія Америки, но что врачи Сангаразіаръ и Алессіанамби, жившіе за десять вѣковъ до нашего времени, да и нѣкоторые другіе еще до нихъ, говорили о сифилисѣ и о леченіи его ртутью. Ролле, въ своей статьѣ о сифилисѣ (Медицинскій Энциклопедическій словарь), говоритъ: «однимъ изъ первыхъ очаговъ сифилиса была, весьма вѣроятно, Индія—колыбель всего человѣческаго рода». Этотъ фактъ установленъ въ одной изъ книгъ Веды, Аюрведа, которая представляетъ собой собраніе рецептовъ индусскаго Гиппократа—Данвантари. Книга эта содержитъ много интересныхъ свѣдѣній о сифилисѣ, существованіе котораго восходитъ за 3000 лѣтъ до нашего времени, къ временамъ Суфуты, ученика Данвантари и автора «Аюрведы». Сочиненіе это недавно переведено на латинскій языкъ д-ромъ Гесслеромъ, а на французскій д-ромъ Бюре.

О бленоррагіи мы находимъ въ этомъ сочиненіи слѣдующее: Болѣзнь обусловливается истеченіемъ горячей жидкости. Если гонорея локализуется внизу живота, то заболѣваніе выражается въ затруднительномъ мочеиспусканіи. Распространяясь на самомъ членѣ, заболѣваніе нарушаетъ половыя функціи этого органа, вызываетъ венерическія заболѣванія, измѣняетъ выдѣляемую сперму и т. д. Дальше описывается, какъ подъ вліяніемъ этихъ истеченій появляются язвы у задняго прохода, опухоли яичекъ, мозговыхъ ганглій и пр.

«Заражая половой членъ, вытекающая испорченная жидкость поражаетъ его мышцы,

портитъ кровь, производя страшный зудъ, который позднѣе вызываетъ образованіе язвы. Пораженіе мышцъ обусловливаетъ появленіе въ средней части язвы развращеній, изъ которыхъ течетъ гнойная сукровица. Попадая на яички или во влагалище женщины, истеченія эти вызываютъ и тамъ образованіе грибовидныхъ мягкихъ наростовъ, которые издаютъ дурной запахъ и тоже даютъ гнойную сукровицу; попадая на верхніе участки тѣла, эти продукты даютъ характерныя разрощенія на ушахъ, на носу, во рту, въ горлѣ, на губахъ и на мягкомъ нёбѣ»...

Классическая картина первичныхъ и вторичныхъ припадковъ бленоррагіи описаны здѣсь такъ хорошо, что современный врачъ, работающій въ спеціальныхъ госпиталяхъ, ничего бы къ ней не прибавилъ. Эти-же припадки описаны и въ слѣдующей цитатѣ изъ «Аюрведы»:

«Можетъ случиться, что зараженіе половымъ путемъ произойдетъ и въ томъ случаѣ, если половой членъ совершенно не былъ поврежденъ. Заболѣваніе начинается часто съ прыща,—который извѣстенъ подъ именемъ венерической болѣзни upadansa». Приведемъ еще одну не менѣе интересную цитату: «Существуетъ сорокъ четыре разновидности позорныхъ болѣзней: язвы, пустулы, разращенія, пораженія ногтей, пустулы на головѣ, бубоны, изъязвленія на ногахъ, выпаденіе волосъ и т. д. Въ дальнѣйшемъ на ступняхъ ногъ, на ладоняхъ рукъ, въ сочлененіяхъ и на шеѣ образуются узлы, покрытые изъязвленіями. Постепенно ужасная болѣзнь проявляется на ушахъ, далѣе въ разныхъ мѣстахъ на спинѣ.

Пораженные этой болѣзнью ногти чернѣютъ, теряютъ свою форму и отпадаетъ кусками»...

Въ этомъ описаніи намъ не трудно угадать картину третичныхъ припадковъ болѣзни.

Прибавимъ еще, что въ числѣ употреблявшихся индусами лечебныхъ средствъ въ книгахъ Веды встрѣчаются и ртутные препараты, киноварь, сулема и каломель. Все сказанное выше даетъ намъ право утверждать, что сифилисъ и проституція появились на землѣ почти одновременно съ человѣкомъ, это — какъ бы первородный грѣхъ человѣчества, чему мы въ дальнѣйшемъ приведемъ еще болѣе несомнѣнныя доказательства. Въ 1863 году французскій консулъ въ Китаѣ, Дабри выпустилъ въ свѣтъ книгу о медицинѣ у китайцевъ. Въ книгѣ этой мы находимъ описаніе сифилиса по манускриптамъ, относящимся къ 2600 г. до Р. Хр. Уже 4535 лѣтъ тому назадъ китайскій богдыханъ Хоангъ-ту повелѣлъ собрать все, относящіеся къ китайской медицинѣ. Сборникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Нуеикингъ. Мы находимъ здѣсь описаніе заразительной бленоррагіи (ре-тго), которую авторъ уже отличаетъ отъ простого уретрита. Съ большой точностью описанъ здѣсь также мягкій шанкръ и послѣдовательный бубонъ; упоминается о шанкрѣ, вызванномъ сифилитическимъ ядомъ (канъ-ту). По китайскимъ источникамъ, сифилитическій ядъ даетъ сначала язву на тѣлѣ, а позднѣе распространяется на всю массу крови. Болѣзнь сопровождается образованіемъ опухолей, которыя лечатъ смазываніемъ мази изъ масла и ртутнаго порошка (шул-инъ)». Развиваясь дальше, болѣзнь вызываетъ на лбу больного небольшія мѣднокрасныя пятна (танъ-хонгъ), боль въ горлѣ, зудъ, головную боль и ломоту въ костяхъ. О сифилисѣ рта и горла «кеу-яу-ту» китайская книга говоритъ слѣдующее: послѣдствіемъ шанкра, появляющимся черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, бываетъ образованіе довольно глубокихъ язвъ на миндалинахъ у входа въ зѣвъ, либо на нёбѣ, либо въ горлѣ. Язва эта бѣлаго цвѣта, съ завитыми краями, мѣднокраснаго цвѣта. Прилежащія къ ранѣ части имѣютъ необычный видъ и похожи на испорченную кожу (пиланъ). Иногда также вокругъ задняго прохода образуются красныя зудящія пятна; иногда края anus'а покрыты ссадинами.

Спустя 30 или 40 дней послѣ нечистаго совокупленія появляются на различныхъ частяхъ тѣла небольшія бѣлыя или мѣднокрасныя бляшки, окруженныя красивымъ вѣнчикомъ. Подъ именемъ пи-тинга вышеуказанное китайское сочиненіе описываетъ сифилитическій насморкъ, а подъ именемъ пиинена некрозъ носовыхъ костей и, наконецъ, подъ «тиенъ-хо-тчоангъ» здѣсь разумѣется дѣтскій сифилисъ, т. е. «зараженіе сифилисомъ новорожденныхъ». Описанія эти даютъ полный симптомокомплексъ болѣзни и древній сифилисъ, несомнѣнно, прямой предокъ современнаго.

Въ 1883 году д-ръ Шейбе опубликовалъ въ Лейпцигѣ *) работу, содержащую очень важныя, еще совершенно неизвѣстныя въ Европѣ данныя о древности сифилиса въ Японіи. Этотъ трудъ, озаглавленный «Даи-до-

*) Архивъ патологіи Вирхова. Мартъ 1883, стр. 448.

руи-шіу-хо» или «систематическое собраніе періода Дан-до» была составлена въ 808 году нашей эры. Японскій императоръ Хеизеи-тенно былъ недоволенъ тѣмъ, что его страна все болѣе и болѣе наводняется китайскими рецептами, и повелѣлъ собрать въ одну книгу все, что относится къ собственно японской медицинѣ. Работу эту онъ поручилъ двумъ своимъ врачамъ А-бе-Ма-нао и Иддзу-мо Хиросада. Но къ сожалѣнію, трудъ этотъ былъ утерянъ и снова былъ найденъ лишь въ 1827 г. въ одномъ храмѣ на островѣ провинціи Бунго. Издалъ книгу Буде, но, написанная на древнемъ японскомъ языкѣ, работа эта трудно читается, а потому долго оставалась неизвѣстной ученому міру. Японскій врачъ д-ръ Кайяма, ученикъ д-ра Шейбе, прислалъ своему бывшему учителю переводъ главъ, относящихся къ сифилису. Правильность истолкованія текста этимъ ученымъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ спорныя мѣста переведены имъ совмѣстно съ нѣкоторыми другими японскими учеными.

Въ 94 главѣ этого труда читаемъ:

Ката-шине-хаза — то-есть сыпь въ паху. Въ поперечныхъ складкахъ между бедромъ и животомъ появляется сначала краснота, потомъ припухлость, сопровождаемыя мучительной болью и жаромъ; черезъ нѣсколько дней припухлость нагнаивается, затѣмъ нарывъ вскрывается и изъ него вытекаетъ много гноя.

Мара-каза-хіами, сыпная болѣзнь полового члена. Въ началѣ заболѣванія—затвердѣніе величиной съ просяное зерно и сильныя боли. Черезъ нѣсколько дней образованіе язвъ и

гноетеченіе. Физеказа. Сыпь эта, появляющаяся чаще всего лѣтомъ, локализуется на кожѣ полового члена, на которой показываются водянистые пузырьки. Членъ припухаетъ и увеличивается въ объемѣ; припухлость распространяется на весь органъ и закрываетъ головку; изъ кожи течетъ гной.

Шири-мара-каза, —вторичная сыпь на половомъ членѣ. Въ началѣ заболѣванія появляется такая же сыпь, какъ и при Мара-каза-хіями, затѣмъ образуются болѣзненныя язвы. Спустя нѣсколько дней язвы увеличиваются и наконецъ, головка члена отпадаетъ. Затѣмъ изъязвленія мало-по-малу уменьшаются, половой членъ весь цѣликомъ отпадаетъ и яички разрушаются.

Каскири-каза, летучая сыпь. Ядовитое начало изъ члена или паха подымается вверхъ, и сыпь сопровождается разрушеніемъ ткани. Появляются жаръ и холодъ и въ костяхъ конечностей ощущается боль. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на туловищѣ и на лицѣ образуется мелкая, безболѣзненная и не зудящая сыпь, изъ которой вытекаетъ желтоватая жидкость. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ лицо покрывается гангреной, принимаетъ зловонный запахъ и изъ него течетъ гной.

Вотъ, далѣе, глава 95:

Хоне-но-хари-каза, сыпь и припухлость костей. Послѣ излеченія сыпи на членѣ появляется болѣзненность въ суставахъ, настолько сильная, что больной не можетъ ни вытянуть, ни согнуть своихъ членовъ. Больной обыкновенно лихорадитъ. Вслѣдъ затѣмъ болѣзнь переходитъ на верхніе участка тѣла,

кости становятся болѣзненными и появляется рядъ новыхъ тяжелыхъ припадковъ.

Больной лихорадитъ весь день, аппетитъ пониженъ, наблюдается запоръ. Моча красная и вытекаетъ съ трудомъ.

Нондо-фуки-каза, сыпь въ зѣвѣ. Ядъ сыпи въ крайней плоти поражаетъ верхнія части тѣла, лицо и голову. Болѣзнь тянется цѣлые годы. Разрушаются голова, кожа, кости. Далѣе, поражаются уши, появляется сыпь въ носу или слѣпота. Иногда также опухаютъ или становятся болѣзненными нижнія конечности, что тянется долгіе годы. Наконецъ, больные подвергаются процессу гніенія. Ядъ разрушаетъ все тѣло, яички покрываются набухшими и гангренозными пустулами, появляется множество дефектовъ ткани. Наконецъ, разрушается вся поверхность тѣла.

Мими-но-хи-каза, ушная сыпь. Остатокъ яда достигаетъ верхнихъ частей тѣла; появляется шумъ въ ушахъ и ослабленіе слуха, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ этому присоединяются мучительныя боли и истеченіе желтоватой жидкости. Шумъ въ ушахъ проходитъ, но больные совсѣмъ теряютъ слухъ.

Въ этомъ описаніи симптомовъ сифилиса, говоритъ Жилль-де-ла-Туреттъ, есть, конечно, много путаницы, тѣмъ не менѣе въ нихъ легко узнать первичные, вторичные и третичные припадки этой болѣзни: язвы на членѣ, язвы на зѣвѣ, боли въ костяхъ, сифилиды и гуммы покрытыхъ волосами частей кожи и лица и проч.

Если бы еще оставалось сомнѣніе относительно природы описываемой здѣсь болѣзни, то достаточно было бы прибавить, что слово

«каза» какъ въ древнемъ, такъ и въ современномъ японскомъ языкѣ; означаетъ заразительныя болѣзни, происходящія путемъ половыхъ сношеній.

Венерическія болѣзни въ странахъ Азіи были несомнѣнно слѣдствіемъ проституціи и культа Лингама со всѣми сопровождающими его половыми излишествами. Тѣ же болѣзни, съ тѣми же послѣдствіями, мы находимъ позднѣе и у другихъ народовъ древности, у евреевъ съ ихъ культомъ Bahhal-Pehor, у египтянъ съ ихъ Фаллусомъ, у грековъ и римлянъ съ Пріапомъ. Культъ Лингама и естественное слѣдствіе его, священная проституція, глубоко вросли въ нравы индійца, и путешественники, посѣтившіе Индію менѣе ста лѣтъ тому назадъ, нашли и тотъ и другой институтъ столь же распространенными, какъ и на зарѣ исторіи. Аббатъ Миньо въ своемъ «Мемуарѣ о древнихъ философахъ Индіи», пишетъ: *) «Этотъ образъ Лингама существуетъ въ Индіи и теперь, какъ мы это видимъ на индійскихъ идолахъ, посланныхъ маркизу де-Мариньи». Еще и теперь въ пагодахъ встрѣчаются барельефы съ изображеніемъ Лингама въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ; встрѣчается онъ также въ живописи и скульптурѣ. Въ нѣкоторыхъ пагодахъ мы находимъ также изображенія совокупленія, т. н. Pulleior. Наконецъ, такіе же рисунки встрѣчаются на амулетахъ Taly; послѣ освященія ихъ браминомъ, мужья въ день свадьбы даютъ ихъ своимъ женамъ. Соннера разсказываетъ по-

*) Мемуары академіи надписей и искусствъ, т. 31, стр. 136.

этому поводу анекдотъ, показывающій, какую цѣну можно придавать усердію къ прозелитизму, проявляемому миссіонерами по отношенію къ этимъ невѣжественнымъ племенамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ приняли католичество, и миссіонеры изъ іезуитовъ и капуциновъ оспаривали другъ у друга вліяніе на нихъ. Капуцины принесли въ Римъ жалобу на іезуитовъ въ томъ, что они слишкомъ терпимо относятся къ индійскимъ женщинамъ и позволяютъ имъ носить амулеты съ изображеніями маленькихъ Лингамовъ. Они оправдывались старинными обычаями страны и получили одобреніе Ватикана, но іезуиты не ограничились этимъ и потребовали, чтобы индійскія женщины къ своему taly прибавили христіанскій крестъ.

Существуютъ и другія доказательства того, что культъ Лингама—коренной культъ Индіи; въ гостинницахъ и на большихъ дорогахъ, вездѣ встрѣчаются изображенія бога то въ формѣ органа человѣческаго тѣла, то въ видѣ аллегорическомъ: на пьедесталѣ ваза и въ ней длинный цилиндръ. Пьедесталъ — это Брама, ваза—это Вишну, богъ женскаго начала, цилиндръ же изображаетъ Шиву,—бога мужского начала; такова индійская троица. Во время торжественныхъ шествій къ обыкновенному Лингаму присоединяли фигуру мужчины: «религіозная идея казалась индійцамъ столь естественной, говоритъ Дюлоръ, что они совершенно не понимали всего безстыдства своихъ обрядовъ. Такъ, въ пагодѣ Элефанта изображена на барельефѣ группа лицъ, совершающихъ гнусный актъ, который у латинянъ былъ извѣстенъ подъ именемъ irrumatio.

На воротахъ одного города въ Сури-Патнамѣ, Ситта, жена Рама, седьмого воплощенія Вишну, окружена шестью стоящими на колѣняхъ факирами или кающимися; глаза ихъ всѣхъ устремлены на нее и каждый держитъ въ рукѣ Лингамъ; въ пагодѣ Вилленуръ отдѣльные Лингамы различныхъ размѣровъ изображены на всѣхъ стѣнахъ».

Гранпре въ своемъ «Путешествіи въ Индію» разсказываетъ, какъ одинъ морской офицеръ послалъ, возлѣ Трованкура, на берегъ нѣсколькихъ матросовъ за какими-то свѣдѣніями. Въ одной нишѣ матросы замѣтили Лингамъ, взяли его съ собой и воспользовались имъ, какъ румпелемъ.

По поводу религіознаго характера Лингама въ современной Индіи Дюлоръ, основываясь на показаніяхъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, утверждаетъ, что жрецы Шивы каждый день до полудня украшаютъ священный Лингамъ *)

*) Драгоцѣнный документъ, относящійся къ культу Лингама, доставилъ мнѣ Бюрти, который много работалъ по исторіи Индіи. Это—индійская миніатюра съ раскрашеннымъ рисункомъ Лингама. Она предназначалась служить заглавнымъ украшеніемъ для какого-то мистическаго романа и изображаетъ садъ съ массой дичи, краснаго звѣря и птицы. Знатный мужъ нагнулся и преслѣдуетъ вытянувшую шею змѣю. На терассѣ, передъ бѣлой молельней играютъ музыканты. Дверь туда открыта и подъ стрѣлкой свода находится огромный Лингамъ изъ чернаго дерева, украшенный цвѣтами краснаго лотоса, который поддерживаетъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Онъ лежитъ на чемъ-то вродѣ алтаря, сдѣланномъ изъ двухъ кубовъ бѣлаго камня, украшенныхъ рисунками и золотомъ. Его сторожитъ сидящая, черная, обнаженная фигура съ чѣмъ-то вродѣ тіары на головѣ; у ея ногъ извивается змѣя naja. Вокругъ молельни, цѣльная кровля которой заканчивается золоченымъ трезубцемъ, идетъ раскрашенная красной краской баллюстрада; на баллюстраду ведетъ нѣсколько ступенекъ.

гирляндами цвѣтовъ; въ Канарѣ жрецы прогуливаются обнаженными и, гремя колокольчиками, призываютъ женщинъ съ благоговѣніемъ обнять ихъ половыя части».

Факты, удостовѣряющіе религіозную проституцію, изучены Дюкеномъ. Онъ видѣлъ, какъ въ одной пагодѣ, въ окрестностяхъ Пондишери, молодыя замужнія женщины приносили богу въ жертву свою невинность. Ихъ заставляли сѣсть на деревянный или желѣзный Лингамъ, но обыкновенно болѣе ловкіе жрецы отнимали у боговъ эту пріятную обязанность.

Въ посвященной Шивѣ пагодѣ Тревискаре имѣется памятникъ, посвященный индійской троицѣ; «въ этомъ святилищѣ, говоритъ Дюкенъ, на священномъ камнѣ жрецы Шивы посвящали въ таинства любви молодыхъ Devadassi, которыя намъ извѣстны подъ именемъ Баядеръ или Байладеръ; эти женщины были посвящены божеству и въ то же время служили всѣмъ для удовлетворенія желаній, подобно куртизанкамъ и проституткамъ Греціи.

Эти индійскія женщины исполняли балетные танцы; звуки пѣнія и музыки, ароматы эссенцій и цвѣтовъ, испытываемое зрителями очарованіе—все это мало-по-малу разжигало и опьяняло чувства женщинъ. Подобно авлетридамъ Греціи, ихъ вдругъ точно пронизывалъ какой-то невѣдомый огонь. Изумленныя, возбужденныя, трепещущія, они изнемогали подъ тяжестью новыхъ невѣдомыхъ переживаній. Жесты, экспрессивныя позы, страстные и заглушенные вздохи, взоры, полные огня, или разнѣженной усталости,—вотъ пріемы, которыми они выражали сначала

стыдливость, потомъ желаніе, нетерпѣніе, надежды, наконецъ, угрозы и трепетъ сладострастія. «Индійскія танцовщицы Баядеры, говоритъ Рейналь *), жили цѣлыми группами въ особыхъ учрежденіяхъ. Самыя лучшія общежитія этого рода находились при богатымъ и многопосѣщаемымъ храмамъ. Назначеніе баядеръ было танцовать въ пагодахъ и на празднествахъ, а также удовлетворять желанія браминовъ. Съ цѣлью замаскировать ихъ распутный образъ жизни, всѣхъ этихъ женщинъ объявляли служительницами алтарей. Народъ тѣмъ охотнѣе соглашался на такой порядокъ вещей, что для удовлетворенія похотей сластолюбивыхъ монаховъ служили такимъ образомъ однѣ только баядеры, а жены и дочери гражданъ были избавлены отъ преслѣдованій. Возможно, впрочемъ, что, придавая религіозный характеръ этому виду проституціи, родители безъ всякаго негодованія представляли себѣ своихъ прекрасныхъ дочерей, отдавшимися этому занятію. Женщины уходили въ эти общежитія, а состоръвшіяся снова возвращались въ общество безъ всякаго позора, ибо нѣтъ ни одного преступленія, котораго вмѣшательство боговъ не освящало бы, нѣтъ ни одной добродѣтели, которую религіозная цѣль не могла бы лишить всякаго значенія. Понятія объ абсолютныхъ моральныхъ цѣнностяхъ таяли подъ руками ловкихъ жрецовъ.

Для того, чтобы вполнѣ достигнуть своей цѣли, браминамъ оставалось сдѣлать только одинъ шагъ: оставалось убѣдить населеніе,

*) Raynal, Histoire philosophique de Deux-Indes.

что для боговъ пріятно и здорово оказывать баядерамъ предпочтеніе передъ другими женщинами, а остатокъ отъ своихъ оргій, въ видѣ особой милости, предоставлять народу. Въ большихъ городахъ имѣются и другія, менѣе аристократическія учрежденія этого рода; однѣ изъ этихъ послѣднихъ служатъ для развлеченія богатыхъ мужчинъ, другія для ихъ женъ. Существуютъ и летучіе отряды баядеръ, предводимые старыми женщинами, которыя раньше были ученицами въ этихъ заведеніяхъ, а потомъ сдѣлались начальниками ихъ *).

Подъ монотонные, быстрые звуки tam-tam, баядеры сгораютъ желаніемъ увлечь зрителей; головы ихъ кружатся отъ благовоній, которыми они надушены. Ихъ танцы—пантомима любви. Характеръ, рисунокъ, позы, темпъ, звуки и каденцы этихъ танцевъ,—все пышетъ страстью, все выражаетъ желаніе и экстазъ. Необычайному успѣху этихъ сладострастныхъ женщинъ способствуетъ все: изящество и богатство ихъ нарядовъ, ловкость, съ которой они умѣютъ подчеркнуть свою красоту; ихъ длинные, черные волосы, распущенные по плечамъ или заплетеные въ косу, украшены алмазами и усыпаны цвѣтами. Драгоцѣнные камни украшаютъ ихъ ожерелья и браслеты. Особенную заботливость проявляютъ онѣ по отношенію къ своей груди, какъ къ одному изъ самыхъ драгоцѣнныхъ сокровищъ своей красоты. Для того,

*) Примѣръ того, какъ религіозная проституція постепенно превращалась въ проституцію легальную (общественную).

чтобы груди не толстѣли и не теряли красивой формы, онѣ надѣваютъ на грудь очень легкій деревяннымъ футляръ изъ двухъ половинокъ, которыя застегиваются на спинѣ. Снаружи этотъ футляръ покрытъ золотымъ листкомъ, украшенный бриллiантами. Но это приспособленіе нисколько не скрываетъ трепетанія и колебанія вздымающейся груди, нисколько не препятствуетъ сладострастію. Большинство этихъ танцовщицъ подчеркиваютъ свой прекрасный цвѣтъ лица и жгучесть своихъ взглядовъ тѣмъ что подводятъ глаза сурьмянымъ карандашемъ. Это искусство нравиться составляетъ всю жизнь, все счастье, все занятіе баядеръ; передъ ихъ обаяніемъ трудно было устоять".

Кромѣ Devadassi, спеціально занятыхъ священной проституціей, существуетъ много другихъ категорій баядеръ; таковы Natche, исполнявшія тѣ же функціи, но не принадлежавшія къ храмамъ, Vestiatris и Cancenis, отдавшія себя для удовольствія богачей востока. Они выбираются изъ самихъ красивыхъ дѣвушекъ, ихъ одѣваютъ въ богатыя, пышныя одежды и, благодаря вліянію жрецовъ, ихъ образъ жизни отнюдь не считается позорнымъ. Въ Моголѣ и Индостанѣ священная проституція и теперь еще находится въ рукахъ жрецовъ, и жрецы страшно злоупотребляютъ авторитетомъ, которымъ пользуются въ глазахъ своей паствы. Бернье, въ своемъ описаніи путешествія по этимъ странамъ, разсказываетъ, что въ погоду Иагрена приводятъ дѣвушекъ, которыя приносятъ свою невинность въ жертву самому богу Лингаму. Молодую дѣвушку приводятъ ночью въ свя-

тилище, говорятъ ей, что богъ придетъ сочетаться съ нею бракомъ, что она должна его слушаться и спросить его объ ожидающей ее судьбѣ. Подъ покровомъ ночной темноты жрецъ исполняетъ обязанность бога, и молодая дѣвушка уходитъ въ увѣренности, что она имѣла сношенія съ самимъ божествомъ. Позднѣе она сообщаетъ народу полученное ею откровеніе, т. е. то, что нашелъ нужнымъ сообщить ей жрецъ, пользующійся этимъ для удержанія своей власти надъ паствой.

Хотя оффиціальной религіей въ Японіи является буддизмъ, но еще недавно въ разныхъ частяхъ страны находили слѣды тайнаго культа, имѣющаго связь съ генетическими ученіями; такъ, лѣтъ двадцать тому назадъ около Симоносакъ существовалъ храмъ, открыто посвященный Лингаму, да и во всей странѣ происходили во время равноденствія празднества, на которыхъ самыя красивыя изъ проститутокъ выступали передъ толпой съ аттрибутами женскаго и мужского дѣтородныхъ органовъ. Этотъ фактъ установленъ Тиллье. Очень много лингамистовъ на Малабарскомъ и Коромандельскомъ берегахъ. Они составляютъ здѣсь по крайней мѣрѣ половину всего населенія. По ихъ воззрѣніямъ Лингамъ дѣлаетъ равными всѣхъ людей; жрецы, т. н. Gourous, пользуются у нихъ большими преимуществами, и когда жрецъ объѣзжаетъ какую-нибудь область, каждый считаетъ для себя честью предоставить ему свой домъ. Какъ только выборъ жилища сдѣланъ, всѣ мужчины уходятъ изъ дому, и жрецъ и днемъ и ночью остается одинъ съ женщинами, которыя всѣ непрерывъ стараются

удовлетворить его желанія, при чемъ мужчины не обнаруживаютъ никакой ревности. „При выборѣ, говоритъ аббатъ Дюбуа, жрецъ ищетъ такой домъ, гдѣ имѣются молодыя красивыя женщины. Эти „Gourous“ имѣютъ кромѣ того спеціальныхъ наложницъ,—т. н. „жены боговъ“; это—классъ, отличный отъ баядеръ, но испорченъ онъ не менѣе чѣмъ эти послѣднія; онѣ носятъ на бедрѣ отпечатокъ Лингама *). Такова была священная проституція въ Индіи. Очевидно, языческіе жрецы древности отлично умѣли использовать въ своихъ интересахъ благочестіе народовъ **).

Приблизительно то-же мы встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ, гдѣ жрецы толкаютъ людей въ пропасть ничѣмъ не сдержанной чувственности, отупляютъ ихъ ложью, развращаютъ

*) Путемъ цѣлаго ряда измѣненій брамины изъ идеи обожествленія жизни и дѣторожденія сдѣлали самую сущность религіи. Въ настоящее время индусы дѣлятся на двѣ большія секты; поклонники Сивы, которые носятъ на лѣвой рукѣ перстень съ Lingam-yoni - родъ амулета, изображающаго соитіе мужскаго и женскаго органовъ (Verenda utriusque sexus in actu copulationis), и поклонники Вишну, которые носятъ на лбу Hahman, нѣчто вродѣ трезубца, начинающагося отъ переносицы. Средняя вертикальная линія его красная и изображаетъ менструальную жидкость. Боковыя линіи сѣро-пепельныя и символизируютъ мужское сѣмя. Индусская теологія. Kama Soutra (перев. Ламересъ).

**) Въ Камбоджѣ ежегодно происходили церемоніи въ честь Чинъ-Тана, во время которыхъ великій жрецъ лишалъ невинности дѣвушекъ. Онъ получалъ за это даже опредѣленное награжденіе. Въ Малабарѣ самъ король былъ подчиненъ закону; три первыя послѣ свадьбы ночи королева принадлежала верховному жрецу. Tillier (Le mariage).

мужчинъ, растлѣваютъ дѣвушекъ, живутъ проституціей и развратомъ, воздвигаютъ храмы гнуснымъ идоламъ, въ ихъ честь требуютъ пышности и золота. Въ угоду своей гордости они требуютъ повиновенія и заставляютъ женщинъ и дѣвушекъ удовлетворять ихъ похоти.

ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

§ 1. **Культъ Фаллуса, Багалъ-Пегоръ, Молоха, Атисъ и Адониса.**

Всѣ эти культы въ сущности—все тотъ же культъ Лингама, но у Ассиріанъ, Халдейцевъ, Хананеянъ и Финикіянъ онъ получилъ приведенныя выше особыя наименованія.

Фаллу былъ особенно почитаемъ въ Гіерополѣ, на берегахъ Евфрата. Тамъ существовалъ огромный, обставленный съ неслыханной роскошью храмъ, надъ портикомъ котораго высились два Фаллу 170 фут. вышины; надпись на нихъ гласитъ, что они были воздвигнуты однимъ ассирійскимъ богомъ, въ честь своей тещи. Храмъ Bahhal-Pehor или Bel—fegor былъ расположенъ на горѣ Pehor; отсюда и названіе. По халдейски Bahhal значитъ владыка. Молохъ—мужской идолъ моавитянъ, сирійцевъ, лидійцевъ и аммонитянъ. Его статуя изображала человѣка съ головой быка, была вся бронзовая и огромныхъ размѣровъ; его вытянутыя руки ждали приношеній, и служители брали дары и опускали ихъ въ семь огромныхъ ртовъ, выдолбленныхъ въ его чревѣ. Для жертвоприношеній Молоху служили домашнія животныя, а иногда и дѣти. Основаніе статуи покоилось на огромной печи,

на которой изжаривали жертву подъ звуки исполняемой жрецами дикой музыки. Когда бронза раскалялась, поклонники Молоха начинали кружиться вокругъ него, испуская дикіе крики и приходя въ неистовое бѣшенство. Черезъ нѣкоторое время пляска прекращалась и начинался самый разнузданный разгулъ содоміи. Таинства культа Bahhal-Pehor были тѣ же, что и Молоха, за исключеніемъ жертвоприношеній, которыхъ первыя не знали. У Мидійцевъ богъ изображался то въ видѣ гигантскаго мужского члена, то въ видѣ гермафродитической статуи. Его храмъ служилъ для разврата мужчинъ, женщинъ и дѣвочекъ; послѣднія отдавали ему свою невинность, едва только достигали половой зрѣлости.

На основаніи изслѣдованій археологовъ и комментаріевъ отцовъ церкви, Пьеръ Дюфуръ признаетъ главнымъ элементомъ культа Bahhal священную проституцію. Относительно сопровождавшей жрецовъ свиты (аколиты) онъ говоритъ: это были красивые безбородые юноши, которые, для удаленія волосъ со всего тѣла, натирались благовонными маслами; они занимались въ святилищѣ гнуснымъ противоестественнымъ развратомъ. Vulgate называетъ ихъ женоподобными (effeminati), по-еврейски Kedeschim, т. е. святые, посвященные. Они принимали болѣе или менѣе активное участіе въ постыдныхъ таинствахъ; они продавались почитателямъ своего бога и отдавали храму все, что зарабатывали проституціей. Но это не все: у нихъ были собаки, дрессированныя для той же преступной цѣли и то, что они выручали отъ продажи или отъ отдачи этихъ собакъ, «плату собаки», они

также отдавали храму. Наконецъ, во время нѣкоторыхъ, происходившихъ ночью церемоній, когда сами звѣзды точно прятались отъ стыда и смущенія, жрецы и посвященные хватались за ножи и покрывали другъ друга рубцами и неглубокими ранами; потомъ, изнеможенные отъ порока, до крайности возбужденные своей музыкой, они падали въ лужи собственной крови. Женоподобные, говоритъ тотъ же авторъ, составляли секту, имѣвшую свой особый ритуалъ и свои тайны; происхожденіе этой секты стоитъ въ очевидной связи съ распространеніемъ венерическихъ болѣзней, которыя портили кровь женщинъ и дѣлали близость къ этой сектѣ очень опасной. Помимо этого, съ цѣлью увеличить доходы культа, при храмахъ были также группы женщинъ, которыя занимались проституціей въ пользу алтаря, и эти женщины, Kedeshott, помѣщались въ пестрыхъ палаткахъ у входа въ храмъ Bahhal; онѣ занимались проституціей, курили благовоніями, готовили любовный напитокъ и играли на разныхъ инструментахъ. Вслѣдъ за періодомъ священной проституціи мы встрѣчаемъ тѣхъ же женщинъ предающимися проституціи легальной.

Культъ Bahhal-Pehor, Молоха, Астарты и другихъ боговъ этого рода носитъ въ различныхъ странахъ различныя названія, но сущность культа остается все та-же и сводится къ проституціи женщинъ и мужчинъ и къ содоміи. Таковъ же этотъ культъ и въ Египтѣ, въ таинствахъ Изиды и Озириса, но больше всего это страшное извращеніе чувственности было распространено среди финикіянъ, сирійцевъ и лидійцевъ, которые разнесли свои

пороки во всѣ посѣщаемыя ими страны. Апостолъ Павелъ пишетъ объ этихъ народахъ слѣдующее: «Ихъ тѣло полно вожделѣнія. Богъ отдалъ ихъ во власть распутства, для того чтобы подвергнуть «Ихъ тѣла позору. Женщины замѣняютъ естественныя половыя радости противоестественными актами, а мужчины отвергаютъ общеніе съ женщиной и замѣняютъ его позорнымъ общеніемъ съ лицами своего пола.

Въ Азіи къ культу Венеры относятъ не только естественныя половыя сношенія, но и педерастію также».

Эта проституція мужчинъ была причиною возникновенія кастраціи у восточныхъ народовъ. Лукіанъ очень подробно говоритъ объ этомъ (Amores cap. 20—21).

«Когда мораль древнихъ еще пользовалась авторитетомъ, когда существовало еще уваженіе къ дщери боговъ-добродѣтели, люди согласовали свою жизнь съ законами природы, и тѣ, кто вовремя вступали въ бракъ, рождали крѣпкихъ дѣтей. Мало-по-малу люди все ниже спускались съ высотъ морали и падали въ пропасть разврата; половыя радости стали удовлетворять постыднымъ и грубымъ путемъ. Порча нравовъ разлилась повсюду, и законы природы были затоптаны въ грязь. Нашелся человѣкъ, который первый принялъ подобнаго себѣ за женщину, и путемъ-ли насилія или хитрости, воспользовался имъ для удовлетворенія своей низменной страсти. И два индивидуума одного и того-же пола вступили въ половое общеніе, и не стыдились того, что они дѣлали и что позволяли надъ собою дѣлать. Они сѣютъ, такъ сказать, на безплодномъ камнѣ и въ награду за каплю удовольствія пожинаютъ цѣлое море стыда и несчастій. Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до крайней степени озвѣрѣнія, посредствомъ огня удаляютъ тѣ части, которыя дѣлаютъ ихъ мужчинами, и видятъ въ этомъ высшее торжество сладострастія. Но эти несчастные, желая какъ можно дольше оставаться мальчиками, недолго останется мужчинами; двуполость скоро лишаетъ ихъ основныхъ чертъ ихъ природы; они, наконецъ, сами не знаютъ, къ какому полу они принадлежатъ. Сила молодости истощалась у нихъ очень быстро и когда другіе считали ихъ еще юношами, они были уже стариками; средняго возраста они вовсе не знали. Сладострастіе въ одномъ удовольствіи искало другого; толкая людей на все самое позорное и извращенное, оно приводило ихъ къ неслыханнымъ порокамъ и ни одинъ родъ разврата не оставался имъ неизвѣстнымъ».

Эта распущенность мужчинъ и женщинъ, которые отдавались культу восточныхъ божествъ, не могла не вызвать у нихъ появленія нѣкоторыхъ болѣзней половыхъ органовъ; научно обозначить эти болѣзни было бы трудно, но существованіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Геродотъ говоритъ объ этомъ по поводу похода скиѳовъ въ Азію и ихъ пребыванія въ Сиріи; они вернулись на родину съ новой болѣзнью, полученной ими въ общеніи съ сирійцами. Эту болѣзнь, Nosos Theleia, легенда считаетъ местью Милитты, храмъ которой въ Аскалонѣ разрушили скиѳы; о ней же упоминается также у историка Евсебія Памфилія, который описываетъ храмъ

Венеры на горѣ Либанъ: «Тамъ, говоритъ этотъ авторъ, была школа разврата для кутилъ, которые всячески покрывали позоромъ свое тѣло; женоподобные мужчины унижали свое достоинство и предметомъ поклоненія объявляли поразившую ихъ болѣзнь. Между прочимъ, здѣсь-же практиковались преступныя объятія между женщинами; здѣсь происходили самыя отвратительныя формы полового общенія».

Авторы даютъ описаніе и другихъ болѣзней, которыя поражали ротъ и половые органы (Morbus phrenicus, scelerata lues); эти болѣзни несомнѣнно венерической и заразительной природы и ихъ можно разсматривать какъ признаки сифилиса. Впрочемъ, нѣкоторые коментаторы и особенно Розенбаумъ полагаютъ, что болѣзнь скиѳовъ, Nosos Theleia не есть заразительное венерическое пораженіе, а состоитъ въ ослабленіи мужской силы, оканчивающемся страстью къ пассивной содоміи. Не можетъ быть сомнѣній на счетъ этого вида мужской проституціи въ древности: идолъ храма въ Аматонтѣ представляетъ собой женщину съ бородой, въ женскомъ костюмѣ и съ аттрибутами мужчины; она же была изображена въ видѣ конуса изъ простого бѣлаго камня въ Пафосѣ въ честь богини Киприды.

§ 2. **Азіатскія Венеры.** Ассирійская Венера носила имя Милитты или Милидаты, что по Скалигеру обозначало „рождающая", такъ какъ она считалась первоисточникомъ всего живого на землѣ. Согласно свидѣтельству Геродота и Сельдена, персы называли ее Митра, а арабы Алитта. По свидѣтельству аббата де-ла-Шо ей поклонялись халдейцы подъ именемъ Делефатъ, вавилоняне называли ее Саламбо, а сарацины—Кабаръ. Въ Сиріи и Финикіи ее называли Астарта или Ассера, въ Арменіи Анаитисъ или Анаисъ, наконецъ, въ Аскалонѣ и въ Іоппѣ—Дерцето. Эту послѣднюю изображали въ видѣ женщины, туловище которой заканчивалось рыбьимъ хвостомъ.

По существу Митра или Милитта ничѣмъ не отличалась отъ Венеры, отъ любви, какъ основы дѣторожденія. Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Востока слово «Митра» обозначаетъ свѣтъ и любовь. По Геродоту персы заимствовали этотъ культъ у жителей Индіи и передали его киликійцамъ. Гаммеръ считаетъ Митру геніемъ солнца, Ised. Настоящее имя генія солнца, которое греки пишутъ Mithras, есть Mihr, и это имя на персидскомъ языкѣ также обозначаетъ солнце и любовь. Впервые культъ Милитты возникъ въ Халдеѣ, и оттуда распространился по сосѣднимъ народамъ. Вездѣ онъ освящалъ религіозную форму проституціи и скоро выродился въ циничныя оргіи, которыя совершались публично въ воздвигнутыхъ богинѣ храмахъ. Отецъ исторіи Геродотъ оставилъ намъ описаніе пріемовъ культа Милитты, которые даютъ представленіе о сущности религіозной проституціи; онъ пишетъ:

«Дѣвушки Вавилона были обязаны одинъ разъ въ жизни въ храмѣ Милитты отдаваться за деньги чужестранцу. Знатныя женщины, гордыя своимъ богатствомъ, не хотѣли смѣшиваться съ другими и пріѣзжали въ храмъ въ закрытыхъ колесницахъ. Они останавливались передъ храмомъ, окруженныя большимъ количествомъ слугъ, которые оберегали

Государственная Библиотека СССР В. И. Ленина

ихъ отъ жрецовъ. Но большинство женщинъ оставались въ окружающихъ храмъ аллеяхъ, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ. Протянутыми веревками аллеи эти раздѣлялись на отдѣльные участки, по которымъ прогуливались чужеземцы и выбирали себѣ какую-нибудь изъ женщинъ. Когда женщина заняла здѣсь мѣсто, она не смѣетъ уходить отсюда раньше, чѣмъ не отдастся какому-нибуду чужестранцу; послѣдній даетъ ей денегъ, говоря: «Я призываю богиню Милитту». Какъ ни скромна была бы предлгааемая имъ сумма, онъ не получитъ отказа: законъ защищаетъ его, такъ какъ это золото священно. Она слѣдуетъ за первымъ, кто броситъ ей деньги, такъ какъ отказываться она не вправѣ. Отдавъ такимъ образомъ дань богинѣ, она удаляется и послѣ этого ни обѣщанія, ни самые крупные дары не могутъ побудить ее вновь отдаться чужестранцу. Стройныя и красивыя женщины остаются въ храмѣ недолго, некрасивыя же остаются тамъ долгое время, такъ какъ не могутъ выполнить законъ. Бываетъ даже, что женщины остаются тамъ въ продолженіе трехъ и четырехъ лѣтъ!» *) Обычай этотъ существуетъ не только у Вавилонянъ, но и у всѣхъ народовъ Малой Азіи, знакомыхъ съ культомъ Милитты. Философы и историки пытались опредѣлить происхожденіе этого обычая безнравственной продажи женской невинности чужеземцамъ Эту форму священной проституціи относили въ вѣрованію, распространенному у всѣхъ народовъ Азіи и состоящему въ томъ, что всякое благо вкушаетъ богъ

*) Геродотъ. Гл. I, 199.

первымъ, раньше людей, и потому женская дѣвственность должна быть использована въ интересахъ богини любви. Но если это былъ актъ религіозный, то почему приглашали на эту церемонію чужестранцевъ и предупреждали ихъ о необходимости дать денегъ дѣвушкѣ, которая отдастъ имъ свою дѣвственность? И вотъ для объясненія дефлораціи азіатскихъ дѣвушекъ привлекли мысль о нечистотѣ крови, вытекающей послѣ разрыва hymen'a. Но это мнѣніе никогда не получило подтвержденія въ подлинныхъ текстахъ. Если кровь перваго совокупленія религія считаетъ дѣйствительно нечистой, то почему жрецы брали на себя столь неподходящую обязанность? *) Развѣ не было Phallou и деревянныхъ пріаповъ, предназначенныхъ для разрыва hymen'a?

По нашему мнѣнію здѣсь вся суть въ денежной выгодѣ, и пріѣзжіе купцы, жившіе въ приморскихъ городахъ, щедро платили за эту невинность, которая была главнымъ источникомъ для храмовъ и бѣдныхъ семействъ. Доказательство этому мы находимъ въ свадебныхъ церемоніяхъ у нѣкоторыхъ племенъ: «у Назамоновъ, маленькаго народа Лидіи,—разсказываетъ Геродотъ,—новобрачная принадлежитъ всѣмъ гостямъ и получаетъ отъ каждаго подарокъ, который тотъ приноситъ съ собой изъ дому». Торговля дѣвственностью имѣетъ давнишнюю и несомнѣнную связь съ приданнымъ для бѣдныхъ дѣвушекъ. Дѣвушки же

*) Соннера въ своемъ «Путешествіи по Восточной Индіи»—разсказываетъ, что король Калькутты далъ своему верховному жрецу 500 экю, за то, что онъ развязалъ у его женъ поясъ Венеры.

привилегированныхъ классовъ имѣли достаточно средствъ для того, чтобы содержать въ храмѣ богини рабынь, такъ наз., hierodules permanentes, которыя отдавали вмѣсто нихъ дань священной проституціи.

На большой таблицѣ, пріобрѣтенной изъ королевской библіотеки въ Ниневіи, приведены различныя магическія заклинанія, изъ которыхъ одно употреблялось священными проститутками, которыя преступили законъ, покинувъ святилище.

Такимъ образомъ Венера потеряла свой характеръ богини дѣторожденія и превратилась въ покровительницу безстыдной страсти. Храмы и рощи уже перестали быть мѣстомъ, гдѣ оба пола соединялись въ цѣляхъ произведенія потомства и стали мѣстомъ необузданнаго разврата. Жертвоприношенія превратились въ простую дань проституціи; храмы сдѣлались настоящими публичными домами, въ которыхъ жрицы Милитты или Астарты открыто играли роль проститутокъ на глазахъ у жрецовъ и подъ маской религіи.

Вообще проституція дѣвушекъ была только прелюдіей къ проституціи женщинъ, и храмъ Милитты въ Вавилонѣ скоро не вмѣщалъ уже всѣхъ поклонниковъ богини. Но въ окрестностяхъ храма была большая площадь съ бассейнами, рощами, садами и вотъ она то, по словамъ Пьера Дюфура, сдѣлалась центромъ проституціи. Женщины, которыя уходили въ это священное мѣсто, находились здѣсь въ безопасности, ибо глазъ отца или мужа не могъ ихъ здѣсь застигнуть. Геродотъ и Страбонъ ничего не говорятъ о томъ, какую часть приношеній, дѣлаемыхъ благочестивыми по-

клонницами Милитты, забирали себѣ жрецы, но пророкъ Барухъ описываетъ ихъ какъ людей, которые „ни отъ чего не отказываются“.

Священная проституція вскорѣ вызвала сильную порчу нравовъ въ Вавилонѣ. Этотъ колоссальный городъ съ населеніемъ въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ, весь отдался самому неслыханному разврату. Квинтъ Курцій въ своей «Исторіи Александра Великаго» даетъ слѣдующую картину развращенности Ассирійской столицы: «Нельзя себѣ представить ничего болѣе распутнаго, чѣмъ этотъ народъ; не можетъ быть большей утонченности въ искуствѣ утѣхъ и сладострастія. Отцы и матери мирились съ тѣмъ, что ихъ дочери за деньги продавали гостямъ свои ласки, мужья спокойно относились къ проституированію своихъ женъ. Вавилоняне были погружены въ пьянство и во всѣ безчинства, связанныя съ этимъ. Женщины на пирахъ снимали свои верхнія одежды, потомъ остальное платье, одно за другимъ, мало-по-малу обнажали свое тѣло и наконецъ оставались совершенно нагими. И такъ распущенно вели себя не публичныя женщины, а самыя знатныя дамы и ихъ дочери».

Культъ Милитты не замедлилъ распространиться по всей Западной Азіи и всѣ народы съ восторгомъ принимали этотъ принципъ священной проституціи, эту тайну открытаго разврата. Въ зависимости отъ мѣстныхъ обычаевъ культъ этотъ въ различныхъ странахъ слегка видоизмѣнялся и получалъ различныя названія. Такъ въ Арменіи Анаитисъ имѣла храмъ, въ которомъ служили молодыя дѣвушки, посвятившія себя ея культу. Чуже-

земцевъ, которые посѣщали ихъ, ожидали ласки армянскихъ женщинъ, большія или меньшія,—смотря по вознагражденію. Страбонъ прибавляетъ, что съ цѣлью угодить богинѣ, старались подбирать посѣтителей болѣе или менѣе подходящихъ по возрасту, фигурѣ и общественному положенію *).

Дѣвушки оставались въ храмѣ нѣкоторое время и затѣмъ родственники забирали ихъ и выдавали замужъ, причемъ найти для нихъ мужа было тѣмъ легче, чѣмъ большимъ успѣхомъ онѣ пользовались въ качествѣ жрицъ любви. Мы уже знаемъ, что въ Сиріи и Финикіи богиня носила имя Астарты или Ассеры; равнымъ образомъ Фаллу носилъ имя Адониса, ея возлюбленнаго, который изображалъ мужское начало и былъ предметомъ поклоненія для женщинъ; у Астарты-же на статуяхъ имѣлись аттрибуты обоихъ половъ. На ночныхъ празднествахъ «Доброй Богини» проституція носила характеръ сатиріазиса и нимфоманіи; разнузданность этихъ оргій не поддается описанію. Мужчины и женщины подъ звуки музыки и тамбура доходили до крайнихъ предѣловъ разврата, причемъ церемоніями руководили сами жрецы.

На печальныхъ празднествахъ въ честь Адониса женщины были съ обрѣзанными волосами; нѣкоторыя въ теченіе цѣлаго дня отдавались чужеземцамъ. Все это совершалось въ честь богини, въ присутствіи статуи божества, которая для этого случая украша-

*) Посвященіе дѣвушекъ въ храмахъ Анаитисъ также описано у Страбона. Онъ говоритъ, что проституированіе обязательно предшествовало замужеству, при чемъ только знатныя семьи посвящали своихъ дочерей богинѣ.

лось огромнымъ количествомъ фаллусовъ различнаго размѣра. По словамъ Лукіана женщины отдавались этой позорной торговлѣ столько разъ, сколько разъ находились желающіе платить имъ, и всѣ деньги, выручаемыя отъ разврата, считались жертвой, принесенной на алтарь Анаитисъ. Этотъ культъ, обожествляющій наслажденія любви, постепенно охватилъ всѣ страны древняго міра; онъ былъ занесенъ финикійскими купцами, имѣвшими торговыя сношенія съ городами Востока. Мы встрѣчаемъ его въ Понтѣ, Зелѣ, Коммонѣ Сидонѣ, Аскалонѣ, въ Карѳагенской области и особенно по берегамъ морей. Вездѣ строили Венерѣ данной мѣстности храмы, которые старались воздвигать на высотахъ, чтобы ихъ было видно съ моря и проѣзжающіе мореплаватели знали, что здѣсь обиталище богини,—что здѣсь ждутъ ихъ молодыя дѣвушки, которыя проходятъ искусъ любви; эти дѣвушки добываютъ себѣ приданое, которое ихъ мало-щепетильные мужья охотно примутъ.

Мало-по-малу проституція теряетъ свой священный характеръ, что мы впервые наблюдаемъ у лидійцевъ. Здѣсь развратъ дѣвушекъ и женщинъ своей единственной цѣлью имѣлъ пріобрѣтеніе денегъ. Макробъ и Атеней даютъ описаніе лидійскихъ нравовъ, описаніе, которое Пьеръ Дюфуръ излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Лидійскую армію всегда сопровождала толпа танцовщицъ и музыкантшъ, которыя обладали большимъ опытомъ въ искусствѣ сладострастія. Музыка была у нихъ возбуждающимъ средствомъ для распутства и на пирахъ онѣ разжигали пьянство и развратъ

звуками инструментовъ, непристойными пѣснями и безстыдными танцами. Отъ этихъ позорныхъ зрѣлищъ, служившихъ прелюдіей къ необузданнымъ оргіямъ, древніе персы не старались оберечь даже своихъ женъ и дочерей, которыя безъ покрывала, увѣнчанныя цвѣтами, приходили на пиршества. Разгоряченныя виномъ, опьяненныя музыкой, возбужденныя сладострастной пантомимой музыкантшъ, эти дѣвственницы, эти матроны и жены быстро теряли всякую сдержанность и съ чашей въ рукѣ, тутъ-же, въ присутствіи своихъ отцовъ, мужей, братьевъ и сестеръ давали просторъ самымъ низменнымъ своимъ инстинктамъ. Возрастъ, полъ, общественное положеніе,—все тонуло и смѣшивалось въ одномъ круговоротѣ. Пѣсни, крики и танцы становились все громче и необузданнѣе. Всеобщее смѣшеніе овладѣвало пиршественной залой, которая превращалась въ постыдный dicterion. Пиръ и любострастныя интермедіи продолжались до той поры, когда съ наступленіемъ зари блѣднѣли факелы, и полуобнаженные гости падали куда придется и засыпали потомъ на своихъ украшенныхъ серебромъ и слоновой костью постеляхъ».

Геродотъ довольно подробно описываетъ легальную проституцію у лидійцевъ. Образъ жизни лидійскихъ женщинъ онъ рисуетъ въ слѣдующихъ, очень выразительныхъ словахъ: «energa stomaticos paidiskai», которыя Генрихъ Гейне переводитъ такъ: «эти женщины занимаются своимъ ремесломъ лежа».

То-же самое говоритъ объ армянскихъ женщинахъ Страбонъ. О женщинахъ-же Финикіи вотъ что мы находимъ у блаженнаго Авгу-

стина (по Антенагору): Veneri etiam Phoenices donum dabant de ptostitutione filiarum, antequam jungerent eas viro.

Такова исторія проституціи въ западной Азіи, какъ она намъ вырисовывается на основаніи памятниковъ древней письменности. Въ главѣ, спеціально посвященной археологическимъ даннымъ по проституціи въ древности, приведенныя выше свидѣтельства древнихъ авторовъ найдутъ себѣ новое подтвержденіе; это подвержденіе, какъ мы увидимъ ниже, заключается въ тѣхъ фигурныхъ памятникахъ, какіе сохранились отъ той эпохи.

ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ ЕГИПТѢ.

Культъ Пріапа, Изиды и Озириса *).

Жрецы древняго Египта учили, что весной, когда богъ солнца Озирисъ возвращаетъ природѣ жизнь, а землѣ и животнымъ плодовитость, онъ входитъ въ созвѣздіе быка. На томъ нарѣчіи, на какомъ говорятъ въ Мемфисѣ, эмблемой Озириса служилъ, повидимому, быкъ, Аписъ, а эмблемой земли, Изиды—корова. Если къ слову «Apis» прибавить приставку «pre», которая придаетъ слову значеніе чего-то священнаго, то получится «Priape», слово, обозначающее священныя части Озириса. Это объясненіе принадлежитъ Дюлору и опирается на тщательное изученіе предмета, въ подробное изложеніе котораго мы не будемъ входить здѣсь.

Геродотъ же прибавляетъ, что „у египтянъ существовали человѣческія фигуры, половыя части которыхъ были такой же величины, какъ и все тѣло, и такой колоссальный пріапъ былъ изображеніемъ быка".

Аббатъ Миньо въ своихъ „Recherches sur les antiquités religieuses des Assiriens et des Phéniciens" выражаетъ мнѣніе, что культъ Пріапа занесенъ изъ Ассиріи и Халдеи, гдѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Фаллу; отсюда онъ проникъ въ Египетъ, гдѣ онъ существовалъ еще въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры.

*) Названія «Ischeth» и «Osireth» передѣлали въ Изиду и Озириса—греки.

На празднествахъ Озириса носили Пріапъ по полямъ и вѣрили, что это даетъ обильную жатву; жрецы держали Пріапъ высоко надъ толпой и приводили его въ движеніе съ помощью пружины. Такую церемонію наблюдалъ еще въ 1787 г., Гранпре въ странѣ Конго; о ней же упоминаетъ Плутархъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Во время весенняго равноденствія праздновали рожденіе бога солнца Озириса. Надъ торжественнымъ шествіемъ высилась фигура божества, фаллусъ котораго былъ въ три раза больше его тѣла, ибо этотъ богъ есть первоисточникъ дѣторожденія, а всякій первоисточникъ, благодаря своей производительной силѣ, увеличиваетъ и усиливаетъ все, что исходитъ отъ него".

Египетскія женщины, по свидѣтельству того же Геродота, публично обнажали свое тѣло предъ вновь избраннымъ священнымъ быкомъ, и божество, которому онѣ такимъ образомъ выражали свое благоговѣніе, оберегало ихъ отъ безплодія.

Съ этой же цѣлью женщины, по словамъ М. Монтеня, носили амулеты съ изображеніемъ Пріапа: „Египетскія дамы во время вакханалій носили на шеѣ большую деревянную, искусно сдѣланную, тяжелую фигуру, у которой Пріапъ своими размѣрами превышалъ все остальное туловище". Для того, чтобы понять эти нравы, нужно вспомнить, что когда люди выходятъ изъ дикаго состоянія, то пер-

вое религіозное чувство, какое у нихъ возникаетъ,— это благоговѣніе предъ тѣми загадочными силами, которыя обусловливаютъ продолженіе рода. Они поклоняются солнцу, а солнце у всѣхъ народовъ древности считалось началомъ огня, огонь разсматривали, какъ начало дѣторожденія, а на дѣтородные органы смотрѣли какъ на аттрибуты божества, оплодотворяющаго природу. Всѣ эти идеи входятъ между собой во взаимодѣйствіе и служатъ фундаментомъ для одинаковыхъ культовъ.

Религіозная проституція была принесена въ Египетъ халдейцами и народами Западной Азіи *). Она вполнѣ согласовалась какъ съ пылкимъ темпераментомъ египтянокъ, такъ и съ ихъ ненасытной жадностью, а ея распространеніе облегчалось еще тѣмъ, что она находила въ жрецахъ могущественныхъ и непосредственно заинтересованныхъ покровителей. Жрецы же обоготворяли солнце или Озириса, какъ представителя мужского начала и землю, т. е. Изиду, какъ представительницу начала женскаго. „Во время этихъ церемоній, говоритъ Пьеръ Дюфуръ, жрецы богини носили мистическую вѣялку, въ которую попадаютъ и чистое зерно и отруби, но которая удерживаетъ только первое и отбрасываетъ вторыя. Жрецы имѣли съ собой священны «tau», т. е. ключъ, который открываетъ всѣ самыя недоступныя двери. Этотъ tau имѣлъ форму мужского, а вѣялка—

*) По происхожденію египтяне—азіаты. Ихъ черты лица и языкъ сближаютъ ихъ съ бѣлыми народами Западной Азіи. Масперо.

форму женскаго полового органа. Сбоку отъ tau въ аттрибутахъ Озириса помѣщали еще глазъ, съ бровями или безъ нихъ, въ которомъ символизируются отношенія между обоими полами. Кромѣ того на празднествахъ Изиды тотчасъ же вслѣдъ за коровой шла группа молодыхъ дѣвушекъ, Cystophores, съ мистическимъ пузыремъ въ рукахъ; тутъ же шла жрица съ золотой урной на груди, а въ урнѣ находился Фаллусъ, который, по выраженію Апулея, былъ священнымъ изображеніемъ верховнаго божества и орудіемъ тайныхъ наслажденій. Въ культѣ подобнаго рода священная проституція играла, конечно, очень видную роль, но эта проституція, по крайней мѣрѣ вначалѣ, касалась однихъ только жрецовъ, которые дѣлали изъ нея одинъ изъ самыхъ выгодныхъ источниковъ дохода для своихъ алтарей. Она открыто царила въ тѣхъ обрядахъ посвященія, которымъ предшествовали омовенія, отдыхъ и воздержаніе. Боги и богини всю полноту своей власти вручили своимъ служителямъ, которые умѣли вполнѣ реально ее использовать. Эпифанъ прямо говоритъ, что эти тайныя церемоніи являются полной аналогіей тѣмъ нравамъ, какіе господствовали въ первобытныя времена, до возникновенія общества; здѣсь происходило полное смѣшеніе половъ и самый грубый разгулъ страстей». Эта развращенность нравовъ вполнѣ подтверждается изученіемъ письменныхъ памятниковъ древности и вообще остатками старины.

По Страбону, красивыя дѣвушки предоставлялись египетскому божеству, которому они отдавались чрезъ посредство его слугъ; впо-

слѣдствіи дѣвушекъ выдавали замужъ. Но этимъ не ограничивались дары, получаемые жрецами Изиды: послѣдніе посвящали въ тайны самаго утонченнаго разврата неофитовъ обоего пола, причемъ церемоніи этого рода происходили въ окрестностяхъ храмовъ и въ подземельяхъ, имѣющихъ сообщеніе съ храмами. Геродотъ разсказываетъ, что въ Бубастисъ на празднества Изиды ежегодно приходили на посвященіе до 700,000 паломниковъ. Эта священная проституція или, вѣрнѣе, безуміе священнаго разврата было источникомъ значительныхъ доходовъ для алтаря богини, причемъ доходы дѣлили между собой только жрецы, которые одни лишь и обладали всѣми тайнами посвященія въ таинства. Естественнымъ слѣдствіемъ религіозныхъ церемоній культа Озириса была страшная порча нравовъ египтянокъ; проституція стала такимъ обыденнымъ явленіемъ, что Рамзесъ съ цѣлью открыть вора, укравшаго его драгоцѣнности, имѣлъ сношеніе съ собственной дочерью въ одномъ вертепѣ, гдѣ кутили всякіе воры и разбойники и куда его дочь приходила со шпіонскими цѣлями. Другой царь, Хеопсъ, также сдѣлалъ проституткой свою дочь, съ цѣлью добыть средства для окончанія постройки пирамиды. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ Геродотъ:

«Раззорившись отъ двадцатилѣтнихъ колоссальныхъ затратъ на постройку пирамиды, Хеопсъ помѣстилъ свою дочь въ притонъ и велѣлъ ей вытягивать отъ своихъ любовниковъ какъ можно больше денегъ. Я не знаю, какъ велики были эти суммы; жрецы мнѣ этого не сказали. Дѣвушка не только

исполняла приказаніе отца, но сама задумала воздвигнуть памятникъ, и каждаго изъ своихъ посѣтителей просила приносить ей хоть по одному камню для постройки. По словамъ жрецовъ, одна изъ трехъ пирамидъ была построена именно изъ этихъ камней».

По числу камней въ этихъ памятникахъ можно составить себѣ понятіе о числѣ ласкъ, которыми дочь Хеопса одаряла подданныхъ своего царственнаго отца; достаточно сказать, что ея пирамида имѣла 147 метровъ въ вышину.

Исторія сохранила намъ имена нѣкоторыхъ извѣстныхъ куртизанокъ Египта и, особенно, города Наукратисъ; назовемъ Родопсисъ, которая воздвигла Мицеринскую пирамиду. Благодаря своей красотѣ, она пріобрѣла огромныя богатства отъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ, изъ которыхъ отмѣтимъ Харакса изъ Митиленъ, брата знаменитой Сафо. Далѣе идетъ Архидика, которая оцѣнивала свои ласки такъ дорого, что для того, чтобы обладать ею, нужно было цѣлое состояніе. Объ этой женщинѣ мы находимъ у Ларшера слѣдующій разсказъ. Одинъ молодой египтянинъ, очень небогатый, такъ увлекся ею, что предложилъ ей за одну ночь любви все свое состояніе. Архидика отвергла его предложеніе. Несчастный влюбленный умолялъ Венеру, чтобы она дала ему увидѣть хоть во снѣ тѣ ласки, въ которыхъ красавица ему отказывала, и его мольбы были исполнены богиней. Жадная куртизанка узнала объ этомъ и привлекла своего вздыхателя къ суду, требуя уплаты ей денегъ за это сладострастное сновидѣніе. Но судьи прогнали Авридику и

посовѣтовали ей выпросить у той же богини, чтобы она дала ей увидѣть во снѣ то золото, которое она требуетъ отъ своего любовника.

Какъ мы видимъ, легальная проституція всегда признавалась въ Египтѣ и къ ней относились съ такой же терпимостью, какъ къ проституціи священной. Птоломеи же пошли еще дальше и при Птоломеѣ Филадельфѣ, напримѣръ, знаменитыя куртизанки играли даже извѣстную роль при дворѣ. Принявъ во вниманіе покровительство боговъ съ одной стороны и корыстную помощь жрецовъ съ другой, мы не найдемъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти египетскія куртизанки съ ихъ необыкновеннымъ талантомъ возбуждать страсти пріобрѣли ту громкую репутацію, какую признаютъ за ними всѣ историки.

Впрочемъ, онѣ имѣли соперницъ, именно, въ лицѣ нѣсколькихъ греческихъ гетеръ, которыя, какъ мы это увидимъ лвъ главѣ о гетерахъ Аѳинъ и Коринфа, пользовались большимъ успѣхомъ и пріобрѣтали цѣлыя состоянія у владыкъ Египта. Кромѣ того, королевы и самыя знатныя дамы Ѳивъ и Мемфиса не чуждались проституціи и даже находили вполнѣ естественнымъ извлекать доходы изъ своей красоты, изъ своихъ царственныхъ ласкъ. Такова царица Клеопатра, которая была столь же прекрасна, какъ и преступна. Цезарь оплатилъ ея ласки тѣмъ, что отдалъ ей египетскій престолъ. Антоній же за обладаніе ими отдалъ ей нѣсколько восточныхъ провинцій Рима. Можно себѣ представить, чего бы она потребовала отъ Октавія, если бы побѣдитель при Акціумѣ согласился быть преемникомъ

Цезаря и Антонія въ обладаніи прелестями прекрасной дочери Лагида! Но въ это время ей было уже 39 лѣтъ,—возрастъ, когда женщинѣ рѣдко удается увлечь побѣдоноснаго полководца И она поняла это, когда отдала свою грудь смертельному жалу змѣи.

Египетскіе письменные памятники медицинскаго содержанія очень немногочисленны и сводятся къ нѣсколькимъ рѣдкимъ папирусамъ и къ неопредѣленнымъ гіероглифамъ на гранитѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать вывода, будто сифилисъ пощадилъ этотъ народъ, столь широко отдававшійся проституціи.

Папирусъ Эберса, временъ Рамзеса II, былъ истолкованъ извѣстнымъ французскимъ египтологомъ Шаба, и нѣкоторыя части его разработаны достаточно полно для того, чтобы оцѣнить важность знакомыхъ египтянамъ симптомовъ сифилиса. Дѣйствительно, на этомъ папирусѣ мы читаемъ: «Болѣзнь, которая поражаетъ животъ, члены, сочлененія, глаза, десны встрѣчается очень часто и очень гибельна... эта болѣзнь помѣщается иногда во рту... она поражаетъ также задній проходъ». На томъ же папирусѣ говорится о средствахъ противъ «влагалищныхъ прыщей, болей срамныхъ губъ, воспаленій и трещинъ влагалища».

Шаба не былъ медикомъ, а потому не могъ уловить патологическій смыслъ словъ, которыя онъ разобралъ на папирусѣ: axat, которая обозначаетъ болѣзнь влагалища, Asit, проказа, Anut, рана или язва, Bentet, разращенія у женщинъ, Setet, бубоны и пр. Кромѣ того, медицину въ Египтѣ монополизировали жрецы,

и ея тайнъ они никому не сообщали. Но мы знаемъ изъ сочиненій другихъ, не египетскихъ авторовъ, что именемъ «египетская язва» и «египетская чума» обозначали венерическіе припадки сифилитическаго характера.

АЛМЕИ.

Извѣстно, что на востокѣ и, въ частности, въ Египтѣ существовалъ особый классъ женщинъ, которыя, подобно баядерамъ Индіи, представляли собой корпорацію пѣвицъ, танцовщицъ и музыкантшъ. Это были алмеи, отъ арабскаго Almeh, что значитъ «ученый». Пѣсни ихъ были, большей частью, эротическаго содержанія, и хотя они допускались на семейныя торжества, но были, въ сущности, куртизанками высшаго полета. Тѣ изъ нихъ, которыя показывались народу, назывались Gawasi. Жениться на нихъ можно было безъ всякаго стыда; противъ этого не протестовала ни мораль, ни, тѣмъ болѣе, религія. Никакія празднества не обходились безъ нихъ, не было пировъ, которыхъ онѣ не украшали бы своимъ присутствіемъ. *) Савари пишетъ:

«Гибкость ихъ тѣлъ была удивительна. Поразительно подвижны были черты ихъ лица, которымъ онѣ умѣли по произволу придавать то выраженіе, какое соотвѣтствовало исполняемой ими роли. Непристойность ихъ позъ иногда переходила всякія границы, ихъ взгляды, ихъ жесты были такъ выразительны,

---

*) Savary, Voyage en Egypte.

что не понять ихъ было нельзя. Едва начинается танецъ, онѣ сбрасываютъ вмѣстѣ со своимъ плащемъ и стыдливость своего пола. Длинное платье изъ очень легкаго шелка спадаетъ къ ихъ ногамъ; роскошный поясъ мягко охватываетъ ихъ талію; длинные заплетенные черные волосы, надушенные ароматными благовоніями, спадаютъ съ ихъ плечъ; прозрачная, точно газовая, сорочка едва прикрываетъ грудь. Вмѣстѣ съ началомъ танца формы и контуры ихъ тѣлъ выдѣляются особенно ярко. Звуки флейты, тамбура и кимваловъ замедляютъ или ускоряютъ темпъ ихъ движеній Подходящія къ случаю слова еще больше воодушевляютъ ихъ; онѣ пьянѣютъ, точно обезумѣвшія вакханки и, отбросивъ всякую сдержанность, всецѣло отдаются разгулу чувственности». Были алмеи и у евреевъ, которые, въ силу своего долгаго пребыванія въ землѣ Misraim, вполнѣ усвоили себѣ вкусы египтянъ; кажется даже, что въ Іерусалимѣ, какъ и въ Каирѣ, алмеи давали уроки женщинамъ. Св. Маркъ сообщаетъ фактъ, показывающій, какъ сильно восточная пляска овладѣла сердцами сыновъ Израиля:

Иродъ праздновалъ день своего рожденія пышнымъ пиромъ, на который созвалъ вождей народа, трибуновъ и правителей Галилеи. Когда гости сидѣли за столомъ, дочь Иродіады, Саломея вошла въ залъ и исполнила передъ гостями восточный танецъ. Всѣ апплодировали искусству Саломеи. Очарованный царь поклялся, что онъ дастъ ей все, чего она пожелаетъ, хотя бы она потребовала половину его царства. По наущенію своей матери, Саломея потребовала головы Іоанна

Крестителя и дѣйствительно получила ее. *) Алмеи еще въ настоящее время присутствуютъ на брачныхъ обрядахъ. Онѣ съ музыкой проходятъ шествіемъ мимо новобрачныхъ. Болѣе извѣстныя алмеи живутъ только у правителей и богачей и свою благосклонность оцѣниваютъ очень дорого. Одинъ поэтъ посвятилъ имъ слѣдующіе стихи, являющіеся вольнымъ переводомъ одной восточной оды:

Приди же, небесная Алмея,
Моя возлюбленная гурія,
Приди на закатѣ дня
Къ старой смоковницѣ.
Сладкіе ароматы и пѣсни мавра
Заставляютъ меня, о Фатьма, грезить о любви.

Воспитывали алмей сообразно той роли, какую онѣ играли въ обществѣ. Ихъ выбирали изъ числа красивѣйшихъ и знатнѣйшихъ дѣвушекъ страны. Саломея была родная племянница Ирода, и все же у нея не было другого имени, какъ Соломея—танцовщица. Эти куртизанки получали широкое образованіе: въ основѣ ихъ образованія были положены: пѣніе, музыка и литература. Онѣ импровизировали стихи, — настоящія пѣсни любви, дышавшія страстью и чувственностью,—единственныя, кажется, вещи, которыя незачѣмъ было вводить въ программу ихъ обученія: онѣ и безъ выучки были учеными въ искусствѣ Венеры!

---

*) Іоаннъ Креститель изобличилъ преступную связь Иродіады съ ея двумя дядями.

ПРОСТИТУЦІЯ У ЕВРЕЕВЪ.

Совершенно справедливо замѣчаетъ Бэро, что проституція восходитъ ко времени возникновенія міра и что она связана съ самыми древними религіозными обрядами. Въ Книгѣ Бытія мы читаемъ объ Агари, которая была наложницей Авраама, уже женатаго на своей сестрѣ по отцу, Саррѣ; послѣдняя, съ согласія мужа, отдавалась съ корыстной цѣлью фараону; двѣ дочери Лота напоили своего отца пьянымъ и раздѣлили съ нимъ ложе; Лія и Рахиль отдали своихъ служанокъ въ наложницы Якову; Бала, одна изъ женъ Якова, отдалась своему сыну, Рувиму *), Тамара—своему тестю Іудѣ, и т. д. Патріархи примитивной простотой своихъ нравовъ первые подали своимъ потомкамъ примѣръ разврата и сладострастія.

И, опьяняемый небомъ востока и тѣми теченіями, какія приходили изъ Азіи, побуждаемый примѣромъ своихъ предковъ, народъ Израиля быстро направился къ искушеніямъ плоти, ко всѣмъ чарамъ физическихъ радо-

*) «Рувимъ, сказалъ передъ смертью Яковъ своему старшему сыну, ты ни въ чемъ не будешь знать удачи, такъ какъ ты осквернилъ честь моего дома».

стей. Послѣднія сдѣлались единственной цѣлью и смысломъ его жизни. И вопреки слову пророковъ, говорившихъ именемъ Іеговы, вопреки заповѣдямъ священной скрижали таинственная сила роковымъ образомъ влекла избранный Богомъ народъ въ страшную пропасть ненасытныхъ страстей и извращеній, передъ которыми философъ въ безсиліи нѣмѣетъ, ожидая ихъ объясненія отъ науки. Быть можетъ, это объясненіе слѣдуетъ искать въ фаллическомъ культѣ, который распространился здѣсь тѣмъ быстрѣе, что у семитовъ не было никакого литературнаго или художественнаго идеала, который бы поглощалъ ихъ энергію. Инстинктъ дѣторожденія господствовалъ надъ всѣми сторонами ихъ души и приводилъ ихъ къ самымъ чудовищнымъ извращеніямъ. Разнузданныя божества прославляли безуміе плоти и безпрерывное сладострастіе.

«Вакханка съ распущенными волосами, говоритъ Бенье, ходитъ взадъ и впередъ, и пьетъ и поетъ передъ лицомъ Израиля, охраняемаго священнымъ ковчегомъ и пророками. Но, увы! въ стѣнѣ внезапно образуется брешь, и оргія врывается внутрь храма. Астарта напивается до-пьяна изъ чаши Іеговы, Ассера превращаетъ скинію въ альковъ. Пришедшая изъ Индіи Кемошъ, подобно Вакху, поетъ свои гимны во славу плоти въ святилищѣ. Народъ Божій сгораетъ подобно факелу, нечестивый культъ врывается всюду: въ галлереяхъ святилища выдалбливаютъ ниши; словно мадонны, сидятъ тамъ красивыя дѣвушки, это—Iukkoth Benoth. Въ другомъ мѣстѣ водружаютъ гнусныя эмблемы. Похоть богини

Bahhal-Pehhor удовлетворяется только длиннымъ рядомъ изнасилованій. Въ чащѣ лѣсовъ раздаются нечеловѣческіе крики бьющихся въ судорогахъ женщинъ. Камни, дерево, пещера, гора,—все служитъ самому необузданному пріапизму».

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эти люди предались противуестественнымъ инстинктамъ: вѣдь законъ не запрещалъ этого, а боязнь Іеговы была безсильна противъ этихъ обитателей азіатскаго Пантеона, перенесенныхъ въ Іудею вмѣстѣ съ ихъ символами, мужскимъ и женскимъ дѣтороднымъ началомъ. Прочтите, напримѣръ, это мѣсто изъ книги Бытія XXIV 2: «Клянусь, возлагая мои руки на твои половые органы (Jereki)», сказалъ Эліэзеру Авраамъ, уѣзжая для исполненія важнаго порученія. Здѣсь божество взято въ свидѣтели торжественнаго обѣщанія, здѣсь патріархъ пользуется имъ для клятвы. Что касается принесенія въ жертву крайней плоти, которая всегда носила у евреевъ чисто религіозный характеръ, то это, быть можетъ, одна изъ тѣхъ многихъ жертвъ, какія посвящались Генію—Производителю, Elohim; такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ Бенье, (Archéologie médicale), судя по слѣдующимъ словамъ Іезекиля, въ которыхъ раскрываются таинства Bahhal Pohhor:

XVI 17. Ты взяла мои дорогіе перстни, мое золото, мое серебро, которое я тебѣ далъ; потомъ ты сдѣлала себѣ «искусственный членъ», tzelem-zakar, и ты блудодѣйствовала съ нимъ.

Этотъ tzelem-zakar—не что иное, какъ драгоцѣнный фаллусъ римскихъ куртизанокъ.

Это «золотая шпора», (l'éperon), какую греческія гетеры посвящали Венерѣ;—это, наконецъ, тотъ же лингамъ изъ смолистой камеди, какіе уже цѣлое тысячелѣтіе приготовляются въ Индіи для нимфомановъ; ихъ съ необыкновеннымъ цинизмомъ изображали индійцы на барельефахъ своихъ античныхъ храмовъ. *) Іеремія, свидѣтель этихъ безчинствъ, относится къ народу Израиля съ глубокимъ отвращеніемъ, обрушиваясь на него за то, что онъ «блудодѣйствуетъ съ деревомъ и съ камнемъ».

Есть и много другихъ доказательствъ того, что проституція у евреевъ не считалась позоромъ. Главнокомандующій израильскимъ войсками, Іефте, былъ сынъ куртизанки и онъ могъ не вредя своимъ интересамъ посвятить дѣвственность своей дочери богинѣ Bahhal.

Историки съ полнымъ правомъ утверждаютъ, что язва проституціи была постоянной болѣзнью іудейскаго народа. Историческіе факты показываютъ, какой степени безстыдства достигла у нихъ проституція. Пророчества Іезекіиля полны упоминаній о «мѣстахъ публичнаго разврата, о домахъ терпимости, о палаткахъ сладострастія, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ; только и встрѣчаешь куртизанокъ, разодѣтыхъ въ шелкъ и вышитыя ткани, сверкающихъ драгоцѣнностями и надушенныхъ благовоніями; только и видишь, что сцены блуда»... (Дюфуръ). Уже тогда, когда Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, они были развращены общеніемъ

*) Ката - Soutra или «искусство любить» цит. въ Archéologie médicale Бенье.

съ поклонниками Изиды и Озириса. Въ теченіе сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ они находились въ общеніи съ другими народами, еще гораздо болѣе развращенными, чѣмъ египтяне: все это были поклонники азіатскихъ культовъ Bahhal и Милитты. Тогда Моисей понялъ, какъ трудно положить предѣлъ дурнымъ инстиктамъ Израиля. Во имя своихъ диктаторскихъ и религіозныхъ правъ, которыя онъ получилъ отъ самаго Бога, онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы положить предѣлъ этому росту распутства, которое прививалъ евреямъ культъ идоловъ. На горѣ Синай онъ сказалъ имъ: «Не прелюбы сотвори, не желай жены ближняго своего». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ вынужденъ сказать имъ и слѣдующее:

Левитъ XVIII, 22. «Ты не долженъ лежать съ мужчиной, какъ лежатъ съ женщиной, ибо это позорно. Ты не долженъ возлежать съ какимъ-нибудь животнымъ для того, чтобы осквернить себя съ нимъ, и женщина не должна прелюбодѣйствовать съ животнымъ, ибо это thesel (кровосмѣшеніе), противуестественный актъ. Не оскверняйте свое тѣло никакимъ предметомъ, какъ это дѣлаютъ другіе народы. 27. Люди, которые занимали эту страну до васъ, дѣлали всѣ эти гнусности и осквернили ими землю. 28. Чтобы земля не извергла васъ за это оскверненіе, какъ она извергла народъ, жившій здѣсь до васъ.

Левитъ XX, 11. Человѣкъ, который лежитъ съ женой своего отца, открываетъ наготу своего отца. Оба они должны быть преданы смерти; кровь ихъ падетъ на нихъ. 12. Если человѣкъ лежитъ со своей снохой—

смерть и ему и ей! Они совершили кровосмѣшеніе; кровь ихъ падетъ на нихъ. 13. Если одинъ мужчина имѣетъ сношеніе съ другимъ мужчиной, смерть имъ обоимъ! они совершили гнусный поступокъ; кровь ихъ падетъ на нихъ. 14. Человѣкъ, который беретъ къ себѣ свою жену и свою мать, совершаетъ страшное преступленіе; они всѣ трое должны быть сожжены, чтобы подобныя преступленія не совершались больше среди васъ. 15. Кто осквернитъ себя съ животнымъ—смерть ему! и животному также. 16. Если женщина прелюбодѣйствуетъ съ животными, смерть женщинѣ и животному, смерть! кровь ихъ падетъ на нихъ. 17.

О томъ же говоритъ и исторія гостей Лота въ Библіи:

Бытіе, XIX, 5. Эти люди, которые приходили къ тебѣ въ эту ночь,—прикажи имъ выйти, чтобы мы ихъ *узнали*. Тогда Лотъ направился къ нимъ, къ порогу дома и заперъ дверь. (7) и сказалъ: «я прошу васъ, братья, не дѣлайте имъ зла (8). Вотъ у меня двѣ дочери, которыя еще не знали мужчинъ, дѣлайте съ ними, что вамъ угодно, только не дѣлайте зла этимъ людямъ, которые находятся подъ моей кровлею».

Приведемъ еще исторію Эфраима: «когда они сѣли за столъ, жители, люди крайне развращенные, окружили домъ, постучали въ дверь и сказали старику, хозяину дома: пусть этотъ человѣкъ, который у тебя, выйдетъ къ намъ для того, чтобы мы его *узнали*» (23). Но хозяинъ дома обратился къ нимъ, говоря: «нѣтъ, братья мои, не дѣлайте зла, я прошу васъ; такъ какъ этотъ

человѣкъ вошелъ въ мой домъ,—не дѣлайте этого безстыдства». (24). Вотъ у меня есть дочь и у него есть наложница; я ихъ приведу къ вамъ; вы ими воспользуйтесь, сдѣлаете съ ними, что захотите. Но не дѣлайте столь безстыднаго дѣла съ этимъ человѣкомъ (25). Эти люди не хотѣли ничего слушать. Тогда человѣкъ взялъ свою наложницу и привелъ къ нимъ; они узнали ее и были съ нею до утра. Потомъ же, когда взошла заря, они отослали ее (26). Эта женщина возвратилась, когда наступилъ день и легла у порога дома, гдѣ былъ ея мужъ (27). Онъ же, вставши утромъ, отодвинулъ задвижку двери, чтобы продолжать путь. И вотъ, его наложница лежитъ распростертой у двери съ руками, протянутыми на порогѣ (28). Онъ сказалъ ей: «встань и пойдемъ». Она хранила молчаніе. Тогда мужъ взвалилъ ее на спину осла и отправился въ путь.

Св. Павелъ, который бичевалъ противуестественные пороки Рима и Коринѳа, видѣлъ самые отталкивающіе, самые отвратительные примѣры этого порока въ своемъ родномъ городѣ Тарсѣ. Вотъ что онъ пишетъ о своихъ согражданахъ:

«Посланіе къ римлянамъ» I—2.

«Богъ отдалъ ихъ во власть позорныхъ страстей, и ихъ женщины замѣнили естественныя отношенія половъ отношеніями, противными природѣ (27). Также и мужчины, покинувъ естественныя отношенія съ женщиной, загорѣлись желаніемъ къ мужчинамъ, совершали между собой гнусность и впослѣдствіи получали справедливое возмездіе за свой грѣхъ. Посл. къ Кор. V—I. Не давайте этому увлечь

себя: ни блудники, ни идолопоклонники, ни прелюбодѣи, ни педерасты, ни женоподобные *), не войдутъ въ царство небесное.

Предвидя нечестивое вліяніе, какое хананеяне окажутъ на нравы евреевъ, Моисей въ книгѣ Левита именемъ Бога заклинаетъ ихъ: «Не слѣдуйте заблужденіямъ этихъ народовъ, ибо они совершаютъ гнусность, которую я вамъ запрещаю. Не оскверняйте ложа вашей дочери для того, чтобы земля не была осквернена этимъ». Во Второзаконіи же читаемъ: «да не будетъ блудницъ среди дщерей Израиля, да не будетъ блудниковъ среди сыновъ его». Но его слова были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; какъ будто съ цѣлью ограничить размѣры зла, онъ допустилъ легальную проституцію съ чужеземными женщинами и даже самъ подалъ примѣръ этому, имѣя наложницу изъ Эфіопіи.

Предписаніями, которыя онъ давалъ евреямъ, онъ имѣлъ въ виду не только защитить религію Авраама, но и охранить іудейскую расу, уже начинавшую вырождаться отъ разврата. Столько же въ интересахъ гигіены, сколько и для огражденія догмата запретилъ онъ половыя отношенія мужчины съ кровными родственницами, съ матерью жены, съ сестрой, свояченницей, дочерью, внучкой, падчерицей, съ теткой по отцу и по матери, съ племянницей и двоюродной сестрой; подобныя связи между кровными родственниками способствуютъ вырожденію народовъ.

*) Kedeschim—мужчины, посвященные таинствамъ Молоха.

Гигіеническими же соображеніями руководился Моисей, когда запретилъ сношенія съ женщинами во время менструаціи, такъ какъ въ этомъ случаѣ сношеніе вызывало заболѣваніе половаго органа мужчины. Женщины Іудеи, говоритъ Пьеръ Дюфуръ, были очень красивы: черные миндалевидные глаза, чувственный ротъ съ коралловыми губами, бѣлѣе жемчуга зубы, тонкая, стройная талія, крѣпкая и пышная шея, роскошныя формы,—все это дѣлало ихъ красавицами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ, если вѣрить Моисею, были подвержены тайнымъ недугамъ, въ которыхъ нѣкоторые ученые не безъ основанія усматриваютъ симптомы венерической болѣзни.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать венерическаго характера тайныхъ недуговъ іудейскихъ женщинъ, если прочесть гл. XV Левита *), гдѣ говорится объ истеченіяхъ у мужчины: Vir qui patitur fluxum seminis immundus erit; et tunc indicabitur huic vitio subjacere, cum per singula momenta adhoeserit carnis ejus atque concreverit foedus humor.

Всѣ эти симптомы и являются характерными для бленоррагіи; мужчинамъ, которые, по выраженію правовѣрныхъ переводчиковъ Библіи, страдали истеченіемъ, Моисей также рекомендовалъ совершать омовенія и очищать запятнанныя ими одежды. Несмотря на всѣ эти законодательныя мѣры, венерическая болѣзнь, во время странствованія евреевъ въ пустынѣ, такъ распространилась среди нихъ, что Моисей былъ вынужденъ прогнать изъ лагеря всѣхъ заболѣвшихъ. (Числа, гл. V).

*) Жена Авраама, Сарра, отдалась фараону и въ награду за это получила матеріальную возможность прекратить голодъ, свирѣпствовавшій въ городѣ Бетель, мѣстожительствѣ патріарха. Но Сарра не предупредила Авимелеха о томъ, что она страдаетъ влагалищнымъ истеченіемъ, которое и было причиной ея безплодія, и царь Египта и весь домъ его были поражены «большими ранами». Эти раны, венерической природы, заразили весь дворъ фараона и сдѣлали безплодными всѣхъ заболѣвшихъ женъ. Тогда Авраамъ помолился Іеговѣ, и болѣзнь прошла у всѣхъ, даже у Сарры. «Предвѣчный исцѣлилъ Авимелеха, его жену и всѣхъ служанокъ».

Съ сильнымъ предрасположеніемъ къ специфическимъ заболѣваніямъ половыхъ органовъ пришли евреи въ обѣтованную землю, населенную поклонниками Bahhal-Pehor, Молоха, Милитты, Астарты и другихъ боговъ и богинь священной и легальной проституціи. Проходя страны моавитянъ, аммонитянъ и сирійцевъ, они до извѣстной степени восприняли нравы, вѣрованія и пороки этихъ народовъ. И Моисей еще разъ дѣлаетъ попытку удержать ихъ отъ увлеченія идолами разврата, къ которымъ они обнаруживали сильное тяготѣніе.

Онъ говоритъ: «кто изъ сыновъ Израиля дастъ сѣмя Молоху, да будетъ преданъ смерти, и народъ забросаетъ его камнями. Не давайте въ храмѣ Божіемъ платы за развратъ и «платы за собаку», не давайте даже по обѣту, ибо и то и другое ненавистно передъ лицомъ Бога вашего».

Но всѣ угрозы, запреты и обличенія Моисея оставались тщетными. Евреи познали культъ Bahhal и болѣзни, которыя роковымъ образомъ съ нимъ связаны. Раскроемъ еще разъ ветхій Завѣтъ *) и мы найдемъ драгоцѣнный

*) Initiatus est Israel Bahhal-Pehhor. V. 3. Pentat. Храмы Bahhal-Pehhor были мѣстомъ, гдѣ мужчины и жен-

документъ по исторіи проституціи и сифилиса въ древности:

«Израильтяне жили въ Ситтимѣ, гдѣ они вскорѣ предались разврату съ дочерьми моавитянъ. Онѣ побуждали народъ приносить жертвы ихъ богамъ, и израильтяне ѣли съ ними и поклонялись тѣмъ же богамъ. И Израиль отдалъ себя богинѣ Bahhal-Pehhor и гнѣвъ Іеговы палъ на него. И Іегова сказалъ Моисею: „собери всѣхъ вождей народа и, чтобы умилостивить мой гнѣвъ, повѣсь ихъ лицамъ къ Востоку, для того чтобы отвратился отъ Израиля гнѣвъ мой. И Моисей сказалъ судьямъ Израиля, говоря: пусть каждый убьетъ тѣхъ изъ своего рода, которые привержены богинѣ Bahhal-Pehhor. И вотъ одинъ изъ сыновъ Израиля привелъ къ своимъ братьямъ женщину Мидіи, которая начала рыдать въ присутствіи Моисея и всего собранія. Видя это, Пинхасъ, сынъ Элеазара, всталъ, взялъ копье, вошелъ въ домъ, гдѣ были мужчина и женщина и убилъ ихъ обоихъ. И послѣ того, какъ были умерщвлены 23.000 *) человѣкъ, язва была отвращена отъ сыновъ Израиля. Убитый іудей былъ Симри, сынъ Салуса, старѣйшины рода симеонитовъ; имя убитой женщины было Казби, дочь Цура, начальника одного изъ племенъ мидійскихъ.

щины отдавались всѣмъ видамъ разврата и противуестественной любви и заболѣвали отъ этого венерическими болѣзнями, извѣстными подъ названіемъ «раны Bahhal-Pehhor».

*) Св. Павелъ въ «Посланіи къ коринѳянамъ» X, 8 говоритъ: не предавайтесь блуду, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ нихъ и за что были въ одинъ день умерщвлены 23.000 человѣкъ.

И Іегова сказалъ Моисею: «пойдите войной на мидійцевъ и уничтожьте ихъ, ибо они стали вамъ врагами вслѣдствіе своего коварства и васъ обманула ихъ богиня Bahhal-Pehhor и одна изъ женщинъ, дочь военачальника, которая была убита въ день бѣдствія, принесеннаго вамъ Bahhol-Pehhor».

И они пошли противъ мидійцевъ, какъ Іегова приказалъ Моисею, и умертвили всѣхъ мужчинъ и овладѣли ихъ женщинами и стадами. И Моисей разгнѣвался противъ военачальниковъ и сказалъ: «вы оставили въ живыхъ всѣхъ женщинъ! Но вѣдь именно онѣ, наученныя Билеамомъ*), являются причиной того, что сыны Израиля согрѣшили противъ Іеговы и приносили жертвы Pehhor; именно женщины были причемъ, поразившимъ Іудею. И теперь умертвите всѣхъ дѣтей мужского пола и всѣхъ женщинъ, уже познавшихъ мужчину. Но оставьте въ живыхъ всѣхъ дѣтей женскаго пола, которыя еще не имѣли сношеній съ мужчиной.

Семь дней оставайтесь внѣ лагеря, вы, которые убили мужчинъ и прикасались къ мертвымъ, и очиститесь отъ грѣха на третій и на седьмой день, вы и ваши плѣнники. И очистите всѣ одежды, всѣ мѣдные сосуды, все, что сдѣлано изъ козьей шкуры и всю деревянную утварь.

---

*) Билеамъ былъ волшебникомъ при дворѣ Балака, царя моавитянъ. Когда израильтяне пришли изъ Египта и брали дань отъ всѣхъ народовъ, жившихъ по ихъ пути, Балакъ послалъ къ нему Билеама, которому было поручено уничтожить ихъ посредствомъ колдовства, но онъ ограничился тѣмъ, что предложилъ имъ воспользоваться гостепріимствомъ моавитскихъ женщинъ, что должно было привести ихъ къ гибели.

Затѣмъ жрецъ Элеазаръ сказалъ воинамъ слѣдующее: «такъ повелѣлъ господь Моисею. Золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово и свинецъ, все, что не разрушается огнемъ, да будетъ очищено имъ; то, что не выноситъ огня, очистите водой. И на седьмой день вымойте ваши одежды и вы будете чистыми и возвратитесь въ лагерь».

Этихъ предосторожностей оказалось, повидимому, недостаточно, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ Ветхаго Завѣта, спустя 17 лѣтъ послѣ исполненія воли Моисея, снова идетъ рѣчь о Pehhor.

Болѣзнь распространялась, главнымъ образомъ, благодаря войскамъ. Іосифъ, историкъ и полководецъ, изъ секты фарисеевъ, очень удачно отмѣчаетъ, *) что «блудъ былъ распространенъ тогда во всемъ войскѣ и отъ древнихъ нравовъ не осталось и слѣда. Слѣдствіемъ разврата евреевъ съ моавитянскими женщинами была заразительная болѣзнь, которая передавалась родственникамъ заболѣвшаго». Очевидно, эта заразительная болѣзнь была, именно, венерической природы, такъ какъ, судя по законамъ Моисея, она происходила отъ половыхъ сношеній евреевъ съ моавитянскими женщинами. Общеніе же съ дѣвственницами онъ разрѣшалъ имъ. Очевидно также, что зло было очень велико, если великій законодатель Израиля приказалъ умертвить 23000 плѣнниковъ и приговорилъ къ смерти всѣхъ плѣнницъ (ихъ было 32.000), которыя имѣли уже сношенія съ мужчинами, и только дѣвственницамъ Моисей разрѣшилъ оставить жизнь.

*) Antiquités judaiques, lib. IV cap. 6.

Болѣзнь Pehhor, характеризуемая нечистыми истеченіями и язвами на половыхъ частяхъ, сдѣлалась въ Іудеѣ эндемичной, такъ какъ она поддерживалась проституціей женщинъ. Онѣ продавали свое тѣло не только въ храмахъ, какъ это дѣлали моавитянки, и занимались проституціей не такъ, какъ женщины другихъ народовъ Азіи, исповѣдывавшія культъ Милитты; еврейскія женщины, какъ мы это видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, насчитывали въ своей средѣ многихъ, занимающихся проституціей, какъ ремесломъ.

Въ книгѣ Царей (II—17) говорится, что въ Іерусалимѣ вблизи храма существовали домики, на подобіе келій, украшенныя изображеніями Астарты; здѣсь еврейскія женщины въ честь богини занимались проституціей за деньги.

Ничего нѣтъ удивительнаго, поэтому, что Моисей съ такой точностью устанавливаетъ взаимоотношеніе между проституціей и венерическими болѣзнями; въ предписаніяхъ, данныхъ имъ народу, онъ прибавляетъ, что всякій, страдающій уретральнымъ истеченіемъ, (Zab) есть существо нечистое, tameh. Но подобное истеченіе онъ отнюдь не смѣшиваетъ съ истеченіемъ сѣмени, сопровождающимся эрекціей, Keri; Zab встрѣчается только при отсутствіи эрекціи и истеченіе при этомъ похоже на «ячменное тѣсто, разбавленное водой». Жидкость вытекаетъ изъ разслабленнаго, не напряженнаго члена, похожа на бѣлокъ яйца безъ зародыша и, высыхая, оставляетъ струпья, тогда такъ какъ сѣмя вытекаетъ изъ напряженнаго члена и похоже на бѣлокъ яйца съ зародышемъ".

Д-ръ Бенье, на основаніи этихъ данныхъ,

съ полнымъ правомъ, признаетъ въ «Zab» свойства бленоррагіи, въ доказательство чего приводитъ слѣдующіе тексты Моисеева законодательства:

Левитъ 15. 1. Іегова сказалъ Моисею и Аарону, говоря:

2. Скажите сынамъ Израиля, говоря: всякій, у кого есть истеченіе изъ мочевого канала—Zab mibbescharo—существо нечистое въ силу этого истеченія.

3. И перелой осквернилъ его, и, видимый или тайный, онъ—tameh.

4. Постель, на которую ляжетъ человѣкъ, пораженный истеченіемъ, tameh; то же и со всякимъ предметомъ, на который онъ сядетъ.

5. Кто прикоснется къ этой постели, долженъ вымыть свои одежды, омыть свое тѣло водой и будетъ tameh до вечера.

6. Кто сядетъ на то же мѣсто, гдѣ пораженный Zab человѣкъ обмывалъ свои одежды, долженъ обмыться водой и считается tameh до вечера.

7. Кто коснется тѣла больного, пусть вымоетъ свои одежды и обмоетъ тѣло водой. Онъ tameh до вечера.

8. Если больной плюнетъ на человѣка чистаго, то послѣдній долженъ вымыть свои одежды, обмыть себя водой и считать себя tameh до вечера.

9. Всякое животное, на которомъ больной ѣхалъ верхомъ—tameh.

10. Кто прикоснется къ предмету, на который опирался Zab—tameh. Кто держалъ эти предметы въ рукахъ, долженъ вымыть свои одежды, обмыть свое тѣло водой и считается tameh до вечера.

11. Кто испыталъ прикосновеніе Zab и не вымылъ себѣ рукъ, тотъ совершаетъ омовеніе одеждъ и тѣла и считается tameh до вечера.

12. Глиняный сосудъ, котораго коснулся больной, долженъ быть разбитъ въ куски. Деревянная ложка должна быть вымыта въ водѣ.

13. Когда же Zab избавится отъ болѣзни, онъ долженъ семь дней посвятить очищенію, вымыть свои одежды, вымыть свое тѣло холодной водой, тогда онъ становится чистымъ.

14. На восьмой день пусть возьметъ онъ двухъ молодыхъ голубей или горлицъ, придетъ въ назначенное для этого святилище и отдастъ ихъ Cohen'у.

15. И Cohen предастъ ихъ закланію, одного въ качествѣ искупительной жертвы за грѣхъ, другого въ качествѣ жертвы всесожженія. Такимъ образомъ Cohen вымолитъ умилостивленіе Zab'у, по причинѣ его истеченія.

Слѣдующіе 15 параграфовъ тождественны съ предыдущими и относятся къ женщинѣ, послѣдніе же имѣютъ въ виду и мужчину и женщину.

31. Этимъ путемъ вы отдѣлите дѣтей Израиля отъ ихъ постыдныхъ поступковъ, и они не будутъ гибнуть отъ гніенія, не будутъ осквернять моего святилища, которое среди нихъ.

32. Таковъ законъ для мужчины, который имѣетъ истеченіе жидкости, оскверняющей его.

33. То же самое и съ женщиной, у которой нарушены регулы; со всякимъ человѣкомъ, мужчиной или женщиной, который страдаетъ истеченіемъ, или имѣетъ общеніе съ нечистой женщиной, temeah.

Очевидно, такихъ же нечистыхъ женщинъ имѣлъ въ виду Соломонъ, когда сказалъ: «обе-

регайся Zarah, ея губы точно медъ, ея нёбо слаще масла, но оно оставляетъ слѣды, болѣе горькіе, чѣмъ полынь, и болѣе острые, чѣмъ сталь».

Подъ этими словами можно подразумѣвать подострое уретральное истеченіе, являвшееся слѣдствіемъ одной изъ многочисленныхъ эротическихъ церемоній, на которыхъ Соломонъ *) присутствовалъ во время празднествъ Астарты и Молоха.

Изъ числа венерическихъ болѣзней у евреевъ только одна бленоррагія описана такъ формально. Сифилисъ же, который поражаетъ всѣ ткани организма, половые органы, слизистыя оболочки и кости,—сифилисъ съ его первичными, вторичными и третичными припадками, заразительный и передающійся по наслѣдству,—обо всемъ этомъ мы встрѣчаемъ упоминанія почти на каждой страницѣ Библіи.

Приведемъ нѣсколько типичныхъ примѣровъ. Въ слѣдующихъ словахъ пророкъ грозитъ іудеямъ, имѣющимъ половое сношеніе съ куртизанками:

Второзак. XXIIX 27. Іегова пошлетъ на тебя египетскую язву **), опухоли задняго прохода и чесотку и не будетъ тебѣ исцѣленія.

35. Іегова ниспошлетъ тебѣ злокачествен-

*) Соломонъ поклонялся Астартѣ, богинѣ Сидонской, Камосъ, богу моавитянъ, и Молоху, богу аммонитянъ; на горѣ, передъ Іерусалимомъ, онъ воздвигъ всѣмъ этимъ божествамъ храмы, онъ курилъ имъ ѳиміамъ и приносилъ гнусныя жертвы. Объектами этихъ жертвъ были его жены и наложницы. Въ эту эпоху проституція у евреевъ признавалась законами. Героинями знаменитаго „Суда Соломона" были двѣ проститутки, meretrices. (Дюфуръ).

**) У нѣкоторыхъ поражается даже язычекъ до самой небной кости, mekris osteon: поражается также и миндалина до корня языка и надгортанникъ. Аретей.

Обнаружено у мумий египетских фараонов и именовалось «лишая египетских фараонов»

ную язву колѣнъ и голеней, и ты не сможешь излечиться, съ ногъ до головы.

59. Іегова поразитъ тебя ранами, а твое потомство большими и упорными ранами, злокачественными и упорными болѣзнями.

61. И Іегова пошлетъ на тебя всякую болѣзнь и всякую рану, которая не вписана въ книгѣ закона, и ты погибнешь.

Приведемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ Псалмовъ Давида:

4. Нѣтъ ничего здороваго въ моей плоти
Вслѣдствіе твоей ярости.
Нѣтъ отдыха моимъ костямъ;
Днемъ я не знаю покоя.

6. Вслѣдствіе моего грѣха
Мои раны зловонны и даютъ истеченіе;
Вслѣдствіе моего безумія
Хожу согнувшись и подавленъ до крайности;
Я весь день пребываю въ печали.

8. Моя поясница горитъ, какъ въ огнѣ,
Нѣтъ здороваго мѣста въ моемъ тѣлѣ.

11. Мое сердце трепещетъ, сила покидаетъ меня
И свѣтъ уходитъ изъ глазъ моихъ.
Мои близкіе, мои товарищи останавливаются,
Мои друзья держатся отъ меня въ сторонѣ.

Итакъ, что же мы можемъ заключить изъ историческихъ документовъ, которые въ своей совокупности и составляютъ Библію? Очевидно, рѣчь идетъ о всегда заразительной *) эпидемической болѣзни, которая бываетъ слѣдствіемъ совокупленія съ куртизанками, и представляетъ собой серьезную опасность для общества; съ этой опасностью безуспѣшно боролся своими драконовскими мѣрами Моисей. Болѣзнь характеризуется образованіемъ гнойныхъ язвъ, сначала на половыхъ частяхъ **),

*) Qui juxta me erant de longe steterunt. см. 12. (Псалмы).

**) Putruerunt et corruptae sunt cicatrices meae a facie insipientiae meae..

потомъ въ заднемъ проходѣ и во рту. Далѣе, появляется высыпаніе по всему тѣлу, выпаденіе волосъ, иритъ*) и, наконецъ, кожныя и костныя гуммы, боли головы и ночныя боли въ костяхъ. Болѣзнь наслѣдственна, и дѣти гибнутъ отъ нея черезъ нѣсколько дней, какъ погибъ, напр., сынъ Батъ-Шевы и Давида. Accidit autem die septima ut moriretur infans (18).

Это есть несомнѣнно конституціональное заболѣваніе, totius substantiae, по мнѣнію всѣхъ новѣйшихъ сифилидологовъ, — сифилисъ со всѣми его различными проявленіями; это болѣзнь, которой еврейская терапія не умѣла лечить, противъ которой царь Давидъ зналъ только одно средство—призвать Іегову.

Miserere mei, Domine quoniam infirmustsum: sana me, Domine, quoniam couturbata sunt ossa mea. CVI. 3.

Et dispersa sunt onmia ossa mea, 15.

Всѣ эти документы логически приводятъ къ выводу, что еврейскій народъ, какъ и всѣ вообще народы Азіи, сыгралъ одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ дѣлѣ распространенія сифилиса и проституціи въ древности.

Поэтому де-ла-Меттри съ полнымъ правомъ, пожалуй, писалъ (въ 1744 г.):

Вмѣстѣ съ Гюи Патеномъ я склоненъ думать, что не только Іовъ, Давидъ, Соломонъ и Адамъ имѣли сифилисъ, но что послѣдній существовалъ и при хаосѣ до начала мірозданія». Но де-ла-Меттри забываетъ отмѣтить, что проституція, какъ и сифилисъ, несомнѣнно существовала еще до хаоса, — оба природные факторы величайшихъ человѣческихъ бѣдствій.

*) ...Et lumen oculorum meorum eti psum non estmecum. 11.

ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ ГРЕЦІИ.

Культъ Венеры.

Греки больше другихъ народовъ, быть можетъ, обожествляли производительную силу; въ ихъ представленіи таинственнымъ покровителемъ любовныхъ наслажденій должно было быть божественное существо, обладающее наряду съ совершенной физической красотой и обаяніемъ духа. И дѣйствительно, они повсюду воздвигали храмы въ честь Венеры, которую, поэтическій и вмѣстѣ съ тѣмъ сладострастный духъ народа признавалъ и почиталъ подъ различными именами. Культъ ея прославлялъ любовь, воплощенную въ пластически совершенномъ образѣ женщины и былъ эмблемой плотскихъ вожделѣній. Этимъ раздвоеніемъ представленія и можно объяснить существованіе двухъ Венеръ у Ксенофонта: Венеры небесной, Ураніи, культъ которой былъ цѣломудренъ, и Венеры порочной, земной.

Венера эллиновъ рождается изъ пѣны морской, что, по словамъ Булье, означаетъ занесеніе культа ея чужеземными мореплавателями изъ Греціи. И дѣйствительно, всѣ греческіе авторы вообще и Гомеръ въ частности приписываютъ культу Венеры азіат-

ское происхожденіе. Геродотъ и Павзаній оба полагаютъ, что въ Грецію онъ былъ занесенъ финикіянами и жителями Кипра; дошедшія до насъ преданія также подтверждаютъ совпаденіе героическихъ временъ съ установленіемъ таинствъ Астарты. Вполнѣ понятнымъ является для насъ тотъ фактъ, что Венера была древнѣйшей по времени изъ богинь, что культъ ея былъ установленъ даже раньше, чѣмъ культъ Юпитера: въ ней воплощалась идея жизни, первопричина всего живущаго.

Греческое преданіе повѣствуетъ о томъ, что судьбой былъ отданъ во власть Венеры островъ Кипръ; это преданіе есть несомнѣнно поэтическая легенда о занесеніи священной проституціи финикіянами на острова Средиземнаго моря. Матеріалистическій характеръ культа Венеры, замѣтный въ морскихъ городахъ Греціи, слѣдуетъ объяснить его азіатскимъ происхожденіемъ. Но этотъ грубый культъ не гармонировалъ съ духомъ греческаго народа, который и установилъ весьма замѣтное различіе между Афродитой—Уранiей, безпорочной богиней и матерью боговъ, покровительницей цѣломудренной любви и Венерой—Пандемосъ другихъ народовъ, которая царила въ портахъ, на островахъ и особенно на Кипрѣ, то есть говоря другими словами, съ вульгарнымъ Эросомъ. Культъ Венеры азіатской, подвигаясь съ Востока на Западъ, держался главнымъ образомъ морского берега. Чтобы прослѣдить ходъ его постепеннаго распространенія, слѣдуетъ ознакомиться съ тѣми городами, въ которыхъ существовали храмы богини. Изъ нихъ наиболѣе

знаменитый храмъ былъ въ Паѳосѣ, куда ежегодно стекалось много народу на праздникъ Афродиты, затѣмъ въ Самосѣ былъ храмъ, построенный на деньги гетеръ, и въ Герміонѣ храмъ, куда приходили главнымъ образомъ дѣвушки и вдовы передъ свадьбой.

Страбонъ *) говоритъ, что на островѣ Хіосѣ, въ храмѣ Эскулапа находилось изображеніе Венеры Анадіомены. По словамъ Павзанія **), въ Эпидаврѣ, въ лѣсу подлѣ храма Эскулапа была молельня въ честь Афродиты. Эти историческія указанія даютъ намъ право предположить, что врачи Хіоса обладали нѣкоторыми познаніями въ сферѣ половыхъ болѣзней. Беттингеръ и полагаетъ, что древнѣйшая медицина у грековъ заимствована изъ больницъ и лазаретовъ, устроенныхъ финикіянами на островѣ Хіосѣ, въ Эгинѣ, на Пелопонесскомъ берегу. Весьма вѣроятно, что въ началѣ всѣ эти учрежденія состояли подъ покровительствомъ венерическаго божества, впослѣдствіи же оно было замѣнено покровительствомъ Эскулапа. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе Розенбаума. Впослѣдствіи, Венеру стали обожать во всей Греціи, но сначала это поклоненіе ей сосредоточивалось на островѣ Кипрѣ, въ Паѳосѣ и въ Цитерѣ; отсюда и названія ея Киприда, Паѳейская и Цитерейская. Ее называли также Анадіомена, т. е. выходящая изъ воды, и Генетилида, т. е. покровительница производительной силы. Венера—Уранія была богиней платонической любви и наукъ, въ отличіе отъ Венеры-Пан-

*) Страбонъ, кн. XIV, стр. 657.
**) Павзаній, кн. 2, гл. 27.

демосъ, т. е. общественной или публичной, такъ какъ она была олицетвореніемъ проституціи. Любовь у грековъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не отличалась большимъ цѣломудріемъ.

Статуй Венеры было очень много; каждый городъ нерѣдко насчитывалъ ихъ по нѣскольку. Своимъ прозвищемъ онѣ напоминали какую-нибудь привлекательную черту богини или особенность ея культа. Такъ, намъ извѣстны слѣдующія изъ этихъ названій:

Венера Péribasia, что означаетъ въ переводѣ «съ раздвинутыми ногами», въ позѣ человѣка, садящагося верхомъ.

Венера Mélaina, или черная, которая считалась покровительницей таинства любовныхъ ночей.

Венера Mukeia, богиня самыхъ потаенныхъ уголковъ дома.

«Венера съ оружіемъ», съ каской на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ; она напоминала Спартѣ исторію лакедемонянокъ, защищавшихъ родной городъ противъ жителей Мессены въ то время, какъ мужья ихъ осаждали Мессену. Враги, обманувъ бдительность осаждавшихъ, напали ночью на Спарту, разсчитывая застать ее врасплохъ. Но женщины, предупрежденныя объ ихъ нападеніи, вооружились и отбили аттаку. Онѣ были еще вооружены, когда вернулись домой спартанцы; мѣсто сраженія заняла любовная борьба между побѣдителями и побѣдительницами; отсюда «Венера съ оружіемъ».

Венера Callipyge, съ прекрасными ягодицами. Вотъ что говоритъ о ней Виллъ-брюкъ, руководясь данными Атенея: храмъ

этой Венеры возникъ благодаря одному спору, который не пріобрѣлъ, впрочемъ, такой громкой извѣстности, какъ судъ Париса, такъ какъ спорящія не были богинями и судьѣ пришлось остановить свой выборъ на одной изъ двухъ только женщинъ. Въ окрестностяхъ Сиракузъ двѣ сестры, купаясь, заспорили другъ съ другомъ о преимуществахъ красоты каждой изъ нихъ; одинъ юноша изъ Сиракузъ, проходившій мимо и видѣвшій купающихся, будучи самъ незамѣченнымъ, преклонилъ колѣна, точно предъ самой Венерой, и заявилъ, что старшая одержала верхъ. Обѣ соперницы убѣжали, полунагія. Молодой человѣкъ вернулся въ Сиракузы и, еще взволнованный всѣмъ происшедшимъ, разсказалъ, что онъ видѣлъ. Его братъ, восхищенный его разсказомъ, объявилъ, что онъ удовлетворился бы младшей. Наконецъ, собравши все, что у нихъ было драгоцѣннаго, они отправились къ отцу этихъ двухъ сестеръ, прося у него руки его дочерей. Оказалось, что младшая, огорченная и оскорбленная нанесенной ей обидой, заболѣла; она просила произвести снова осмотръ, и тогда оба брата, по общему согласію, заявили, что обѣ вышли побѣдительницами изъ этого испытанія, такъ какъ судья въ первый разъ видѣлъ одну съ правой стороны, а другую—съ лѣвой. Обѣ сестры вышли замужъ за этихъ братьевъ и стали извѣстными въ Сиракузахъ своей красотой, которая съ теченіемъ времени все расцвѣтала. Ихъ осыпали дарами и вскорѣ онѣ собрали такое большое состояніе, что построили храмъ въ честь богини, которая была причиной ихъ счастья. Статуя, стоявшая въ

этомъ храмѣ, совмѣщала въ себѣ сочетаніе скрытыхъ прелестей обѣихъ сестеръ; сочетаніе этихъ двухъ образцовъ въ одной фигурѣ и послужило основаніемъ для изображенія Венеры Callipyge, т. е. матеріальной красоты женскаго тѣла съ совершенными, съ точки зрѣнія скульптуры, формами.

Храмы Венеры воздвигались часто на средства куртизанокъ, которыя поэтому въ эпоху священной проституціи считали себя истинными жрицами богини; но главные доходы алтаря поступали въ руки жрецовъ, для которыхъ онѣ (куртизанки) были только помощницами. Въ коринѳскомъ храмѣ роль священнослужительницъ исполняли куртизанки, которыхъ содержали правовѣрные и поклонники божества. Онѣ назывались гіеродулами или посвященными и исполняли всѣ обязанности священнослужительницъ (публичныя молитвы богинямъ, процессіи и т. д.), что служитъ неопровержимымъ доказательствомъ существованія религіозной проституціи. Съ культомъ Венеры онѣ соединяли культъ Адониса, который былъ обожествленъ любовью къ нему богини. Празднества ихъ до тѣхъ поръ, пока они не смѣшались съ пріапическими, обставлялись весьма торжественно: они привлекали большое число чужеземцевъ, которыхъ гіеродулы грабили съ неподражаемымъ искусствомъ во славу Венеры и въ пользу духовенства.

Греція заимствовала изъ Азіи не одинъ только культъ Венеры: культъ мужского божества также проникъ къ нимъ, когда пелазги покорили страну и принесли съ собой свои божества. Одинъ изъ этихъ боговъ представлялъ

собой мужскую голову, лежавшую на колоннѣ, окруженной мужскими половыми органами: это былъ Гермесъ. Другой получилъ имя Бахуса греческаго, который, по словамъ Аристофана, «излечиваетъ аѳинянъ отъ очень серьезной болѣзни половыхъ органовъ».

Египетскій Пріапъ также перешелъ въ Грецію. По пути своего распространенія онъ излечилъ обитателей Лампсака отъ какой-то болѣзни вродѣ только что упомянутой аѳинской болѣзни, и народъ сталъ ему поклоняться. По словамъ Геродота и Лукіана, женщины городскія и жительницы деревень носили съ собой его фигуру изъ воска, Neurospasia, огромный половой органъ котораго можно было приводить въ движеніе; этимъ органомъ богъ, согласно миѳамъ, обязанъ Юнонѣ, покровительницѣ беременности. Фаллусъ въ Греціи происходилъ отъ Фаллу ассирійскаго, какъ равно Пріапъ ведетъ свое происхожденіе изъ Египта. Болѣзни, которыя поражали половые органы мужчины и женщины при функціональныхъ излишествахъ, и заставили Грековъ,—какъ раньше это было съ другими народами—предположить существованіе добрыхъ и злыхъ геніевъ, покровительствующихъ всякаго рода ощущеніямъ. И это-то идея необходимаго покровительства со стороны этихъ сверхъестественныхъ существъ черезъ посредство жрецовъ естественно и сдѣлалась, здѣсь какъ и въ Азіи, исходнымъ пунктомъ для возникновенія священной проституціи. Сначала дефлорація дѣвушекъ производилась Фаллусомъ статуи или жреца, причемъ на это смотрѣли какъ на жертву, которую онѣ приносили мужскому

богу. Потомъ придумали торговлю тѣломъ дѣвушки въ пользу храмовъ; подчасъ деньги дѣлились пополамъ между храмомъ и семьями проститутокъ. Относительно введенія культа Фаллуса въ Греціи существуетъ масса легендъ. Но всѣ онѣ не представляютъ большого интереса и относятся къ области содоміи, съ которой познакомили населеніе первые жрецы, поселившіеся въ странѣ.

Дюлоръ, передавая ихъ со всѣми ихъ грязными подробностями, совершенно справедливо замѣчаетъ:

„Такими безстыдными разсказами, характеризующими безнравственность эпохи, въ которую они были созданы, жрецы вводили народъ въ заблужденіе относительно истинной причины введенія культа Фаллуса; очевидно, они находили такую ложь болѣе выгодной для религіи, чѣмъ тѣ простыя истины, которыя извѣстны были лишь немногимъ избраннымъ изъ высшихъ слоевъ общества". У нихъ, естественно, возникаетъ мысль о томъ, не можетъ ли священная проституція мужчинъ и женщинъ послужить ихъ интересамъ и обогатить праздныхъ священнослужителей. И вотъ въ Греціи происходитъ то же, что имѣло мѣсто въ Египтѣ, въ Индіи и западной Азіи: половые органы женщины пріобрѣтаютъ характеръ цѣнностей, которыми спекулируютъ безнравственные охранители храмовъ, увеличивая доходность алтарей; тѣ, которые будутъ писать исторію религіи, не должны забывать объ этомъ.

ЛЕГАЛЬНАЯ ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ ГРЕЦІИ. ДИКТЕРІОНЫ.

Культъ священной проституціи, однако, удержался въ Греціи недолго: непристойныя церемоніи, сопровождавшія его, и циничныя таинства эротическаго характера не согласовались со страстными, но вмѣстѣ съ тѣмъ артистическими, художественными наклонностями грековъ. Презрѣніе ихъ къ культу азіатской Венеры привело ихъ къ адюльтеру, конкубинату и къ противуестественной любви.

Чтобы охранить честь женщинъ и цѣломудріе греческихъ дѣвушекъ и наряду съ этимъ устранить распространеніе педерастіи среди молодыхъ людей, Солонъ создалъ институтъ легальной проституціи и отдалъ ее подъ контроль государства. Онъ купилъ за счетъ республики азіатскихъ рабынь и заключилъ ихъ въ особыя учрежденія, называемыя диктеріонами и расположенныя въ Аѳинахъ въ окрестностяхъ порта, недалеко отъ храма Венеры Пандемосъ, гдѣ онѣ должны были обслуживать нужды публичной проституціи. Завѣдываніе ими было поручено pornoboscos, завѣдывавшимъ отчетностью и таксой, которую могла требовать каждая изъ дѣвушекъ отъ посѣтителей. Эта такса, такъ называемая misthofora (жалованье) или empolai (заработокъ),

колеблется между 8 calkoi, 16 сантимовъ до 31 calkoi, 12 сантимовъ. Поэтъ Филемонъ, проникнутый сознаніемъ полезности такого института, говоритъ слѣдующее объ аѳинскихъ диктеріонахъ:

„О Солонъ, ты былъ истиннымъ благодѣтелемъ рода человѣческаго, такъ какъ, говорятъ, ты первый подумалъ о томъ, что такъ важно для народа или вѣрнѣе для спасенія народа. Да, я говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ, когда вижу многочисленную молодежь нашего города, которая подъ вліяніемъ своего жгучаго темперамента стала бы предаваться непозволительнымъ излишествамъ. Вотъ для чего ты купилъ женщинъ и помѣстилъ ихъ въ такія мѣста, гдѣ онѣ имѣютъ все необходимое и доступны всѣмъ тѣмъ, кто въ нихъ нуждается“.

Успѣхъ государственныхъ диктеріоновъ и нужды мужского населенія города вызвали появленіе свободныхъ диктеріоновъ, которые принадлежали частнымъ лицамъ и имѣли цѣлью конкуррировать съ первыми. Въ предмѣстьяхъ Пирея, въ его портѣ появляется большое число диктеріоновъ съ разрѣшенія администраціи, подъ названіемъ kapaileia. Въ кабачкахъ, расположенныхъ въ окрестности порта, также было много женщинъ для посѣтителей. Такъ какъ проституція считалась торговлей или промысломъ, то и учрежденія эти подлежали уплатѣ налоговъ. Каждый годъ арендная плата за содержаніе свободныхъ диктеріоновъ (telos pornicon) устанавливалась въ аукціонѣ эдилами рынка, подъ наблюденіемъ которыхъ находились женщины (диктеріады) и посредники.

Входъ въ эти дома былъ обозначенъ особой вывѣской, помѣщенной надъ дверью; она представляла собой не что иное, какъ красный пріапъ, столь же замѣтный, какъ большіе номера нашихъ домовъ терпимости.

Конечно, съ постепенной порчей нравовъ диктеріоны устраиваются уже въ самомъ городѣ и набираютъ персоналъ не изъ однѣхъ рабынь, говорящихъ только на своемъ родномъ языкѣ, какъ это было въ порту: ихъ пополняютъ уже греческими женщинами низшихъ классовъ. Въ этихъ учрежденіяхъ, которыя все же подлежали вѣдѣнію муниципальной полиціи, все было къ услугамъ посѣтителей; здѣсь съ готовностью показывалось все, что было особенно привлекательнаго въ обитательницахъ этихъ домовъ. Кседаркъ въ своемъ «Penthale» и Эвбулидъ въ своемъ «Pannychi» изображаютъ этихъ женщинъ нагими, стоящими гуськомъ въ этомъ пріютѣ разврата; на нихъ нѣтъ никакой одежды, кромѣ прозрачныхъ вуалей, такъ что глазъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно утонченно развращенныхъ, лицо было закрыто вуалемъ, груди тѣсно облегала ткань, обрисовывавшая формы ихъ, вся остальная часть туловища оставалась открытой. По сообщенію нѣкоторыхъ авторовъ, диктеріоны выставляли на показъ всѣ свои прелести не только ночью, но и днемъ при ярко свѣтящемъ солнцѣ (inaprico stantes). Эта выставка обнаженныхъ тѣлъ была удобнѣе для домовъ терпимости, чѣмъ раскрашенные или изваянные фаллусы, украшавшіе дверь; по свѣдѣніямъ же другихъ археологовъ эти сладострастныя зрѣлища происходили во внутрен-

нихъ дворахъ. Входъ былъ открытъ днемъ и ночью, но занавѣси яркихъ цвѣтовъ не давали возможности нескромнымъ взглядамъ прохожихъ проникнуть внутрь. За занавѣсью сидѣла старая ѳессалійка, продававшая жидкости и благовонія; она впускала посѣтителей, давала имъ необходимыя указанія и получала деньги за входъ.

Условія платы здѣсь были нѣсколько иныя, чѣмъ въ государственныхъ домахъ терпимости; она измѣнялась въ зависимости отъ роскоши дома и женщины, которую посѣтитель выбиралъ; въ общемъ, цѣна была довольно высокая и достигала часто одного статера золотомъ 18 фр. 54 сант. Вообще, большіе диктеріоны въ Греціи приносили большіе доходы ихъ содержателямъ и домовладѣльцамъ. Общественный развратъ во всѣ эпохи обогащалъ людей, которые не слишкомъ щепетильны въ вопросѣ о происхожденіи денегъ, нужныхъ имъ для удовлетворенія ихъ корыстолюбія.

Греческіе диктеріоны считались столь важнымъ для охраненія общественной нравственности учрежденіемъ, что законодатели признавали за ними право убѣжища: они считались неприкосновенными. Подъ ихъ кровомъ женатый мужчина не могъ быть обвиненнымъ въ адюльтерѣ, отецъ не смѣлъ искать тамъ своихъ сыновей, а кредиторъ— преслѣдовать своего должника. Въ одной изъ своихъ рѣчей Демосѳенъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: Законъ не разрѣшаетъ обвинить въ адюльтерѣ тѣхъ, которыя пойманы съ женщиной въ домѣ терпимости или на публичной площади, гдѣ проститутки занимаются своимъ промысломъ». Словомъ,

диктеріоны находились подъ покровительствомъ закона, какъ учрежденія общественно полезныя, отвѣчающія физіологическимъ потребностямъ чужеземцевъ и вообще молодыхъ людей.

Это былъ предохранительный клапанъ для общественной нравственности и гигіены. Здѣсь, говоритъ Дюфуръ, никто не подвергался опасности, точно предусмотрительный Солонъ при самомъ основаніи обезопасилъ ихъ отъ всякихъ вредныхъ случайностей; мнѣніе это вполнѣ подтверждается слѣдующей цитатой изъ философа Эвбулида: „У этихъ прекрасныхъ дѣвушекъ ты можешь получить удовольствіе за нѣсколько золотыхъ монетъ, и къ тому же безъ малѣйшей для себя опасности *). Тайная же проституція представляла опасность!

Чтобы понять значеніе этого института, созданнаго Солономъ, слѣдуетъ ознакомиться со нравами Спарты, гдѣ легальной проституціи не было. Согласно законамъ перваго законодателя, всѣ женщины признавались почти общественной собственностью, стыдливость была изгнана изъ игръ молодыхъ лакедемонянокъ; вмѣсто публичнаго разврата, существовавшаго у другихъ народовъ, разнузданность господствовала во всѣхъ классахъ общества.

Ликургъ, занятый исключительно воспитаніемъ сильныхъ солдатъ, заботился только о военныхъ упражненіяхъ, объ атлетическихъ играхъ, о военномъ спортѣ (да будетъ мнѣ

*) См. дальше главу: «Венерическія болѣзни у Грековъ и Римлянъ».

разрѣшенъ этотъ неологизмъ) и совершенно не думалъ объ упорядоченіи поведенія женщинъ. Впрочемъ, женщины въ Спартѣ, безразлично добродѣтельныя или развратныя, имѣли очень мало вліянія на мужчину-солдата, который признавалъ честь только на полѣ битвы и потому мало былъ склоненъ къ женскимъ чарамъ.

Подъ вліяніемъ такихъ идей въ Спартѣ народился особый видъ проституціи, который можно было назвать каллипедическимъ или патріотическимъ. Мужья, по словамъ д'Арканвилля, приводили къ постелямъ своихъ женъ здоровыхъ мужчинъ, чтобы имѣть крѣпкихъ, хорошо сложенныхъ дѣтей *).

*) Этотъ видъ проституціи наблюдается у всѣхъ дикихъ народовъ и представляетъ собой не что иное, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе проституціи по долгу гостепріимства. Народы, придававшіе такъ мало значенія скромности и цѣломудрію женщинъ, не имѣли никакихъ моральныхъ идей и обычаевъ, всего того, что пріобрѣтается на извѣстномъ уровнѣ общественной культуры. Среди нѣкоторыхъ племенъ на Камчаткѣ, говоритъ Сабатье, мужчины, принимая своихъ друзей, считаютъ обязательнымъ долгомъ вѣжливости предложить ему обладаніе женами и дочерьми; отказаться отъ такой любезности значитъ нанести обиду хозяину.

На берегахъ Гвинеи, на нѣкоторыхъ островахъ южныхъ морей и въ другихъ мѣстахъ земного шара, у жителей существуетъ обычай предлагать за какой нибудь незначительный подарокъ своихъ женъ иностранцамъ, проѣзжающимъ черезъ ихъ страну. Лапландцы, стыдясь своего уродства, просятъ гостя родить ему болѣе сильныхъ и болѣе красивыхъ дѣтей.

Кукъ сообщаетъ, что на островѣ Пасхи женщины проституировали одновременно съ цѣлой толпой матросовъ. У Salofi, Foulis, Madingos и другихъ народовъ Африки темнокожіе считаютъ большой честью для себя, когда бѣлые вступаютъ въ связь съ ихъ женами, сестрами и дочерьми: они сами часто предлагаютъ ихъ офицерамъ европейскихъ войскъ.

Этотъ соціальный блудъ, царившій въ Спартѣ, явился роковымъ, тяжелымъ послѣдствіемъ отсутствія регламентированной проституціи; онъ подчеркиваетъ полезность Солоновскихъ законовъ съ точки зрѣнія общественной морали и гигіены. Это понято было всѣми законодателями; моралисты высказались въ этомъ же смыслѣ относительно важнаго вопроса соціальной гигіены. Святой Ѳома

Въ Juïda посвящаютъ дѣвушекъ священной змѣѣ, т. е., вѣрнѣе говоря, жрецамъ. Эти послѣдніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшали всеобщій развратъ для умилостивленія боговъ.

Первые обитатели Мексики жили свободно со всѣми женщинами до брака.

Иллинойцы, Ирокезы и другія племена сѣверной Америки не соблюдаютъ никакой мѣры въ сношеніяхъ съ женщинами, которыя отличаются у нихъ большимъ сладострастіемъ.

Въ Аравіи, на большихъ дорогахъ можно встрѣтить женщинъ, которыя предлагаютъ себя странникамъ, идущимъ въ Мекку; по ихъ мнѣнію дѣти, происходящія отъ такого союза, носятъ печать святости. Сабатье.

Нѣтъ страны, въ которой нравы были бы болѣе распущены, чѣмъ на Таити.

Вотъ, что мы знаемъ объ этой новой Цитерѣ изъ краснорѣчивыхъ разсказовъ первыхъ мореплавателей:

«Каждый день, разсказываетъ Бугенвилль, наши люди ходили по одиночкѣ или маленькими отрядами по островамъ Таити. Ихъ приглашали войти въ домъ; имъ давали поѣсть, но гостепріимство хозяевъ дома не ограничивалось легкимъ ужиномъ: имъ предлагали еще молодыхъ дѣвушекъ. Хижина быстро наполнялась толпой любопытныхъ женщинъ и мужчинъ, которые окружали гостя и молодую жертву гостепріимства. Землю покрывали листьями и цвѣтами, а музыканты пѣли, подъ аккомпаниментъ флейты, радостный гимнъ».

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у нѣкоторыхъ племенъ существовалъ обычай предлагать жену гостю или другу; невѣсту долженъ былъ лишить невинности какой-нибудь посторонній мужчина (не мужъ) до свадьбы.

говоритъ: „Избавьте общество отъ публичныхъ женщинъ и вы увидите, что развратъ будетъ врываться повсюду. Проститутки въ странѣ то же, что клоака во дворцѣ; уничтожьте клоаку и дворецъ загрязнится и станетъ смраднымъ».

Когда зло неискоренимо, надо стараться ограничить его и уменьшить его дурныя послѣдствія *).

По Леббоку, проституція по долгу гостепріимства и до сихъ поръ встрѣчается у эскимосовъ, нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ, у Полинезійцевъ и Австралійцевъ, у Кафровъ, у Моголовъ, у Тюрковъ. Такой же обычай наблюдается, по Кноксу и Персифалю, у нѣкоторыхъ Сингалезцевъ, Бантусовъ и Манибуттунсовъ. Герера утверждаетъ, что начальники куманасовъ, которые были многоженцами, предлагали самыхъ красивыхъ женъ своихъ иностранцу, гостю. Патагонцы также предоставляли своимъ гостямъ женщинъ на время ихъ пребыванія. Тоже наблюдалось и у океаническихъ племенъ: согласно обычаю полагалось предложить свою жену taуо, т. е. другу, который пришелъ въ гости.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, которые можно было бы легко умножить, можно вывести заключеніе, что проституція по долгу гостепріимства была общепринятымъ обычаемъ у первобытныхъ народовъ.

*) Сочувственное отношеніе къ регламентаціи проституціи остается, разумѣется, на совѣсти автора. Современная общественная медицина и гигіена признаетъ, напротивъ, что санкціонированіе проституціи путемъ государственной регламентаціи не только не ослабляетъ развитія проституціи, но даже значительно усиливаетъ ее; т. наз. аболиціонистское движеніе изъ году въ годъ охватываетъ все большіе круги ученыхъ и общества. Примѣч. переводчика.

ЗАКОНЫ ПРОСТИТУЦІИ ВЪ ГРЕЦІИ.

Если можно съ одной стороны упрекнуть Солона въ излишней снисходительности къ человѣческой слабости и даже считать безнравственнымъ институтъ легальной проституціи, то все же, взявши съ другой стороны всѣ его законы, касающіеся нравовъ, охрана которыхъ была вручена суду Ареопага, можно легко найти для него оправданіе. Эти законы имѣли цѣлью ввести хотя бы нѣкоторую закономѣрность въ общественное зло, чтобы такимъ образомъ избѣжать дальнѣйшаго развитія его, и узаконили проституцію для борьбы съ развратомъ.

Благодаря строгости этихъ законовъ замужняя женщина была защищена отъ испорченности. Она оставалась чистой въ этой средѣ, насыщенной всякими половыми излишествами. Для большей вѣрности она была всегда подъ наблюденіемъ особыхъ властей, которыя назывались gynecocosmes и обязаны были слѣдить за ея поведеніемъ. Зато мужчина былъ свободенъ: «У насъ есть куртизанки для наслажденій, говорилъ Демосѳенъ, наложницы *), которыя заботятся о насъ, и су-

*) Наложницами были домашнія слуги.

пруги, которыя рожаютъ дѣтей и вѣрно охраняютъ внутренній строй нашихъ домовъ». Современная мораль, конечно, не могла бы примириться съ мыслью аѳинскаго оратора. Но если мы примемъ въ разсчетъ общую тенденцію древнихъ народовъ къ деморализаціи, чисто восточную чувственность ихъ натуры и остатки культа Венеры азіатской, то мы поймемъ, что весьма важнымъ успѣхомъ было уже то, что матрона, мать семейства была защищена отъ пороковъ, которые были причиной разрушенія предшествующихъ цивилизацій. Законъ разрѣшалъ мужчинѣ все: конкубинатъ, куртизанокъ и даже публичные дома, но требовалъ отъ него почета супругѣ, уваженія ея домашнихъ и супружескихъ добродѣтелей, которыя вмѣнялись ей въ обязанность.

Аѳинскій законъ прелюбодѣяніи гласилъ слѣдующее: «Если мужчина заставалъ жену свою прелюбодѣйствующей, то онъ не могъ дольше жить съ ней подъ страхомъ безчестья. Женщина, застигнутая на мѣстѣ преступленія, лишалась права входа въ храмъ; если же она входила, то къ ней можно было безнаказанно примѣнять всяческое дурное обращеніе, кромѣ смерти».

У Платона сказано: «Имя честной женщины должно быть заперто въ стѣнахъ дома»; она не могла присутствовать ни на публичныхъ играхъ, ни въ театрѣ. На улицу она выходила укутанная покрываломъ и со скромнымъ видомъ. Ея воспитывали въ полномъ невѣдѣніи относительно событій внѣшней свѣтской жизни, она была безграмотна и безъ всякаго почти воспитанія. Поведеніе мужа

внѣ стѣнъ дома не касалось ея. Вся ея роль была въ материнствѣ, всѣ ея прерогативы исчерпывались исключительнымъ правомъ имѣть законныхъ дѣтей и носить титулъ гражданки.

Судьи были всегда неумолимы, когда проститутки хотѣли присвоить себѣ права, принадлежавшія честнымъ женщинамъ, или занять мѣсто, отведенное этимъ послѣднимъ въ жизни народа. Законъ клеймилъ безчестьемъ всѣхъ куртизанокъ, будь то гетеры или диктеріады, свободныя или рабыни; онъ отказывался кормить ихъ дѣтей, когда онѣ были бѣдны. Солонъ говоритъ: Очевидно, что та женщина, которая презираетъ честность и святость брака, забываетъ о его возможныхъ естественныхъ послѣдствіяхъ, она думаетъ только объ удовлетвореніи своей страсти. Поступая такимъ образомъ, она не можетъ требовать никакихъ правъ для тѣхъ, которые явились послѣдствіемъ ея поступка, жизнь и рожденіе которыхъ обрекаютъ ихъ на вѣчный позоръ, дѣти считаются незаконнорожденными, не могутъ носить званіе гражданина, не имѣютъ права произносить публично рѣчи и говорить въ судѣ передъ судьями *).

Имъ запрещенъ былъ входъ въ общественные храмы, запрещено было участіе въ торжествахъ культа рядомъ съ матронами Если же

*) Между тѣмъ Абротонумъ, публичная женщина изъ Аѳинскаго диктеріона, была матерью Ѳемистокла, начальника аѳинской арміи, героя Мараѳона и побѣдителя при Саламинѣ. Въ поэмѣ Амфикрата о великихъ людяхъ ей посвящаются слѣдующіе стихи:

Я Абротонумъ, Ѳракіянка по происхожденію, я родила
Великаго Ѳемистокла Греціи и горжусь этимъ.

онѣ являлись, то ихъ можно было оскорблять какъ прелюбодѣекъ, срывать съ нихъ украшенія, оскорблять ихъ словами и даже дѣйствіемъ, но не наносить имъ ранъ. Впрочемъ, въ Коринѳѣ и въ Аѳинахъ куртизанки могли участвовать въ качествѣ жрицъ на празднествахъ Венеры, но ихъ присутствіе въ храмѣ считалось оскверненіемъ божества *).

Законъ о проституціи, изданный Солономъ, былъ весьма суровъ въ отношеніи распутныхъ женщинъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей Эсхинъ говоритъ: «если кто нибудь сыграетъ роль сводника по отношенію къ молодому человѣку или женщинѣ, принадлежащей къ классу свободныхъ людей, то онъ долженъ быть наказанъ смертной казнью». На практикѣ смертная казнь замѣнялась денежнымъ штрафомъ, такъ какъ преступленія эти находились въ вѣдѣніи эдиловъ или полиціи, которая могла примѣнять только легкія наказанія. За то наложеніе денежной пени распространялось широко не только на преступившихъ законъ, но зачастую и на цѣлую корпорацію, которая считалась отвѣтственной за всякія нарушенія, чинимыя ея членами.

Съ гетерами, особенно если онѣ были греческаго происхожденія, обращались съ меньшей строгостью, чѣмъ съ диктеріадами и авлетридами, танцовщицами и музыкантшами.

---

*) Обвиненіе въ оскверненіи божества было очень тяжкое и наказывалось по всей строгости закона. Законъ не предусматриваетъ всѣхъ признаковъ состава этого преступленія и потому предоставляетъ полную возможность для предъявленія обвиненій, основанныхъ на малоцѣнныхъ данныхъ, которыми пользовались для сведенія личныхъ счетовъ.

Впрочемъ иногда, когда ихъ поведеніе рѣзко нарушало духъ закона, судьи не колеблясь призывали ихъ къ скромности.

Для примѣра укажемъ рѣчь Демосѳена на судѣ противъ Нээры, простой куртизанки, которая вышла замужъ за аѳинскаго гражданина Этіенна. Великій ораторъ, напомнивъ о законахъ, обусловливающихъ полученіе званія гражданина, заканчиваетъ рѣчь краснорѣчивымъ заключеніемъ, представляющимъ достовѣрный документъ закона о проституціи:

«Вы не можете оставить безнаказанными оскорбленія нашихъ нравовъ женщиной, которая открыто предавалась разврату во всей Греціи, женщиной, которой предки не передали въ наслѣдство званія гражданки и которой народъ не даровалъ его. И гдѣ только она ни промышляла своимъ позорнымъ ремесломъ! Гдѣ только ей ни платили за ея преступныя ласки! Развѣ она не объѣхала всего Пелопонеса? Развѣ ее не видѣла въ Ѳессаліи и въ Магнезіи въ сопровожденіи Симуса, сына Лариссы и Эвридама, сына Мидія? Или въ Хіосѣ и въ большей части Іоніи въ сопутствіи критянина Сотада? И если женщина отдается мужчинамъ, если она слѣдуетъ повсюду за тѣмъ, кто ей платитъ, то на что она только ни способна? Развѣ ей не приходится приноравливаться ко вкусамъ всѣхъ тѣхъ, кому она принадлежитъ? И назовете ли вы гражданкой женщину, которая открыто развратничала во всей странѣ? И если васъ спросятъ, сможете ли вы утверждать, что совершили справедливый поступокъ, оправдавши ее? Сдѣлавъ это, вы навлечете на себя вину позорнаго и безчестнаго

поступка! До тѣхъ поръ, пока она не находилась во власти правосудія, пока всѣмъ гражданамъ не стало извѣстно, что она собой представляетъ и какія беззаконія она творила, до тѣхъ поръ всѣ ея прегрѣшенія оставались на ея совѣсти и только городъ можно было обвинить въ небрежности: изъ васъ одни не знали о ея проступкахъ, другіе, которымъ все было извѣстно, выражали свое негодованіе рѣчами, но не имѣли возможности дѣйствовать открыто, потому что никто не вызывалъ ее на судъ и не вынуждалъ васъ вынести свой приговоръ. Но теперь, когда вы знаете ее всѣ, когда въ вашей власти назначить ей наказаніе, то вы будете преступны предъ лицомъ боговъ, если не накажете ее. По возвращеніи домой—что сможете вы сказать вашимъ женамъ, дочерямъ и матерямъ, если вы оправдаете Нээру? Кого? спросятъ онѣ васъ тотчасъ.—Нээру, придется вамъ отвѣтить.

Почему она оказалась предъ лицомъ суда? Потому что, будучи чужеземкой, она сдѣлалась противозаконно женой гражданина; потому что она отдала свою дочь, торговавшую собой развратному Ѳеогену, потому что эта самая дочь приносила тайныя жертвоприношенія въ честь Аѳинъ, она отдана была въ жены Бахусу и т. д. Вы имъ разскажете обо всѣхъ обвиненіяхъ, скажете имъ, съ какимъ стараніемъ, съ какими подробностями, съ какой точностью собраны были всѣ эти жалобы. И что же вы сдѣлали? спросятъ они. Мы ее оправдали, отвѣтите вы. Честныя женщины будутъ оскорблены тѣмъ, что вы заставляете ихъ раздѣлять свои гражданскія и религіозныя права съ Нээрой и ея дочерью, порочныя же станутъ по прежнему свободно предаваться страстямъ, такъ какъ законы и судьи обезпечиваютъ имъ безнаказанность. Если вашъ приговоръ будетъ небрежнымъ и мягкимъ, васъ самихъ станутъ обвинять въ соучастіи въ совершенныхъ ею преступленіяхъ; тогда лучше было бы совсѣмъ не судить ее, чѣмъ вынести оправдательный приговоръ. Отнынѣ развратныя женщины будутъ свободно брать въ мужья тѣхъ, кого онѣ захотятъ, и считать отцомъ своихъ дѣтей перваго попавшагося. Ваши законы будутъ безсильны и куртизанка своими ласками сможетъ добиться всего, что ей захочется. Имѣйте уваженіе къ нашимъ гражданамъ и не препятствуйте дочерямъ бѣдныхъ гражданъ честно выходить замужъ.

И въ самомъ дѣлѣ, теперь, какъ бы ни была бѣдна дѣвушка, все же законъ даетъ ей достаточное приданое, если у нея отъ природы лицо, которое нравится. Но если вы попираете ногами этотъ законъ, если вы уничтожаете силу его, оправдывая Нээру, тогда позоръ проститутокъ падетъ на голову дочерей вашихъ гражданъ, которыя не могутъ выходить замужъ безъ приданаго, а достоинство честныхъ женщинъ станетъ достояніемъ куртизанокъ, которыя безнаказанно будутъ рожать дѣтей, когда имъ вздумается, будутъ принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ, въ таинствахъ храма, словомъ во всѣхъ почестяхъ, которыми пользуются гражданки. Такъ пусть же каждый изъ васъ помнитъ, что свой приговоръ онъ произноситъ во имя своей жены, дочери, матери, во имя

интересовъ Аѳинъ, законовъ, храмовъ и жертвоприношеній, во имя того, чтобы честныя женщины не стояли рядомъ съ проституткой, чтобы гражданки, воспитанныя старательно и мудро ихъ родителями и выданныя замужъ согласно требованіямъ закона, не смѣшивались съ чужеземкой, которая по нѣсколько разъ въ день имѣла сношенія съ нѣсколькими мужчинами, всяческими самыми гнусными способами, какъ кому этого хотѣлось".

Эта рѣчь Демосѳена, личный взглядъ котораго на супружескую вѣрность гражданъ намъ уже извѣстенъ, съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что на куртизанокъ сначала смотрѣли въ Греціи какъ на простое орудіе удовольствія, или же это были маленькія подруги, которыя должны были увеселять обаяніемъ своего ума, обольстительностью роскоши и сладострастными ласками. Но онѣ не пользовались никакими правами: общество безжалостно приносило ихъ въ жертву суровому уложенію о наказаніяхъ.

Такъ, до тѣхъ поръ пока законы Солона не были выведены изъ употребленія, свободныя куртизанки обязаны были носить особый костюмъ, котораго назначеніе было отличать ихъ отъ честныхъ женщинъ. Костюмъ этотъ сдѣланъ былъ изъ пестрыхъ тканей кричащихъ цвѣтовъ, къ которымъ были приколоты букеты цвѣтовъ. Въ качествѣ головного убора разрѣшался вѣнокъ изъ розъ. Тунику и пеплумъ изъ одинаковой ткани, золотой вѣнокъ и драгоцѣнности имѣли право носить только замужнія женщины и позднѣе, въ видѣ особаго снисхожденія, знаменитыя гетеры.

Полиція требовала кромѣ того, чтобы волосы ихъ были окрашены въ желтый цвѣтъ который получался съ помощью шафрана или другихъ растеній. Впрочемъ, многія изъ нихъ предпочитали носить бѣлокурый парикъ, который пріобрѣтался въ Германіи. Какъ всѣ проститутки прежнихъ и послѣдующихъ временъ, онѣ охотно пользовались гримомъ, онѣ раскрашивали лицо румянами и бѣлилами, чтобы казаться молодыми; старыя замаскировывали бороздки морщинъ рыбьимъ клеемъ. Наиболѣе выдающіяся гетеры и диктеріады призывали художниковъ (pornotrophoî), которые занимались спеціально декоративными украшеніями статуй и придавали красу лицу куртизанки.

„Когда старыя гетеры, говоритъ Дюфуръ, были раскрашены и разодѣты, онѣ усаживались у высокаго окна, выходившаго на улицу. Отсюда онѣ зазывали прохожихъ, держа въ рукахъ миртовую вѣтку, которою онѣ помахивали какъ палочкой чародѣйки или прикладывали къ губамъ. Если какой-нибудь мужчина останавливался, то женщина дѣлала извѣстный знакъ, приближая большой палецъ къ безымянному, такъ что съ рукой наполовину зажатой получалась форма кольца. Въ отвѣтъ на этотъ знакъ мужчина долженъ былъ поднять вверхъ указательный палецъ правой руки и тогда женщина исчезала, чтобы пойти ему на встрѣчу".

Сводничество, не смотря на строгіе законы, существовало въ Аѳинахъ открыто. Какъ всегда, этимъ дѣломъ занимались старыя куртизанки, которыя привыкли къ разврату: онѣ развращали молодыхъ дѣвушекъ и посвящали ихъ въ тайны своего ремесла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ изготовляли любовные напитки и въ качествѣ акушерокъ оказывали помощь при родахъ и, главнымъ образомъ, занимались устройствомъ выкидышей *). Чтобы имѣть представленіе о любовныхъ похожденіяхъ у древнихъ Грековъ, слѣдуетъ прочесть діалоги Лукіана **) и письма Альципфрона, переполненныя любопытными подробностями о нравахъ и обычаяхъ; написаны онѣ въ формѣ переписки между куртизанками и паразитами.

Эти документы свидѣтельствуютъ о томъ, что строгость закона прогрессивно убывала. Свободная женщина въ Греціи уже чаще отдается проституціи и нерѣдко роль развратительницы и сводницы играетъ собствен-

*) Въ діалогѣ Платона, между Сократомъ и Ѳеэтетомъ, Сократъ, сынъ акушерки Фенареты, сообщаетъ своему собесѣднику, что акушерки могутъ при помощи чаръ и снадобій не только вызвать родовыя схватки и облегчать ихъ, принимать при родахъ, но и облегчать выкидышъ, когда мать рѣшила освободиться отъ плода. Паціентками ихъ состояли, главнымъ образомъ, куртизанки, въ интересы которыхъ не входили материнскія обязанности. Къ гражданкамъ онѣ приходили только для того, чтобы присутствовать при родахъ, давать имъ указанія по гигіенѣ беременности и мнимыя, правда, средства для устраненія безплодія. Онѣ также занимались леченіемъ маточныхъ болѣзней и заключеніемъ браковъ. Изъ именъ, дошедшихъ до насъ, упомянемъ Агнодису, занимавшуюся леченіемъ женскихъ болѣзней, Олимпію изъ Ѳивъ, изобрѣвшую пессаріи для устройства выкидышей, Аспазію (ея не слѣдуетъ смѣшивать со знаменитой гетерой), которая оставила нѣсколько трудовъ, сохранившихся у Аэція въ Tetrabiblon'ѣ и посвященные главнымъ образомъ вопросу о выкидышахъ; наконецъ, Элефантисъ, составившая книгу о плодогонныхъ средствахъ и румянахъ и кромѣ того, книги непристойнаго содержанія, которыя съ такимъ наслажденіемъ перечитывалъ Тиверій.

**) Лукіанъ, Діалогъ куртизанокъ.

ная мать. Благодаря большей пронырливости и образованности сравнительно съ чужеземками, онѣ стали прибѣгать къ проституціи, которая давала средства для роскошной жизни; правда, этой роскоши хватало только на молодые годы, за которыми слѣдовала старость и жестокая нужда. Но за это время она пріобрѣтала страсть къ кокетству, безумнымъ тратамъ, къ игрѣ и пьянству. И, несмотря на свои пороки и алчность, она подчасъ умѣла внушить сильную страсть и нерѣдко бывала причиной раззоренія и безчестья семьи. Полная суевѣрія и корыстолюбія, она отправлялась въ храмы, гдѣ приносила жертву богамъ въ надеждѣ получить богатую добычу, встрѣтить щедраго любовника, котораго можно было бы «ощипать» сколько угодно, составить себѣ состояніе на счетъ какого-нибудь благороднаго юноши новичка или богатаго развратнаго старика.

Такое извращеніе ума свойственное еще и въ наше время вульгарнымъ куртизанкамъ въ Испаніи и Италіи.

Изъ всѣхъ проститутокъ Греціи наибольшей извѣстностью по своей продажности пользовались Коринѳскія женщины, у которыхъ культъ проституціи достигъ высокой степени развитія. Въ этомъ городѣ, который былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для всей торговли Востока, почти всѣ женщины занимались проституціей; всѣ дома представляли собой въ большей или меньшей степени диктеріоны: все населеніе приносило жертвы Венерѣ. Искусство, съ которымъ онѣ обирали чужеземныхъ купцовъ и мореплавателей, стало просто легендарнымъ. Горацій

описываетъ его въ знаменитомъ стихѣ изъ посланія его къ Сцевѣ:

Non cuivis homini contingit adire
Corinthum.

(Не всѣмъ смертнымъ можно отправляться въ Коринѳъ).

И дѣйствительно, надо было запастись большимъ количествомъ денегъ, чтобы побывать въ этой столицѣ священной и легальной проституціи, которая гордо величала себя высшей школой разврата и сладострастія, академіей, куда приходили для совершенствованія всѣ гетеры и диктеріады Греціи. Эротическіе поэты передаютъ намъ эту программу взаимнаго обученія; это было искусство внушать любовь, искусство увеличивать ее и дѣлать продолжительной, искусство извлечь изъ нея возможно больше денегъ. Здѣсь онѣ изучали теоретически и практически науку хитрости и обольщенія: вызывающія позы, вздохи, развратный смѣхъ, взгляды, полные томности и обѣщаній, игру физіономіи для выраженія безразличія или страсти; всѣ искусныя уловки женщины, которая хочетъ плѣнять, всѣ физическія и моральныя ухищренія, способныя возбуждать желанія и чувственность, разжигать чувственные порывы, поддерживить и удовлетворять ихъ.

Аѳинскія куртизанки получали образованіе въ Коринѳѣ. Но ихъ не удовлетворяли всѣ ухищренія кокетства, умѣніе притворяться экзальтированными, меланхолично настроенными, играть роль жертвы любви. Чтобы лучше убѣдить въ своей любви того, кого имъ хотѣлось соблазнить, онѣ начертывали

его имя подлѣ своего на стѣнахъ Керамики.

Несмотря на законы Дракона о прелюбодѣяніи, все же было значительно число замужнихъ женщинъ, которыя предавались разврату и конкурировали съ куртизанками. Ласки ихъ оцѣнивались гораздо дороже, чѣмъ ласки греческихъ диктеріадъ. Но пойманныя на мѣстѣ преступленія, онѣ подлежали смертной казни или наказанію плетьми по желанію обманутаго мужа. Иногда это улаживалось мирно, неосторожный любовникъ уплачивалъ крупную сумму обвинителю и такимъ образомъ избавлялся отъ позорнаго публичнаго наказанія плетьми и неизбѣжно съ нимъ связанной черной рѣдиски *).

Иногда диктеріады выдавали себя за замужнихъ женщинъ и при содѣйствіи сводника эксплуатировали наивнаго человѣка, который принималъ за чистую монету мнимую сцену адюльтера.

---

*) Послѣ того, какъ обвиненные въ прелюбодѣяніи были предварительно высѣчены, рабы вонзали имъ огромную черную рѣдиску въ прямую кишку. Этотъ растительный колъ причинялъ сильную боль, у толпы же вызывалъ только насмѣшки.

СВОБОДНАЯ ПРОСТИТУЦІЯ. КУРТИЗАНКИ. СВОБОДНЫЯ ДИКТЕРІАДЫ.

Свободная проституція въ Греціи не исчерпывалась женщинами, которыя содержались въ разрѣшенныхъ диктеріонахъ и въ общественныхъ диктеріонахъ, созданныхъ Солономъ. Въ составъ ея входили также свободныя куртизанки, которыхъ можно подвести подъ три рѣзко различныя категоріи: диктеріады, подобныя билетнымъ проституткамъ нашего времени, занимались проституціей за свой рискъ; авлетриды, танцовщицы и флейтистки, которыя давали представленія на дому и показывались въ публичныхъ мѣстахъ и, наконецъ, гетеры, изящныя женщины полусвѣта высокаго или низкаго ранга. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ играли извѣстную роль въ исторіи греческой литературы, искусства, философіи и политики.

Вообще диктереады жили въ предмѣстьи, Пиреѣ. Одни изъ нихъ нанимали комнаты въ гостинницахъ и кабачкахъ гавани, другія жили въ небольшихъ домикахъ внѣ городской черты. По законамъ Солона имъ запрещено было до захода солнца появляться внутри города, но вечеромъ онѣ свободно приходили туда и занимались своимъ ремесломъ. Онѣ

наполняли улицы, общественныя площади и тѣнистыя аллеи Керамики *), тѣ самыя, въ которыхъ нѣкогда бывали гетеры и ихъ любовники изъ аѳинской знати. Онѣ сдѣлали изъ этого сада мѣсто публичной проституціи, которой они не переставали заниматься ни днемъ, ни ночью; садъ превращался какъ бы въ отдѣленіе площади Пирея; здѣсь онѣ или старались «подцѣпить» прохожихъ, или принявъ неподвижную позу сфинкса, старались возбудить ихъ желанія. Здѣсь громко торговались о цѣнѣ и публично отдавались мужчинамъ подъ портикомъ храма, на тѣхъ самыхъ лужайкахъ, гдѣ нѣкогда читалъ лекціи Платонъ... Здѣсь же, на надгробныхъ камняхъ героевъ Греціи, начиная со временъ упадка Аѳинъ, мы замѣчаемъ, что только нѣкоторыя изъ диктеріадъ продолжаютъ носить, установленное для нихъ Солономъ яркое платье. Большинство же одѣто въ газовые плащи, которые ихъ почти совершенно обнажаютъ. Диктеріады самаго низкаго разряда посѣщали дома свиданій (tegos или kamaieunas), конуры, вся обстановка которыхъ состояла изъ брошенной на полъ постели.

Свободныя диктеріады были изъ вольноотпущенницъ и греческихъ дѣвушекъ низшихъ классовъ; большей частью это были пріѣзжія изъ Азіи и Египта. Большинство этихъ женщинъ влачило еще болѣе жалкое существо-

*) Это былъ садъ въ красивѣйшемъ кварталѣ Аѳинъ; онъ принадлежалъ раньше нѣкоему Академу и здѣсь то была основана подъ именемъ «Академіи» философская школа Платона. Въ саду былъ отдѣльный участокъ, гдѣ предавали землѣ гражданъ, съ оружіемъ въ рукахъ, умершихъ за отечество.

ваніе, чѣмъ тѣ, которыя были заключены въ диктеріонахъ; всѣхъ ихъ болѣе или менѣе эксплоатировали сводники и онѣ имѣли дѣло только съ преступниками, матросами и вообще съ подонками населенія. Тѣ, которыя старѣли и теряли привлекательность отъ разврата и болѣзней, скрывались цѣлый день, а ночью шныряли по улицамъ предмѣстья и по темнымъ аллеямъ кладбища. Ихъ называли lukaina, волчицы. Онѣ удовлетворялись платой въ нѣсколько монетъ, кускомъ рыбы или стаканомъ вина. Нѣсколько драхмъ получали тѣ, каторыя сохранили остатокъ привлекательности и были еще молоды.

Наряду съ этими несчастными существовалъ и другой классъ диктеріадъ, нѣчто вродѣ бродячихъ гетеръ, которыя, благодаря красотѣ и оригинальности своего ума, пользовались большой извѣстностью. Ихъ требованія были гораздо выше чѣмъ у рядовыхъ диктеріадъ. Онѣ очень ловко умѣли использовать неопытность юношей и похоти стариковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получали особыя прозвища, напоминавшія о какой нибудь привычкѣ или недостаткѣ ихъ обладательницы. Таковы были прозвища: оленья самка, курица, муха, бородатая, коза, ворона, рыбачка. Были также: «Кормилица», которая содержала своихъ возлюбленныхъ, «Лампада», которая пахла масломъ, «Часы», которая предоставляла своимъ кліентамъ время (около 1/4 часа), за какое песокъ успѣвалъ опуститься въ ея часахъ. Наконецъ, «Дѣвственница», названіе, придуманное философомъ Тимоклесомъ. Эти прозвища— то же, что современныя «баронесса», «обжора» или «рѣшетка для стока» (la grille d'égout) и проч.

Ибо народы вымираютъ, цивилизація уничтожается, а проституція остается, какъ неизбѣжный выдѣлительный аппаратъ человѣчества.

Въ смыслѣ физическомъ проститутки эти представляли значительное разнообразіе. Ксенахъ говоритъ о диктеріадахъ слѣдующее: «среди нихъ встрѣчаются фигуры стройныя и толстыя, высокія и низенькія; есть молодыя, старыя и женщины средняго возраста». Съ духовной же точки зрѣнія можно сказать, что всѣ онѣ были настоящими диктеріадами, хотя исторія и сохранила память о нѣкоторыхъ изъ нихъ, игравшихъ столь же видную, какъ и трудную роль Манонъ Леско или Маргариты Готье.

АВЛЕТРИДЫ.

Другой разновидностью куртизанокъ были авлетриды. Какъ и диктеріады, это были чаще всего чужестранки. Онѣ были артистками, музыкантшами и танцовщицами и выступали на большихъ публичныхъ балахъ и въ таверн-нахъ; можно было также приглашать ихъ на домъ *). Онѣ танцовали, аккомпанируя себѣ на флейтѣ, что приносило имъ немалый доходъ, но онѣ смотрѣли на свои танцы и игру, только какъ на средство для еще большаго очарованія, еще большаго привлеченія къ себѣ мужчинъ. Этотъ видъ проституціи нѣсколько напоминаетъ современную намъ проституцію маленькихъ театральныхъ и кафе-шантанныхъ артистокъ, хористокъ и фигуристокъ въ балетахъ и феерiяхъ. Онѣ охотно дарили свою благосклонность тѣмъ, которые дѣлали имъ выгодныя предложенія, но это не были проститутки въ обычномъ смыслѣ этого слова. Часто, правда, въ концѣ пира онѣ отдавались тому, кто больше платилъ— продавались какъ бы съ аукціона. Авлетриды обладали несравненнымъ даромъ внушать страсть и будить чувственность сладо-

*) Матроны при ихъ приходѣ удалялись изъ залы, гдѣ происходило пиршество.

страстными звуками своей музыки, позами своихъ танцевъ и выраженіемъ своего лица. Но еще больше вліяли онѣ на чувственность своими ласками и поцѣлуями. Онѣ пользовались большимъ успѣхомъ у грековъ, которые въ силу своего темперамента предавались особенно утонченному разврату. Нѣкоторые изъ древне-греческихъ историковъ, какъ Теопонтъ и Эпикратъ, упоминаютъ объ авлетридахъ. П. Дюфуръ, ссылаясь на этихъ историковъ, приводитъ нѣсколько интересныхъ выдержекъ,—изъ которыхъ можно заключить, что страсть къ женщинамъ была одинаково могуча какъ у аѳинянъ, такъ и во всей Греціи вообще, отъ края до края. Надо отдать имъ справедливость: это были наиболѣе любящія и наименѣе жадныя изъ всѣхъ куртизанокъ. «Онѣ вызывали такіе взрывы восторга своей опьяняющей музыкой, что слушатели въ изступленіи срывали съ себя кольца и ожерелья и отдавали ихъ авлетридамъ. Искусная флейтистка не успѣвала собирать дары, преподносимые ей за одинъ вечеръ, когда она приводила всѣхъ въ восторгъ своей музыкой. Случалось, что во время пира онѣ получали въ подарокъ всю золотую и серебряную посуду дома. Какимъ дождемъ цвѣтовъ, драгоцѣнныхъ камней и золота осыпалась флейтистка за каждый новый, еще болѣе опьяняющій мотивъ, танцовщица за каждое новое, особенно выразительное па или тѣлодвиженіе, и съ какой удивительной ловкостью ловили онѣ на лету эти дорогія приношенія!

Такимъ образомъ, куртизанки этого рода обогащались особенно легко, и потому

имъ не трудно было скопить себѣ солидное состояніе—стоило только войти въ моду. „Лучшія семьи въ Александріи носили имена Миртіоны, Мнезисъ и Потиніи, говоритъ историкъ Полибій, не смотря на то, что Мнезисъ и Потиніи были флейтистками, а Миртіонъ была одной изъ тѣхъ покрытыхъ позоромъ публичныхъ женщинъ, которыхъ мы называемъ диктеріадами". Миртіонъ, какъ и Мнезисъ и Потинія, были любовницами Птоломея Филадельфійскаго, царя Египетскаго. Обаяніе, которое внушали танцовщицы и музыкантши, заставляло забыть объ ихъ возрастѣ, званіи и профессіи. „Аѳиней разсказываетъ что аркадійскіе послы были отправлены къ царю Антигону, который принялъ ихъ съ большими почестями и устроилъ въ ихъ честь блестящее празднество. Послы эти, суровые и почтенные старцы, усѣлись за столъ, пили и ѣли съ суровымъ видомъ, не говоря ни слова. Но вдругъ фригійскія флейты подали знакъ къ началу танцевъ; танцовщицы, закутанныя въ прозрачны ткани, вошли въ залу, тихо покачиваясь на концахъ пальцевъ; затѣмъ движенія ихъ понемногу ускоряются, онѣ снимаютъ покрывала съ головы, плечъ и наконецъ, обнажаютъ все тѣло. Теперь онѣ совершенно нагія, если не считать крохотныхъ панталонъ, которыя едва прикрываютъ среднюю часть туловища; танецъ дѣлается все болѣе сладострастнымъ и жгучимъ *). Послы мгновенно воспламеняются

*) Эти танцы дышали всей необузданностью пріапійцевъ; названія танцевъ слѣдующія: Афродита, Апокинъ, Апозеитъ, Ктисмосъ, Бридалихъ, Эпифаллъ, Лампротера и пр.

при видѣ этого необычайнаго зрѣлища и, не считаясь съ присутствіемъ царя, покатывающагося со смѣху, бросаются на танцовщицъ, не ожидавшихъ такого пріема, но готовыхъ выполнить долгъ гостепріимства". Любовь авлетридъ не всегда была продажна. Женщинамъ этимъ были присущи нѣкоторыя возвышенныя чувства, которыми онѣ были обязаны благородству своего искусства (музыки, танцевъ) и независимости, какой онѣ благодаря ему пользовались; заражаясь сами возбужденіемъ празднества, на которое ихъ приглашали, онѣ переживали тѣ же ощущенія, какія сами вызывали у зрителей, возбужденныхъ одухотворенностью ихъ музыки и танцевъ,—и онѣ пылали огнемъ неподдѣльной страсти и потому не позволяли третировать себя какъ обыкновенныхъ проститутокъ. Эти, обыкновенно красивыя молодыя флейтистки, всегда беззаботныя, смѣющіяся и увлеченныя своимъ искусствомъ, пользовались большой любовью аѳинскаго населенія, которое шумными криками восторга встрѣчало ихъ появленіе на празднествахъ. Многія изъ нихъ сдѣлались особенно знамениты:

Боа была матерью евнуха Филетера, который былъ сначала правителемъ Пергама, а потомъ и воцарился въ немъ; Партениза подала въ судъ жалобу на одного гражданина, который ее ударилъ, но жалоба ея была оставлена безъ послѣдствій, такъ какъ выяснилось, что она во первыхъ куртизанка, а во вторыхъ чужестранка. Пиралисъ танцовала такъ легко, что получила прозвище птички; Сигея, противъ чаръ которой не могла устоять самая

неприступная добродѣтель; Формезія, умершая въ объятіяхъ своей подруги— любовницы. Но самой знаменитой среди всѣхъ ихъ была безспорно Ламіа. Флейтистка родомъ изъ Египта, она покорила Птоломея, которому принадлежала вплоть до морского пораженія, нанесеннаго ему царемъ Димитріемъ Поліоркетомъ. Попавъ въ плѣнъ къ побѣдителю, она сразу же становится его любовницей и госпожей въ полномъ смыслѣ этого слова, всецѣло подчинивъ себѣ царя Македоніи. Только смерть царя во время одной оргіи прекратила это господство. Авторъ «Исторіи проституціи» описываетъ по Аѳинею и Макону любовныя уловки, къ которымъ прибѣгала эта знаменитая флейтистка, чтобы покорить своего царственнаго любовника. «Она пользовалась съ удивительнымъ умѣньемъ какъ днемъ, такъ и ночью: ночью она заставляла его признать, что равныхъ ей нѣтъ на свѣтѣ, днемъ она писала ему милыя письма, забавляя его живыми и остроумными оборотами; она опьяняла его звуками флейты, но всего больше дѣйствовала на него лестью: «Могущественный государь писала она ему, ты позволяешь, чтобы гетера писала тебѣ, ты не считаешь унизительнымъ для твоего достоинства удѣлять нѣсколько минутъ времени моимъ письмамъ, и ты отдаешь мнѣ самого себя. О, мой повелитель, когда внѣ дома я слышу голосъ твой, когда я вижу тебя, украшеннаго короной, окруженнаго стражей, войскомъ и послами, тогда, клянусь Венерой Афродитой,—тогда я дрожу и страшусь тебя; тогда я отвращаю отъ тебя свои взоры, какъ я отвращаю ихъ отъ солнца, чтобы не быть ослѣпленной, тогда я

узнаю въ тебѣ, о Димитрій, побѣдителя городовъ. Какъ взглядъ твой ужасенъ и дышетъ воинственностью! Я едва вѣрю глазамъ своимъ и говорю себѣ.—О Ламіа, неужели съ этимъ человѣкомъ ты раздѣляешь свое ложе».

Плутархъ въ своей «Жизни знаменитыхъ людей» очень подробно разсказываетъ исторію любви Димитрія и Ламіи. Онъ описываетъ македонскаго царя человѣкомъ такой совершенной красоты, съ такой благородной, величественной осанкой, что ни художники, ни скульпторы не могли уловить черты его лица. Лицо его выражало одновременно мягкость и суровость, жестокость и притягательность; живость, гордость и пылъ юности соединялись въ немъ съ видомъ героя, съ геройскимъ величіемъ и истинно царскимъ блескомъ. Таковъ былъ герой Аѳинъ, побѣдитель Ефеса, покоритель городовъ, супругъ нѣсколькихъ королевъ, но всего болѣе развращенный любовникъ флейтистки. «Въ своемъ эротическомъ экстазѣ Димитрій доходилъ до того, что лежа ночью на ложѣ своей любовницы, галлюцинировалъ, слышалъ ея музыку, слышалъ вновь тѣ мотивы, которые она играла ему во время ужина, восхищаясь особенно чарующими отрывками. (Ait Demetrium ab incubante Lamia concinne suaviterque subagitatum fuisse)—Нечистыя испаренія тѣла Ламіи были Димитрію во много разъ пріятнѣе лучшихъ благовоній Азіи,cum pudendum manu confricavisset ac digitis contrectavisset». Плутархъ приводитъ также нѣсколько любопытныхъ случаевъ, ярко рисующихъ намъ власть Ламіи надъ сыномъ Антигона. Впрочемъ, Ламія была не единственной его любовницей—ихъ у него было

много. Такъ напримѣръ, великій греческій біографъ и моралистъ приводитъ слѣдущій случай. Однажды, узнавъ о болѣзни Димитрія, старикъ отецъ пришелъ его провѣдать. На порогѣ онъ столкнулся съ прекраснымъ юношей, выходившимъ изъ покоевъ Димитрія. Зойдя къ сыну, старикъ сѣлъ у его постели и хотѣлъ измѣрить его пульсъ, но Димитрій увѣрилъ отца, что жара у него больше нѣтъ. Я знаю объ этомъ, сынъ мой, сказалъ Антигонъ; я даже видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ твоей комнаты. Ламіа хорошо знала всѣ порочныя страсти знаменитаго полководца и съ большимъ умѣньемъ удовлетворяла ихъ. Впрочемъ, порочностью своей они стоили другъ друга. Поэтъ Филипидъ въ нижеслѣдующихъ словахъ описываетъ, что Димитрій и его любовница сдѣлали съ Партенономъ.

Онъ принялъ Акрополь за трактиръ,
Онъ ввелъ куртизанокъ въ жилище Дѣвы.

Ламіа дѣйствительно заставила своего любовника устроить ей спальню въ храмѣ Минервы. Сама аѳинянка, она широко пользовалась властью побѣдителя надъ своими соотечественниками.

Такъ, по ея настоянію Димитрій тотчасъ же по взятіи Аѳинъ, потребовалъ съ покореннаго города контрибуцію въ 250 талантовъ, т. е. 1.300.000 франковъ. Когда послѣ неимовѣрныхъ усилій сумма эта была собрана и принесена къ ногамъ побѣдителя, онъ презрительно отвернулся отъ золота, сказавъ:—отдайте его Ламіи, это ей на туалетное мыло»! Позоръ отъ сознанія, что ихъ золото будетъ истрачено такимъ образомъ, былъ для аѳинянъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ самый фактъ уплаты контрибуціи, обиднѣе же всего былъ самый тонъ словъ Димитрія. И тѣмъ не менѣе послѣ смерти этой куртизанки аѳиняне воздвигли статую въ честь Венеры—Ламіи,—лишнее доказательство того, что безнравственность правителей есть не болѣе, какъ гипертрофированная безнравственность подданныхъ.

ГЕТЕРЫ.

Самыми знатными греческими куртизанками были гетеры. Въ смыслѣ соціальномъ онѣ играли роль теперешнихъ дамъ изъ такъ называемаго «высшаго свѣта».

Гетеры, какъ показываетъ самое названіе (Etaira отъ корня Ethès—другъ, товарищъ), были подругами всѣхъ выдающихся людей, знаменитыхъ въ области философіи, литературы искусства, въ военной сферѣ или, наконецъ, знаменитыхъ своимъ богатствомъ. Отношенія гетеръ къ знаменитымъ современникамъ были достояніемъ всего общества, и историки очень подробно останавливаются на этихъ отношеніяхъ. Куртизанокъ, подобныхъ гетерамъ, мы не встрѣчаемъ нигдѣ кромѣ Греціи—развѣ только Франція имѣла Нинонъ де Ланкло и Маріонъ Делормъ, но ни римская культура, ни настоящее время не знаетъ такихъ. Этихъ гордыхъ фаворитокъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ обыкновенными проститутками. Первыя прикрываютъ позоръ своей торговли страстями—нѣжной дымкой изящества и облагораживаютъ, чуть-ли не обожествляютъ эту торговлю. Благороднѣйшая страсть, нѣжное обаяніе и блестящій умъ—все это объясняетъ неодолимое

обаяніе, внушаемое всѣмъ гетерами. Авторъ «Празднествъ куртизанокъ въ Греціи» пишетъ: «Обыкновенныя проститутки играютъ только на чувственныхъ струнахъ человѣка, стремясь мгновенно воспламенить его, вызвать въ немъ обманчивое опьяненіе скоропреходящей страстью. Чаще всего гетеры были родомъ изъ Коринѳа, высшей школы всѣхъ видовъ проститутокъ; тамъ научались онѣ не только искусству любви, но и искусству нравиться, музыкѣ, философіи и ораторскому искусству. Подобно всѣмъ куртизанкамъ вообще, онѣ посвящали себя культу Венеры и приносили на ея алтарь доходы отъ своей „первой любви». Но проституція, прикрытая такой религіозной дымкой, существовала недолго. Скоро гетеры появились въ Аѳинахъ и другихъ городахъ Греціи. Тамъ онѣ прежде всего добывали средства на окруженіе своей особы достаточной роскошью, что было необходимо для успѣха гетеры. Затѣмъ она старалась окружать себя роемъ поклонниковъ изъ высшей аристократіи крови и ума, такъ какъ именно въ ихъ средѣ гетера находила почву для пріобрѣтенія столь желаннаго могущества и власти. Таковъ путь, которымъ шла гетера, добиваясь видной роли въ исторіи греческой цивилизаціи. Для достиженія своей цѣли гетеры пользовались не одной только чувственностью, онѣ придавали большое значеніе какъ утонченной роскоши окружающей ихъ обстановки, такъ и гибкости своего ума, что составляло рѣзкую противоположность съ простотой, цѣломудренностью и невѣжествомъ греческихъ женъ. Однѣмъ—суровыя обязанности жены и ма-

тери, другимъ — утѣхи красивой, удовлетворяющей страстямъ свѣтской жизни: такъ установился греческій бытъ со временъ Перикла, который будучи правителемъ, самъ подавалъ примѣръ чисто царской щедрости и самъ отдавался незаконной любви, заражая такимъ примѣромъ своихъ знаменитыхъ современниковъ Софокла, Эврипида, Аристофана, Фидія, Калликрата и др. Гетеры служили также моделями для художниковъ и скульпторовъ; онѣ привѣтствовали поэтовъ въ театрѣ и ораторовъ въ академіяхъ. Онѣ были украшеніемъ всякаго праздника, всякой военной и гражданской церемоніи. Ихъ постояннымъ мѣстопребываніемъ были сады Керамики; тамъ критиковали онѣ однихъ, превозносили другихъ,— стараясь поощрять самые небольшіе успѣхи таланта. Въ мѣстахъ общественныхъ прогулокъ онѣ появлялись обыкновенно на роскошныхъ колесницахъ, закутанныя въ драгоцѣнныя ткани Востока, блистая красотой и граціей, сверкая драгоцѣнными камнями, напоминая всѣмъ видомъ своимъ и осанкой неограниченныхъ повелительницъ фанатически-преданнаго имъ народа. «Своимъ оригинальнымъ, обаятельнымъ и изысканнымъ умомъ, говоритъ Дюфуръ, онѣ создавали вокругъ себя атмосферу соревнованія въ исканіи красоты и добра, облагораживали вкусы и, зажигая въ сердцахъ огонь любви, содѣйствовали развитію науки, литературы и искусства; въ этомъ была ихъ сила и обаятельность. Очарованные ими, влюбленные поклонники старались сдѣлаться достойными предмета своего поклоненія. И вмѣстѣ съ тѣмъ именно гетеры были нерѣдко причиной позорныхъ ку-

тежей, расточительности и цѣлаго ряда другихъ безумствъ. Подъ ихъ-же вліяніемъ портились нравы, блѣднѣли гражданскія доблести, разслаблялись характеры, развращались души; въ то же время, именно онѣ внушали благородныя мысли, побуждали къ доблестнымъ подвигамъ патріотизма, вдохновляли поэтовъ и художниковъ. Передъ чарами гетеръ были безсильны и поэты, и философы, храбрые полководцы, и даже цари. Гетеры пріобщались къ ихъ славѣ, къ ихъ громкому имени, къ ихъ правамъ на безсмертіе въ исторіи. Иногда они, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ и принципами морали, отдавались охватившей ихъ страсти и сочетались съ гетерами законнымъ бракомъ. Философія учитъ насъ, что любовь всегда и вездѣ имѣла на людей огромное вліяніе, исторія же показываетъ что никогда сила этого вліянія не проявлялась съ такимъ деспотизмомъ, какъ тогда, когда предметомъ любви была какая-нибудь изъ великихъ жрицъ богини любви. Особенно легко поддавались неотразимому вліянію гетеръ люди выдающіеся — вѣроятно, потому, что какъ тѣ, такъ и другіе обладали особенно нѣжной психической организаціей.

ЗНАМЕНИТЫЯ ГЕТЕРЫ.

Аспазія родилась въ Милетѣ, этомъ царствѣ веселья и куртизанокъ. Она прибыла въ Аѳины, чтобы распространять тамъ свою философію, свое свободомысліе. Природа надѣлила ее обаяніемъ, отъ рожденія она имѣла неисчислимое множество талантовъ. Она вездѣ появлялась окруженная цѣлымъ роемъ прекрасныхъ молодыхъ греческихъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ ея школѣ, богато одаренныхъ умственно и физически, исключительно воспитанныхъ—но такихъ-же гетеръ, какъ и она сама. Одаренная рѣдкимъ умомъ и несравненной красотой, Аспазія со своей свитой прелестныхъ неофитокъ имѣла, конечно, огромный успѣхъ. И Жоссаръ вполнѣ правъ, говоря, что съ появленіемъ этихъ прелестныхъ, выдающихся во всѣхъ отношеніяхъ женщинъ, Аѳины стали главнымъ центромъ удовольствій и вообще украшеній жизни. Въ домѣ Аспазіи встрѣчались всѣ выдающіеся люди Греціи. Тамъ они обмѣнивались мыслями по самымъ возвышеннымъ вопросамъ, разбирали вопросы философіи, литературы и искусства. Тамъ можно было встрѣтить не только Сократа, Перикла, Алкивіада, Фидія, Анаксагора и вообще всю мужскую часть

высшей аѳинской аристократіи, но даже и самихъ матронъ съ дочерьми, забывшихъ ради Аспазіи нравы и обычаи своей страны. «Онѣ шли туда, чтобы слушать ея рѣчи, выводить по нимъ заключенія о ея нечестивой жизни,—нечестивой потому, что и она, и окружавшія ее дѣвушки торговали своимъ тѣломъ» [1]). Никогда характеръ королевы не отражался такъ сильно на подданныхъ, какъ характеръ Аспазіи отразился на аѳинянахъ. Она управляла всѣми дѣлами народа, рѣшала миръ и войну, разрѣшала всѣ спорные вопросы искусства и литературы, задавала тонъ жизни мужчинъ, была законодательницей модъ для женщинъ. Въ ней гетеризмъ получилъ свое лучшее выраженіе, свое высшее торжество. Поэтому историкъ, говоря о вѣкѣ Перикла, съ полнымъ правомъ можетъ называть его вѣкомъ Аспазіи. Своей легкомысленной философіей она настолько подчинила себѣ Перикла, блестящаго героя Микале, всѣми признаннаго главу республики, что этотъ послѣдній развелся съ женой, чтобы жениться на Аспазіи. И вотъ, куртизанка добилась активнаго участія въ политикѣ Греціи и побудила грековъ ради чисто личныхъ своихъ интересовъ пойти войной на Самосъ, Мегару и Пелопонесъ. Этими кровавыми войнами греки были обязаны исключительно Аспазіи. Жителямъ Самоса она мстила за ихъ вражду къ ея соотечественникамъ, жителямъ Милета; съ Мегарійцами у нея другія счеты: Алквіадъ, одинъ изъ ея любовниковъ, похитилъ двухъ гетеръ изъ свиты Аспазіи. Для того

[1]) Я. Аміо, перев. изъ Плутарха.

чтобы примиреніе не состоялось случайно безъ ея вѣдома, она лично слѣдила за всѣми перипетіями войны, присутствуя на поляхъ битвы со своимъ летучимъ отрядомъ изъ куртизанокъ. Эти послѣднія служили Аспазіи для сообщенія своихъ приказаній греческимъ военноначальникамъ, осыпавшимъ прелестныхъ посланцевъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Деспотическій характеръ Аспазіи создавалъ ей очень много враговъ, особенно среди женщинъ. Философія ея была признана безнравственной, а она сама предстала передъ ареопагомъ по обвиненію въ оскорбленіи боговъ. Она неминемо была бы осуждена, но Периклъ лично явился въ судилище и слезами и мольбами смягчилъ сердца судей и спасъ ее такимъ образомъ отъ жестокой кары. Послѣ смерти Перикла она не оставила своей профессіи куртизанки и сохранила еще достаточно сильное вліяніе для того, чтобы дать возможность одному изъ своихъ любовниковъ, богатому и молодому Лизаклу занять видное положеніе въ республикѣ.

Фрина была родомъ изъ беотійскаго города, Ѳесписа, посвященнаго музамъ. Тогда какъ Аспазія искала успѣха въ широкихъ массахъ, дорожила своими тріумфами въ общественныхъ собраніяхъ,—Фрина держалась вдали отъ свѣта и жила уединенно. Горячо любя искусства, она посѣщала, однако, исключительно студіи Апеллеса и Праксителя, благодарной любовницей которыхъ она была въ одно и то же время; благодарной за то, что только созданія этихъ великихъ художниковъ Греціи сдѣлали извѣстной дивную красоту Фрины.

Она гордилась тѣмъ, что позировала великому художнику и служила моделью не менѣе знаменитому скульптору для его лучшихъ статуй Венеры. Тѣло ея было совершеннымъ образцомъ женскихъ формъ по чистотѣ и гармоничности линій. «На Елевзинскихъ мистеріяхъ, говоритъ Дюфуръ, появлялась она, какъ богиня на портикѣ храма, спускала съ плечъ свои одежды передъ лицомъ всей восхищенной, замиравшей отъ восторга толпы; затѣмъ она скрывалась за пурпурной завѣсой. На празднествахъ въ честь Нептуна и Венеры она также сбрасывала свои одежды на ступенькахъ храма, и прикрывая наготу своего сверкавшаго на солнцѣ прекраснаго тѣла длинными, черными какъ смоль волосами, она шла по направленію къ морю, среди разступившейся съ благоговѣніемъ толпы, привѣтствовавшей ее единодушными криками восторга. Затѣмъ, въ честь Нептуна Фрина погружалась въ волны и выходила изъ воды, какъ рожденная изъ морской пѣны Венера. Она ложилась на минуту на песокъ, чтобы осушить воду, стекавшую съ ея упругаго тѣла, выкручивала влажные волосы—и была такъ прекрасна, что казалось, это вторично родилась сама Венера. Проходилъ моментъ тріумфа и Фрина, провожаемая шумными кликами восторга, незамѣтно исчезала и снова надолго уходила въ свое обычное уединеніе. Но тѣмъ эффектнѣе было каждое ея появленіе, тѣмъ болѣе восторжены были разсказы объ успѣхахъ куртизанки, переходившіе изъ устъ въ уста. И съ каждымъ годомъ увеличивалось число любопытныхъ исключительно ради Фрины желавшихъ присутствовать на Елевзинскихъ

таинствахъ и на празднествахъ въ честь Нептуна».

Успѣхи ѳеспійской гетеры были слишкомъ громки для того, чтобы несчастье, какъ ударъ грома, не подстерегало ее. И дѣйствительно, кто-то изъ отвергнутыхъ обожателей обвинилъ ее въ нечестіи—и она предстала передъ судомъ неумолимаго ареопага. Смертный приговоръ былъ уже предрѣшенъ въ принципѣ, обвинитель кончалъ уже свою рѣчь, въ которой обвинялъ Фрину въ профанаціи елевзинскаго культа, въ развращеніи гражданъ, какъ вдругъ подымается молодой ораторъ и протягиваетъ руку по направленію къ Фринѣ, желая этимъ показать, что онъ принимаетъ на себя ее защиту. Это былъ Гиперидъ, когда-то пользовавшійся расположеніемъ Фрины; онъ пылко доказываетъ невинность своей бывшей любовницы. Но безстрастный трибуналъ непреклоненъ и готовъ уже вынести смертный приговоръ. Тогда Гиперидъ быстрымъ движеніемъ подводитъ знаменитую куртизанку къ барьеру, срываетъ съ нея одежды, и она обнаженная предстаетъ во всей своей художественной дивной красотѣ предъ лицомъ изумленныхъ судей. Онъ требуетъ оправданія для Фрины во имя эстетики, во имя совершенства формъ, которое греки всегда высоко цѣнили. И обвиненіе было отвергнуто, и преслѣдованіе Фрины прекращено.

Надо-ли прибавить, что Фрина не замедлила представить несомнѣнные знаки благодарности своему краснорѣчивому защитнику? Съ того времени она начинаетъ вести себя осторожнѣе и не отказываетъ въ благосклонности разнымъ представителямъ высшей власти въ Аѳинахъ,—

предосторожность, безусловно необходимая для того, чтобы никогда больше не быть обвиненной въ нечестіи и неуваженіи къ богамъ. Богатства ея были тогда неисчислимы. Она воздвигаетъ нѣсколько храмовъ и другихъ зданій въ Коринѳѣ. Она предлагаетъ ѳеспійцамъ возстановить ихъ разрушенный городъ на свой счетъ, съ однимъ лишь условіемъ, именно, чтобы на стѣнахъ его было начертано: Александръ разрушилъ Ѳеспись, а Фрина выстроила его вновь. Но соотечественники ея гордо отказались отъ предложеннаго золота, на томъ основаніи, что оно было пріобрѣтено Фриной путемъ проституціи. Послѣ ея смерти Праксителемъ была высѣчена изъ чистаго золота ея статуя, которую помѣстили въ храмѣ Діаны въ Ефесѣ *).

---

*) Подобно многимъ другимъ куртизанкамъ, Фрина была въ Аѳинахъ жрицей любви, о чемъ свидѣтельствуютъ двѣ нижеприводимыя надгробныя надписи изъ антологіи: «Здѣсь покоится хрупкое тѣло маленькой голубки Триферы, нѣжнаго цвѣтка среди пышныхъ гетеръ, блиставшихъ на шумныхъ празднествахъ, съ ихъ удовольствіями и веселой болтовней, на празднествахъ въ святилищѣ Цибеллы. Кто поклонялся матери всѣхъ боговъ, кто больше всѣхъ другихъ любилъ оргіи Киприды,— кто обладалъ прелестью и граціей Лаисы? О, мать земля, пусть на могилѣ вакханки произрастутъ не шипы и терніи, а нѣжныя фіалки». Вторая эпитафія гласитъ: «Танцовщица Арестіонъ съ бубнами носилась среди сосенъ, танцуя съ распущенными власами, въ честь Цибеллы; твоя флейта изъ лотоса доставляла своей мелодіей очарованіе и радости, ты умѣла осушать одну за другой три чаши чистаго вина. Здѣсь покоится она подъ липами, не испытывая любви, не ощущая сладкой истомы отъ ночного бдѣнія. Прощайте навсегда, божественное изступленіе и оргіи. Ты, покрытая всегда цвѣтами и гирляндами—тебя скрываетъ теперь отъ насъ холодный мракъ». (Веронъ, Ист. религій).

Ланса прославилась какъ своимъ умомъ, такъ и своей несравненной красотой. Еще ребенкомъ она была захвачена въ плѣнъ Никіемъ во время одного изъ его походовъ, привезена изъ Сициліи въ Аѳины и продана въ рабство художнику Апелессу, который первый посвятилъ ее въ тайны любви. Черезъ нѣсколько лѣтъ, освободившись отъ рабства, Лаиса отправилась въ Коринѳъ, постигла тамъ науку гетеризма и поселилась въ этомъ городѣ навсегда; сюда отовсюду стекались къ ней жаждущіе ея благосклонности богатые чужеземцы, платившіе ей за любовь баснословныя деньги. Демосѳену случилось узнать объ этомъ по ея безумнымъ тратамъ. Несмотря на репутацію знаменитаго оратора, какой заслуженно пользовался Демосѳенъ, Лаиса потребовала съ него 10,000 драхмъ за одну ночь.

«Я не покупаю раскаянія такой дорогой цѣной», отвѣчалъ ей знаменитый Аѳинянинъ, въ кошелькѣ котораго не было и десятой части этой суммы. На зло Демосѳену Лаиса предложила себя Ксенократу, одному изъ учениковъ школы Платона, но тщетно пыталась она прельстить суроваго философа всѣми своими чарами, напрасно пыталась она пробудить его страсть своими ласками и сладострастными объятіями. Ксенократъ не поддавался никакимъ чарамъ. „Я взялась пробудить страсть въ человѣкѣ, а не въ статуѣ», сказала Лаиса. Не болѣе повезло Лаисѣ и у Евбата, одного изъ побѣдителей на олимпійскихъ играхъ. Этотъ молодой человѣкъ рѣшилъ остаться вѣрнымъ своей любви къ одной дѣвушкѣ изъ Сирены и отклонялъ всѣ

настойчивыя домоганія Лаисы. Въ своей любви Лаиса была очень капризна: она очень любила контрасты. Одновременно она была любовницей изящнаго спиритуалиста Аристиппа и грубаго циника Діогена, которому она отдавалась чуть ли не публично. Въ ея присутствіи оба философа старались обратить другъ друга въ свою вѣру, но безуспѣшно. Ихъ аргументы только еще сильнѣе укрѣпляли въ Лаисѣ жажду эклектизма въ любви.

Плутархъ разсказываетъ о ея смерти слѣдующее. Лаиса покинула Коринѳъ, чтобы послѣдовать за любимымъ ею юношей въ Ѳессалію; но тамъ завидовавшія ея красотѣ ѳессалійскія женщины умертвили ее. Коринѳяне въ благодарность за ея чисто царскую щедрость къ ихъ городу, воздвигли въ ея честь памятникъ, изображавшій львицу, разрывающую на части барашка. Говорятъ также, что на ея могилѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была убита, была построена гробница съ слѣдующей эпитафіей: «Славная и непобѣдимая Греція была покорена божественной красотой Лаисы. Дитя любви, воспитанная Коринѳской школой, она отдыхаетъ на цвѣтущихъ поляхъ Ѳессаліи». Было бы странно, конечно, если бы никто изъ французскихъ поэтовъ не увѣковѣчилъ Лаису въ своихъ стихахъ, и у Вольтера мы находимъ переводъ обращенія Лаисы къ Венерѣ, къ подножію статуи которой она кладетъ свое зеркало, чувствуя наступленіе старости. Въ своемъ сборникѣ эпиграммъ, извѣстномъ подъ именемъ «Греческой Антологіи», поэтъ вклады-

ваетъ въ уста Коринеской гетеры такія слова:

Я даю его (зеркало) Венерѣ, потому что она
всегда прекрасна,
Оно слишкомъ усиливаетъ мою печаль,
Я больше не увижу себя въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ
Ни такой, какой я была, ни такой, какова я теперь...

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ И ГЕТЕРЫ.

Большая часть гетеръ обязана своей славой знаменитымъ своимъ современникамъ, которые оказывали имъ покровительство. Среди такихъ гетеръ мы назовемъ слѣдующихъ:

Герпилисъ была любовницей Аристотеля, отъ котораго у нея родился сынъ. Родоначальникъ философіи сдѣлалъ ее еще при жизни своей единственной наслѣдницей.

Лагиска. Учитель краснорѣчія Исократъ, другъ Филиппа, царя Македонскаго и соперникъ Демосеена, не съумѣлъ противостоять чарамъ этой прекрасной дѣвушки.

Мегалострата — восприняла эротическую философію Алкмана, предшественника Гомера, который злоупотреблялъ половыми наслажденіями и впослѣдствіи заболѣлъ питиріазисомъ.

Леонція. Аеинская гетера, послѣдовательница и любовница Эпикура, прославилась своимъ краснорѣчіемъ; ею страстно увлекся поэтъ Гермасіанаксъ; пользуется извѣстностью ея горячая полемика съ философомъ Теофрастомъ.

Таиса. Когда Александръ взялъ Аеины, Таиса, аеинская гетера, покорила его своей красотой и послѣдовала за нимъ въ Азію.

Она участвовала въ знаменитой оргіи Александра, послѣ которой побѣдитель предалъ Персеполисъ огню. Затѣмъ Таиса стала любовницей Птоломея, впослѣдствіи царя Египетскаго. Птоломей включилъ ее въ число своихъ законныхъ женъ и прижилъ съ ней троихъ дѣтей.

Вакхисъ. Эта вѣрная любовница оратора Гиперида была извѣстна своимъ безкорыстіемъ и добротой. Ее называли «добрая Вакхисъ». Гиперидъ пишетъ, что Вакхисъ облагородила имя куртизанки.

Теодетта нѣжно любила блестящаго Аѳинскаго полководца Алквіада и благоговѣйно воздала ему погребальныя почести.

Гликерія. Менандръ посвятилъ ей лучшую изъ своихъ комедій. Она часто говорила: «Я предпочитаю быть королевой Менандра, чѣмъ владычицей Тарза»—города, въ которомъ она, окруженная царской роскошью, жила на содержаніи у правителя азіатскихъ провинцій.

Агаѳоклея безраздѣльно владычествовала надъ Птоломеемъ Филопаторомъ и перевернула вверхъ дномъ все его государство.

Археанасса подобно Нинонъ пользовалась любовью до глубокой старости. Платонъ любилъ ее, забывая ради нея суровые принципы своей философіи. Говорятъ, что онъ посвятилъ ей слѣдующіе стихи:

Прекрасная Археанаса достойна любви,
Лицо ея покрыто морщинами,
Но рой амуровъ играетъ въ нихъ.
Вы, которые видѣли ее, когда жестокое время
Не причинило еще такого урона ея красѣ,
Да не будетъ вамъ теперь тягостенъ ея видъ.

Аристагора — коринѳская куртизанка, любовница Димитрія Фалерскаго. Этотъ послѣдній, назначенный гиппархомъ на празднества Панаѳиней, приказалъ воздвигнуть для своей любовницы тронъ выше статуи Гермеса. На открытіи Елевзинскихъ таинствъ онъ помѣстилъ ее у самаго входа въ святилище. Димитрій за свою расточительность былъ вызванъ на судъ ареѳопага: «Я живу, какъ и подобаетъ жить человѣку благороднаго происхожденія, сказалъ онъ. Если моя любовница одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ Греціи, это еще не оскорбляетъ ничьей чести. Я пью хіоское вино, веду разсѣянный образъ жизни, но я трачу только свое состояніе. Я не занимаюсь ни мздоимствомъ, ни прелюбодѣяніемъ, какъ нѣкоторые изъ васъ, господа судьи», и онъ назвалъ при этомъ нѣкоторыхъ изъ судей трибунала. Послѣ этой рѣчи Антигонъ назначилъ Димитрія тесмотетомъ.

Бедіонъ — разорила поэта Антагора и очень разбогатѣла. Симонидъ написалъ на Бедіонъ и двухъ ея подругъ слѣдующую ѣдкую эпиграмму:

Бѣгите, бѣгите, Нимфы, отъ этихъ опасныхъ береговъ,
У которыхъ живетъ сирена,
Жадная, какъ морской разбойникъ.
Любовники Бедіонъ и Таисы
Могутъ разсказать вамъ о томъ, какъ они ихъ обобрали;
Они плачутъ, они разорены,
Идите, взгляните на картину ихъ ужасныхъ бѣдствій!...

Клеонисса написала нѣсколько, не дошедшихъ впрочемъ до насъ, работъ по философіи. Она погибла случайно, пораженная кин-

жаломъ Павзанія, въ покои котораго она вошла ночью безъ предупрежденія.

Манія—ее называли пчелкой за необыкновенно тонкую талію. Вся внѣшность ея и осанка отличались необыкновенной граціей, голосъ—мелодичностью. Ее окружало множество поклонниковъ, какъ соотечественниковъ, такъ и чужеземцевъ. Греки называли ласки ея любви «сладкимъ безуміемъ». Димитрій попросилъ ее однажды дать ему возможность взглянуть на ея скрытыя прелести, которымъ могла бы позавидовать сама Венера. «Любуйся, благородный сынъ Агамемнона, сказала она, оборачиваясь къ Димитрію и пародируя стихи Софокла, «прелестями, которыя всегда были предметомъ особаго твоего поклоненія.» Она измѣнила своему любовнику Леонтику ради двухъ молодыхъ людей, приняла ихъ въ одну и ту же ночь и отдалась одному вслѣдъ за другимъ, такъ, чтобы они этого не знали. «Мнѣ любопытно было узнать, говоритъ она по этому поводу, какъ въ эту ночь поведутъ себя со мной два молодыхъ атлета — оба побѣдители на олимпійскихъ играхъ».

Мильто, которую называли восточной Аспазіей, родилась въ Фокидѣ и отличалась въ такой же мѣрѣ красотой, какъ и скромностью. Исторія ея такова: она была похищена однимъ Сатрапомъ и отвезена въ Сарды во дворецъ Кира, гдѣ евнухи помѣстили ее въ отдѣленіе царскихъ женъ. Плачущая Мильто ясно представляетъ себѣ ожидающую ее судьбу. Съ негодованіемъ отвергаетъ она принесенное ей въ даръ ожерелье; она съ молитвами обращается къ богамъ и родителямъ

своимъ, умоляя о мщеніи. Ее схватываютъ и ведутъ въ залы пиршества. Киръ находится въ состояніи полнаго опьяненія. Мильто борется со всѣми покушеніями на свою честь, но затѣмъ, когда Киръ для достиженія своей цѣли прибѣгнулъ не къ насилію, а къ ласкѣ—она уступила. Киръ предложилъ ей щедрые дары, но она отвѣтила ему слѣдующими, необычными въ устахъ куртизанки, словами: «эти щедрые дары принадлежатъ твоей матери Парисатидѣ, эти деньги и цѣнности твоему народу. Мнѣ же принадлежатъ сокровища твоего сердца». Мильто воздвигла золотую статую Венеры, которую считала своей покровительницей. Послѣ смерти побѣжденнаго Кира Мильто попала въ плѣнъ къ побѣдителю Артаксерксу, который плѣнился ею и сдѣлалъ ее своей любовницей, но Мильто не съумѣла полюбить своего новаго властелина, который одновременно пылалъ страстью къ прелестной Мильто и къ отвратительному евнуху.

Леена—гетера-философъ, любовница Гармодія, составила съ нимъ заговоръ противъ тирана Гиппія. Пытками хотѣли вырвать у Леены имена ея сообщниковъ. Не чувствуя въ себѣ достаточно силъ, боясь выдать тайну, Леена зубами перегрызаетъ свой языкъ и бросаетъ его въ лицо своимъ мучителямъ. Въ ея честь былъ воздвигнутъ возлѣ аѳинской крѣпости мѣдный памятникъ, изображающій львицу съ раскрытой пастью, безъ языка.

Таргелія отказалась предать свою родину Ксерксу. Она была любовницей чуть-ли не всѣхъ греческихъ полководцевъ и какъ пишетъ Плутархъ, стала, благодаря своему уму и красотѣ—королевой Ѳессаліи.

Нигарета — была любовницей знаменитаго философа Стильпона изъ Мегары. Сама отличный математикъ, она питала особую склонность ко всѣмъ, занимающимся этой наукой.

Теорида—отдала свою любовь престарѣлому Софоклу. Демосѳенъ съ цѣлью отомстить ей за пренебреженіе, добился того, что она, въ качествѣ жрицы храма Венеры и Нептуна, была приговорена къ смерти по ложному обвиненію въ оскорбленіи божества.

Къ Теоридѣ же относился написанный престарѣлымъ Софокломъ «Гимнъ Венеры»: О богиня, внемли моей мольбѣ! Сдѣлай Теориду нечувствительной къ ласкамъ юношей, которымъ ты такъ покровительствуешь. Удѣли часть своего обаянія моей сѣдинѣ, сдѣлай, чтобы Теорида предпочла имъ всѣмъ старца. Силы его, правда, уже истощены, но уму его не чужды еще юные порывы.

Теодота пылко любила Сократа, который называлъ себя мудрымъ совѣтникомъ въ любви, sophos ta erotica, и другомъ женщинъ. Влюбленный въ Теодоту, Аристофанъ, желая отомстить своему счастливому сопернику, обвинилъ его въ томъ, что онъ развращаетъ юношество и вводитъ новыя божества. Сократъ былъ присужденъ къ смерти и погибъ отъ цикуты, но его смерть нисколько не подняла шансовъ Аристофана у прекрасной куртизанки.

Гнатена, замѣчательная своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, долго была тираннической любовницей поэта Дифила. По примѣру философовъ, вывѣшивавшихъ въ своихъ школахъ программы своихъ философскихъ ученій, Гнатена вывѣсила въ своей передней шуточныя

правила въ стихахъ о законахъ любви и о томъ, какъ вести себя въ ея домѣ.

Питіониса знаменита царской роскошью, которой окружалъ ее Гарпалъ, представитель Александра въ Вавилонѣ.

Сціона, Сатира, Ламіа и Нянiонъ— впрягались однажды въ колесницу Ѳемистокла.

Можно назвать еще цѣлый рядъ куртизанокъ, охотно дарившихъ свою благосклонность какъ знаменитымъ поэтамъ, ораторамъ и ученымъ, такъ и просто людямъ знатнаго происхожденія и богачамъ.

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ ВЪ ГРЕЦІИ.

Педерастія и Содомія.

Испорченность азіатскихъ нравовъ, выразившаяся въ противуестественной любви мужчинъ и женщинъ, распространилась въ Греціи вмѣстѣ съ культомъ идоловъ и приняла характеръ извращенія человѣческихъ чувствъ и чувственности. Культъ Венеры и женская проституція отчасти задержали склонность грековъ къ этому пороку, свойственному восточнымъ народамъ и, въ частности, лидійцамъ, сирійцамъ и финикіянамъ. Первые законодатели Греціи, Драконъ, Солонъ и др., прилагали всѣ старанія къ подавленію гибельныхъ послѣдствій противуестественной любви и особенно заботились о защитѣ дѣтей отъ покушенія взрослыхъ. Въ своей рѣчи противъ распутнаго Тимарха Эсхинъ обращается къ судьямъ со слѣдующими словами:

«Мы обязаны ввѣрять своихъ дѣтей только такимъ учителямъ, которые отличаются чистотой нравовъ и мудростью. Но законодатель не удовлетворяется такой предосторожностью и точно обозначаетъ часъ, когда свободнорожденное дитя должно отправляться въ школу и возвращаться оттуда. Законъ, обе-

регая дѣтей отъ хожденія по улицамъ въ потемкахъ, запрещаетъ учителямъ и начальникамъ училищъ открывать школу до восхода солнца и закрывать ихъ обязываетъ до заката. Для участія дѣтей въ празднествахъ Вакха законъ устанавливаетъ возрастъ не менѣе 14 лѣтъ, т. е. возрастъ наступленія зрѣлости. По мысли законодателя ребенокъ долженъ получить хорошее воспитаніе и дать полезнаго отечеству гражданина. Но если природныя свойства съ самаго начала испорчены порочнымъ воспитаніемъ, то, выросши, дѣти могутъ превратиться только въ испорченныхъ гражданъ, подобныхъ Тимарху. Законодатель установилъ еще одну мѣру, имѣющую цѣлью защиту дѣтей,—я разумѣю законъ о проституціи. Установлены самыя суровыя наказанія за проституированіе свободнорожденнаго ребенка или женщины. Что еще существуетъ у насъ въ этомъ отношеніи? Существуетъ еще законъ объ изнасилованіи,—выраженіе, объединяющее всевозможныя преступленія этого рода. Законъ гласитъ совершенно опредѣленно, что всякій, кто тяжко оскорбитъ (растлитъ, купитъ для своихъ удовольствій) ребенка мужчину, женщину, свободнорожденнаго или раба, всякій кто воспользуется другимъ человѣкомъ для преступныхъ наслажденій, подлежитъ тѣлесному наказанію».

Далѣе, Эсхинъ напоминаетъ судьямъ законъ противъ мужчинъ, которые сами занимаются проституціей; законъ этотъ гласитъ: „Кто изъ аѳинскихъ гражданъ занимается развратомъ для удовольствія другихъ, не можетъ быть избранъ въ число архонтовъ; онъ

не можетъ быть жрецомъ, не можетъ выступать на судѣ, не можетъ быть должностнымъ лицомъ ни въ городѣ, ни внѣ его, ни по жребію, ни по избранію, онъ не можетъ быть вѣстникомъ или посломъ на войнѣ. Онъ лишенъ права участія въ сенатѣ и права голоса въ народномъ собраніи". Всѣ эти предосторожности, принятыя законодателемъ, показываютъ, какъ сильно было тяготѣніе грековъ къ противуестественному пороку. Дѣйствительно, несмотря на всю суровость законовъ, Аѳины почти въ такой же степени прославились своей педерастіей и педофиліей, какъ Коринѳъ своими трибадами. Аристофонъ въ своей, написанной противъ Сократа комедіи „Облака", говоритъ: „Прежде мальчикамъ разрѣшалось приходить въ театръ только въ длинномъ, доходящемъ до ляжекъ платьѣ, которое не показывало бы постороннимъ ничего нескромнаго; вставая, онъ никогда не забывалъ позаботиться о томъ, какъ бы не обнажить какой либо части своего тѣла и не вызвать этимъ въ комъ-либо желаній".

Греческіе историки разсказываютъ, что вблизи гимназій и палестръ нерѣдко находились лавочки цирульниковъ Pogonokoureion, парфюмеровъ, Muropoleia, мѣнялъ, trapedzai, ремесленниковъ, Ergateroi, а также бани, Balaneia; всѣ эти заведенія служили для свиданій активнымъ и пассивнымъ педерастамъ. Судя по рѣчи Эсхина, педерастія и содомія практиковалась публично въ глухихъ и отдаленныхъ частяхъ города, а особенно на площади Пниксъ, расположенной передъ Акрополемъ. Этотъ порокъ, за который въ Спартѣ, по свидѣтельству Платона и Ксенофонта, подвергали безчестію, изгнанію и смерти, далеко не вездѣ встрѣчалъ подобное отношеніе; такъ въ Эоліи и Беотіи онъ не только допускался, но вполнѣ признавался закономъ. Порокъ этотъ былъ настолько распространенъ въ Халкидѣ, Эвбеѣ, Хіосѣ и на островахъ Архипелага, что названіемъ этихъ мѣстностей иногда пользовались для образованія синонимовъ глагола paiderastein, заниматься содоміей. По Розенбауму, греки видѣли въ педерастіи не болѣе, какъ необычную страсть, особую форму распущенности, akolasia. Для нѣкоторыхъ педерастовъ находили, быть можетъ, доводы, которые какъ будто даже оправдывали ихъ странные вкусы, и въ подобномъ способѣ наслажденія видѣли не болѣе, какъ средство утолить страсть, нѣчто вродѣ figura Veneris, которая приближалась къ онанизму. Но по отношенію къ пассивному педерасту подобнаго оправданія не было, потому что тогда еще не знали, что prurigo ani impudicus является физической причиной пассивной педерастіи. Повидимому, на пассивныхъ педерастовъ смотрѣли какъ на людей, поддавшихся болѣзненному вліянію извнѣ.

Противуестественныя отношенія встрѣчались не только среди низшихъ классовъ, но также среди аристократіи. Одна гетера, по имени Нико, извѣстная ироническимъ направленіемъ своего ума, бесѣдовала однажды съ Демофономъ, «мальчикомъ» Софокла. Демофонъ попросилъ у нея позволенія удостовѣриться въ томъ, что она сложена какъ Venus Callipyge. „Какое ты хочешь сдѣлать изъ этого употребленіе, презрительно спросила его гетера: не нужно ли тебѣ это для Софокла?"

Другой примѣръ противуестественной любви мы находимъ въ исторіи страсти Сократа къ Алкивіаду, которую нѣкоторые комментаторы считаютъ чувствомъ чисто платоническимъ и въ которой они видятъ только проявленіе неумѣренной педофиліи. Но, какъ бы ни смотрѣть на эти отношенія, во всякомъ случаѣ въ діалогѣ Платона между Аспазіей и Сократомъ вовсе не подтверждается мнѣніе о полной цѣломудренности и чистотѣ отношеній философа къ Алкивіаду. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ діалогѣ:—„Сократъ, я ясно читаю въ твоемъ сердцѣ: оно горитъ любовью къ сыну Диномаха и Линіи. Послушай, если ты хочешь, чтобы прекрасный Алкивіадъ отвѣтилъ тебѣ взаимностью, довѣрься моимъ дружескимъ совѣтамъ.

О, дивныя рѣчи! о, восторгъ! воскликнулъ Сократъ: холодный потъ выступилъ на моемъ тѣлѣ, мои глаза наполнились слезами.

Перестань вздыхать, прервала его она; проникнись священнымъ энтузіазмомъ; пусть поднимется твой духъ на божественныя высоты поэзіи: это чарующее искусство откроетъ тебѣ двери его души. Поэзія очаровываетъ душу; ухо есть путь къ сердцу, а сердце открываетъ путь ко всему остальному.

— Что-же ты плачешь, дорогой мой Сократъ?

Неужели вѣчно будетъ смущать твою душу эта любовь, которой, точно молніей, обжегъ тебя этотъ безчувственный юноша?

Вѣрь мнѣ, я вымолю у него болѣе благосклонное отношеніе къ тебѣ“.

Какъ слѣдуетъ назвать эту любовь мужчины къ юношѣ? Моралисты говорятъ, что

противуестественныя пороки возникали въ Греціи изъ извѣстнаго рода связей, которыя вначалѣ не заключали въ себѣ ничего дурного, но впослѣдствіи неизбѣжно приводили къ безчестнымъ поступкамъ. Приписываемый Лукіану «Діалогъ любви» даетъ другое объясненіе любви къ мальчикамъ. Здѣсь два лица, въ окрестностяхъ храма Книде, спорятъ другъ съ другомъ: одинъ говоритъ о любви къ женщинамъ, другой о любви къ мальчикамъ. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, Хариклъ и Калликратидъ, приводятъ аргументы въ доказательство своего мнѣнія. Мы разсмотримъ тѣ и другіе:

— Хариклъ. Твоя жертва страдаетъ и плачетъ въ твоихъ ненавистныхъ объятіяхъ; если разрѣшить подобныя гнусности между мужчинами, то надо разрѣшить и женщинамъ Лесбоса ихъ развратъ.

Калликрадитъ. Львы не совокупляются со львами, говоришь ты? Это потому, что львы не занимаются философіей.

Утромъ, вставши съ постели, женщина похожа на обезьяну; старухи и служанки, одна за другой, точно въ процессіи, приносятъ ей принадлежности и косметики для туалета, серебряный тазъ, кувшинъ, зеркало, щипцы для завивки волосъ, притиранія, стклянки съ зубнымъ элексиромъ и мази для зубовъ, карандаши для рѣсницъ, духи для волосъ; можно подумать, что здѣсь лабораторія аптекаря. Одна половина волосъ вьющимися кольцами спускается на лобъ, другая разсыпается по плечамъ.

Обувь ея стянута такъ тѣсно, что шнурки врѣзываются въ тѣло; она не столько одѣта,

сколько плотно облечена въ прозрачное платье, которое позволяетъ видѣть все; она навѣшиваетъ на уши драгоцѣнный жемчугъ, надѣваетъ бразлеты въ видѣ золотой змѣи; украшаетъ голову короной изъ алмазовъ и индійскихъ драгоцѣнностей; длинное ожерелье спускается съ ея шеи; на ней красные башмачки съ позолоченными каблуками, свои безстыдныя щеки она краситъ румянами, чтобы скрыть ихъ блѣдность. Нарядившись такимъ образомъ, она уходитъ на поклоненіе богинямъ, невѣдомымъ ея мужу и гибельнымъ для него. Это поклоненіе сопровождается очень подозрительными обрядами и таинствами. Потомъ она возвращается и послѣ продолжительной ванны выходитъ къ роскошному столу; она объѣдается яствами, она пробуетъ рѣшительно всѣ блюда. Потомъ ее ждетъ пышная постель; она предается не сну, а скорѣе какимъ-то неизъяснимымъ сновидѣніямъ, а когда она встаетъ съ своего мягкаго ложа, нужно уже спѣшить въ ближайшія термы.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ юноша.

Онъ встаетъ до зари, окунается въ чистую воду, изучаетъ правила мудрости, играетъ на лирѣ, упражняетъ свою силу ѣздой верхомъ на ѳессалійскомъ скакунѣ или метаніемъ дротика. Можно ли не быть другомъ подобнаго юноши? Любовь была посредницей въ дружбѣ Ореста и Пилада; вмѣстѣ плыли они по житейскому морю: какъ это прекрасно— находить побужденіе къ героическимъ подвигамъ въ троякой общности: удовольствія, опасности и славы! Души тѣхъ, кто любитъ такой небесной любовью, обитаютъ въ царствѣ божества и любовники этого рода получаютъ послѣ смерти высшую награду за свою добродѣтель.

По выраженію Шатобріана, Калликрадитъ выразилъ здѣсь мнѣнія Платона и Сократа, считавшагося мудрѣйшимъ изъ людей.

Интересно отмѣтить, какъ Лицинiй отнесся къ спору Харикла и Калликрагида: онъ полагаетъ, что женщинъ нужо предоставить людямъ обыкновеннымъ, для философа же существуетъ любовь юношей. Другой изъ присутствующихъ при спорѣ судей, Теомнестъ, «смѣется надъ мнимой чистотой любви философовъ и заканчиваетъ свои слова столь откровенной картиной разврата, которую неловко читать даже на греческомъ языкѣ». Все это приводитъ Шатобріана къ слѣдующему выводу: величайшіе люди Греціи находились во власти этой дикой страсти къ мальчикамъ. Солдаты Александра краснѣли отъ того, что этотъ царь дѣлалъ съ евнухомъ Багоасомъ. Другой фактъ. Въ діалогѣ Лукіана «Куртизанки» Хелидоніонъ предлагаетъ Дрозу написать угломъ на стѣнѣ Керамики: Aristenet corrupit Clinias. Этотъ Аристенетъ— философъ, похитившій Клинія у Дроза. Таковы были нравы грековъ! Поэты воспѣли противуестественныя связи боговъ, любовь Миноса къ Тезею, Лайя къ Хризиппу. Философъ—перипатетикъ Іеронимъ восхвалялъ педерастію и «ѳивскій легіонъ», а Агнонъ— считалъ вполнѣ естественнымъ существованіе въ Спартѣ проституціи обоихъ половъ до брака.

Слѣдующій любопытный отрывокъ изъ Діона Хризостома покажетъ намъ, какое громадное распространеніе получила педерастія у жите-

лей Тарса; изъ этого же отрывка мы можемъ судить, какой ужасъ представлялъ собой этотъ порокъ на Востокѣ. Вотъ что пишетъ Діонъ: «Не безъинтересно будетъ упомянуть о слѣдующемъ важномъ обстоятельствѣ: очень многіе подверглись болѣзни, которая раньше, кажется, встрѣчалась гораздо чаще у другихъ народовъ, чѣмъ у васъ. Вы спросите, что это за болѣзнь.—Я не могъ бы выразить это ясно, но тѣмъ не менѣе вы, конечно, легко угадаете ее... «Но не думайте, что я говорю о чемъ то такомъ, что держатъ въ тайнѣ, скрываютъ; нѣтъ, факты говорятъ сами за себя. Иногда люди ходятъ и разговариваютъ и въ то же время спятъ, хотя кажется, что они бодрствуютъ. Въ данномъ случаѣ совсѣмъ другое: эти люди храпятъ,—лучшее доказательство, что они въ самомъ дѣлѣ спятъ. Я не могу выразиться яснѣе, если хочу остаться приличнымъ. Впрочемъ, кто спитъ, тотъ избавленъ отъ несчастій, этотъ же порокъ клеймитъ и покрываетъ позоромъ весь городъ. Эти люди—самое тяжкое бозчестіе для отечества и вы должны были бы изгнать ихъ изъ страны, какъ слѣдовало бы изгнать ихъ отовсюду. Законъ грозитъ имъ всевозможными карами, отдаетъ ихъ всеобщему презрѣнію и, тѣмъ не менѣе, ихъ встрѣчаешь вездѣ и всюду. Этимъ порокамъ заразились и мальчики и юноши. Они еще не потеряли цѣломудрія, но пріучились смотрѣть на этотъ порокъ, какъ на вещь почти обыкновенную; и хотя они еще удерживаются отъ поступковъ, но уже сильно желаютъ ихъ. Во всемъ городѣ раздаются стоны, на прогулкѣ вездѣ слышишь скорбь и жалобы. Обыкновенно стонъ есть выраженіе горя, но тотъ стонъ, о

которомъ я говорю, это нѣчто другое,—это результатъ самаго ужаснаго безстыдства. Безъ всякаго сомнѣнія лучше уже имѣть сношенія съ несчастными женщинами, чѣмъ съ педорастами. Если слушать постоянно игру на флейтѣ невозможно, если жить постоянно на скалѣ, оглашаемой пѣніемъ сиренъ, невыносимо, то что долженъ испытывать честный человѣкъ, находясь постоянно въ атмосферѣ уродливыхъ хриплыхъ стоновъ? Человѣкъ, который, проходя мимо дома, услышалъ бы оттуда эти звуки, подумалъ бы, конечно, что это домъ терпимости, но что сказать о городѣ, гдѣ эти звуки раздаются повсюду, каждый часъ, каждую минуту? Педерастіей занимаются на улицахъ, въ домахъ, публичныхъ мѣстахъ, театрахъ и гимназіяхъ. Мнѣ еще ни разу не пришлось слышать, чтобы флейтистъ съ самаго утра начиналъ играть на своемъ инструментѣ, между тѣмъ, какъ страшная музыка педерастовъ начинается уже съ разсвѣтомъ. Быть можетъ то, что я скажу сейчасъ, не стоющій вниманія пустякъ, но я не боюсь упрековъ и выскажу свою мысль. Когда вы отвозите въ телѣжкахъ овощи на базаръ, вы по дорогѣ обращаете вниманіе только на количество бѣлаго хлѣба, свѣжей или соленой говядины; — удѣлите же когда нибудь немного вниманія и тому ужасу, о которомъ я разсказываю. Если бы кто нибудь пришелъ въ городъ, гдѣ на пороки можно указывать пальцами, что онъ сказалъ бы о подобномъ мѣстѣ?

„Что вы сказали бы, если бы всѣ въ этомъ городѣ ходили приподнявъ платье, какъ ходятъ по грязи? Неужели вы не знаете о ва-

шемъ позорѣ, вамъ незнакомо чувство стыда, вы не знаете, что даетъ право врагамъ вашимъ презирать васъ? И отчего называютъ васъ Kerchidas? Вы, видно, не интересуетесь тѣмъ, что о васъ говорятъ другіе и предпочитаете продолжать свое занятіе.

„По истинѣ ужасно, на мой взглядъ, даже опаснѣе чумы та болѣзнь, которую мы замѣчаемъ у нѣкоторыхъ лицъ изъ простонародья, болѣзнь, придающая имъ женскій голосъ; благодаря ей голосъ юноши и старика теряетъ свою мужественность. Естественный звукъ женскаго голоса никому не доставляетъ удовольствія; другое дѣло голосъ андрогинъ, наложниковъ и субъектовъ съ выраѣзнными половыми органами; женскій тембръ голоса имъ присущъ, хотя бываетъ не всегда и не у всѣхъ; это — ихъ характерный признакъ. Поэтому, если бы кто нибудь, не видя васъ, захотѣлъ опредѣлить какого вы рода человѣкъ и чѣмъ вы занимаетесь, судя исключительно по тембру вашего голоса, то ему легко было бы это сдѣлать: онъ узналъ бы въ васъ людей годныхъ только на то, чтобы быть пастухами быковъ и барановъ; онъ не назвалъ бы васъ потомками героевъ, каковыми вы себя считаете; онъ сказалъ бы, что вы — греки, превзошедшіе финикіянъ въ порокахъ сладострастія. Что до меня, я думаю, что добродѣтельному человѣку, находящемуся въ подобномъ городѣ, остается сдѣлать то же, что онъ дѣлаетъ, проходя мимо сиренъ, т. е. заткнуть себѣ уши воскомъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ рискуетъ своею жизнью, а въ первомъ — ему грозитъ опасность безчестія и самаго низкаго разврата.

Когда-то у васъ процвѣтала звучная дорическая музыка, и музыка фригійцевъ и лидійцевъ; теперь же вамъ нравится только музыка аркадская и финикійская. Ритмъ послѣдней вы предпочитаете всякому другому, какъ будто носомъ можно издавать пріятные звуки; ритмъ этого рода необходимо долженъ сопровождаться кое-чѣмъ инымъ.

„Вамъ извѣстно, что мѣстная болѣзнь поразила ваши носы такъ же точно, какъ у другихъ были поражены небеснымъ гнѣвомъ отдѣльныя части тѣла, какъ напримѣръ руки, ноги, лицо. Говорятъ, что Афродита, желая наказать женщинъ Лесбоса, послала имъ болѣзнь подмышечной области, такъ вотъ такимъ-же образомъ Божій гнѣвъ истребилъ носы большей части изъ васъ; въ этомъ то и лежитъ причина этого страннаго звука, странной интонаціи вашего голоса, ибо отъ какой иной причины могъ бы этотъ звукъ появиться? Это признакъ самаго постыднаго распутства, дошедшаго до изступленія, до презрѣнія всякаго понятія нравственности. Въ этомъ удостовѣряетъ ваша рѣчь, ваша походка, вашъ взглядъ“.

Эта болѣзнь носа напоминаетъ намъ объ изъязвленіи сифилитическихъ папулъ на слизистой оболочкѣ носа и послѣдовательномъ разрушеніи носовыхъ костей; о той же болѣзни упоминаетъ Амміанъ Марцеллъ въ своей характеристикѣ римскихъ нравовъ *) Aut pugnaciter aleis certant, turpi sono fragosis naribus introrsum reducto spiritu concrepantes.

Чтобы узнать педераста, достаточно было

*) Ammianus Marcellus. Rerum Gestarum lib. XIV, cap. 19.

слышать его голосъ. Аристотель *) характеризуетъ его слѣдующими чертами: «У педераста угрюмый взглядъ, движенія рукъ вялыя, во время ходьбы ноги его заплетаются, глаза бѣгаютъ. Таковъ, напримѣръ, былъ софистъ Діонисій».

Въ свою очередь Полемонъ **) говоритъ объ андрогинѣ слѣдующее: «Взглядъ у него утомленный, сластолюбивый; онъ вращаетъ глазами, необыкновенно безпокоенъ; у него нервныя подергиванія лба и щекъ, судорожныя сокращенія вѣкъ; шея наклонена на бокъ, ляжки въ постоянномъ движеніи; колѣни и руки кажутся согнутыми; взглядъ устремленъ прямо впередъ. Онъ говоритъ высокимъ, рѣзкимъ и дрожащимъ голосомъ».

Филонъ, философъ школы Платона, разсмотрѣвъ законы Моисея о блудѣ, даетъ очень точную симптомотологію педерастіи, которую мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь. Вотъ что онъ говоритъ:

«Другое зло, большее нежели то, о которомъ я только что говорилъ, распространилось въ разныхъ государствахъ; это зло—педерастія. Когда-то считалось чуть-ли не постыднымъ одно произнесеніе этого слова; теперь же это предметъ гордости не только, для тѣхъ, кто ею занимаэтся, но и для тѣхъ которые поражены болѣзнью Nosos theleia; болѣзнь эта лишаетъ ихъ всѣхъ мужскихъ свойствъ и дѣлаетъ ихъ въ высшей степени похожими на женщинъ. Для довершенія сходства они заплетаютъ и причесы-

*) Physiognomicon, cap. 3.
**) Physiognomicon, lib. II.

ваютъ волосы, разрисовываютъ и красятъ лицо бѣлилами, румянами и тому подобными снадобьями; натираютъ себя благовонными маслами (такъ какъ въ пріятномъ запахѣ они болѣе всего нуждаются); придавая большое значеніе внѣшнему блеску, они не стыдятся искуснымъ образомъ превращать мужчину въ женщину. Мы должны строго поступить съ этими людьми, если хотимъ слѣдовать естественнымъ закснамъ природы; ихъ нельзя болѣе оставить существовать ни одного дня, ни одного часу, потому что они не только позорятъ самихъ себя, но всю свою семью, отечество и весь человѣческій родъ.

Педерастъ долженъ быть подвергнутъ этой карѣ потому, что онъ стремится къ противуестественнымъ наслажденіямъ и не принимаетъ никакого участія въ увеличеніи народонаселенія, ибо уничтожаетъ въ себѣ самую возможность продолжать родъ и содѣйствуетъ распространенію двухъ величайшихъ пороковъ: безсилія и разслабленности. Благодаря педерастіи юноши наряжаются, чтобы стать похожими на женщинъ. Она разслабляетъ людей въ цвѣтущемъ возрастѣ, вмѣсто того, чтобы способствовать развитію въ нихъ силъ и энергіи. Наконецъ она, подобно плохому земледѣльцу, оставляетъ подъ паромъ глубокую, плодородную почву и дѣлаетъ ее безплодной. Педерастъ и день и ночь обрабатываетъ такую почву, отъ которой онъ завѣдомо не можетъ получить никакихъ плодовъ. Я думаю. это происходитъ отъ того, что во многихъ странахъ существуютъ назначенныя цѣны для удовлетворенія похоти педераста».

Въ другомъ мѣстѣ Филонъ, говоря о жи-

теляхъ Содома, сообщаетъ, что «если у нихъ появлялись дѣти, они предавались педерастіи и наживали Nosos theleia—порокъ, противъ котораго всѣ мѣры были напрасны; сколько было силъ они развращали человѣческій родъ».

Исторія педерастіи въ древнее время заставила уже Старка смотрѣть на этотъ порокъ, какъ на Vitium corporis, или effeminatio interno morboso corporis statu procreata. Патологи новаго времени считаютъ этотъ порокъ видомъ сознательнаго эротическаго помѣшательства, и видятъ въ немъ только извращеніе полового инстинкта. Они даже различаютъ два вида педерастіи: врожденную и пріобрѣтенную.

Природная педерастія есть слѣдствіе первичнаго помутнѣнія разсудка. Вторая происходитъ отчасти отъ порочныхъ привычекъ, какъ, наприм., развратъ или пьянство, частью же отъ нѣкоторыхъ болѣзней, какъ напримѣръ общій параличъ у стариковъ, или болѣзни мочеполовыхъ органовъ, въ частности, воспаленіе мочевого пузыря *).

*) Проф. Баль, въ одной изъ своихъ клиническихъ лекцій говоритъ:

«Въ древности педерастія считалась явленіемъ вполнѣ естественнымъ, почти почетнымъ. Несомнѣнно, что педерастія уживается съ самымъ здоровымъ умомъ и съ самыми блестящими способностями. Мы видимъ, что Ганимедъ исполнялъ по отношенію къ Юпитеру такія обязанности, которыя въ настоящее время не были бы предметомъ восхваленія.

Мы привыкли смотрѣть на древній міръ сквозь призму. Въ своемъ восхищеніи передъ великими людьми, они анными у Плутарха, мы не рѣдко забываемъ, что величайшій по добродѣтели герой Греціи, Эраминандъ, былъ любовникомъ своихъ солдатъ, и когда онъ палъ на полѣ битвы

Общій развратъ породилъ не только педерастію, онъ научилъ людей всѣмъ видамъ распутства и посвятилъ ихъ въ тѣ пороки, которые греки опредѣляли общимъ именемъ lesbiazein, т. е. подражать Лесбосцамъ.

По этому поводу слѣдуетъ прочесть обращеніе Лукіана *) къ гнусному Тимарху, грязнымъ развратомъ осквернявшему свой ротъ.

«Отчего же ты непостовствуешь, ибо народъ еще говоритъ что ты fellator и cunnilingus, т. е. называетъ тебя словами, которыя ты по-

при Мантинеѣ, два вѣрныхъ солдата бывшіе его любовники, отъ отчаянія пронзили свои тѣла мечомъ.

Даже самъ Александръ Великій любилъ только мужчинъ и даже до такой степени, что было трудно заставить его принять мѣры предосторожности, необходимыя для упроченія его славы.

Однако, все это—только проявленіе порока, а наша сфера—больные люди. Я приведу вамъ интересный и почти историческій случай съ графомъ С., сообщенный Касперомъ. Этотъ человѣкъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ родовъ Пруссіи и до тридцатидвухлѣтняго возраста сохранилъ почти абсолютную невинность; онъ оправдалъ слова Фридриха Великаго: «Любовь — вѣроломная богиня: когда она отворачиваетъ свое лицо, то оно показываетъ намъ спину» Онъ основалъ общество педерастовъ, которымъ писалъ страстныя письма и устраивалъ сцены измѣны и ревности; за это онъ подвергся преслѣдованію и суду и былъ признанъ психически больнымъ; приговоръ этотъ былъ вынесенъ, вѣроятно, не безъ вліянія его семьи, имѣвшей большія связи.

Люди моего поколѣнія помнятъ еще подобное общество, процвѣтавшее въ Парижѣ въ послѣдніе годы второй имперіи; въ числѣ членовъ этого общества были великіе люди Франціи. Было установлено нѣсколько видовъ высшихъ должностей, между прочимъ должность парижскаго архіепископа, заключавшаго браки. Это общество, долго существовавшее тайно, должно было прекратить существованіе подъ вліяніемъ упорныхъ разслѣдованій, предпринятыхъ со стороны префектуры.

*) Pseudologist (Opera. Cap. VIII).

видимому, такъ же мало понимаешь, какъ, и apophras. Быть можетъ, ты принимаешь ихъ за выраженіе почета? Или же привыкъ къ первымъ двумъ, а къ третьему нѣтъ, и потому хочешь вычеркнуть изъ своихъ титуловъ тотъ, котораго не понимаешь?

«Я прекрасно знаю, что ты дѣлалъ въ Палестинѣ, въ Египтѣ, въ Финикіи въ Сиріи, а потомъ въ Элладѣ и въ Италіи, и то, что ты теперь дѣлаешь въ Эфесѣ, гдѣ собираешься достойно увѣнчать свои подвиги.

«Но тебѣ никогда не удастся убѣдить своихъ согражданъ въ томъ, что ты не возбуждаешь у всѣхъ ихъ презрѣнія, что ты—не позоръ всего города. Вѣроятно, ты возгордился тѣмъ мнѣніемъ, которое о тебѣ составилось въ Сиріи, гдѣ тебя не обвиняютъ ни въ одномъ преступленіи, ни въ одномъ порокѣ? Но, клянусь Гермесомъ, вся Антіохія знаетъ случай съ молодымъ человѣкомъ, пришедшимъ изъ Тарса, котораго ты опозорилъ; впрочемъ мнѣ, пожалуй, не подобаетъ разглашать о подобныхъ вещахъ. Во всякомъ случаѣ всѣ присутствовавшіе при этомъ очень хорошо помнятъ и знаютъ все это, такъ какъ видѣли, какъ ты стоялъ на колѣняхъ и дѣлалъ то, что ты самъ хорошо знаешь, если не забылъ.

„А о чемъ думалъ ты, когда тебя вдругъ увидѣли распростертымъ на колѣняхъ у сына бочара Ойнопіона? Неужели же ты думаешь, что и послѣ подобныхъ сценъ о тебѣ не составилось вполнѣ опредѣленнаое мнѣніе? Клянусь Юпитеромъ, я недоумѣваю, какъ ты, послѣ такихъ дѣяній, смѣешь цѣловать насъ? Ужъ лучше поцѣловать ядовитую змѣю, потому что въ этомъ случаѣ можно позвать

врача, который сумѣетъ по крайней мѣрѣ устранить опасность отъ ея укуса; а получивъ поцѣлуй отъ тебя, носителя столь ужаснаго яда, никто не посмѣлъ бы приблизиться когда бы то ни было къ храму или къ алтарю. Какой богъ согласился бы внимать мольбамъ такого человѣка? Сколько кропильницъ и треножниковъ нужно было бы ему поставить?“

Наряду со словомъ lesbiazein, обозначавшимъ порокъ fellator, употреблялось слово phoinikizein, подъ которымъ разумѣлось постыдное занятіе cunnilingus'а, бывшее въ ходу въ Финикіи. По словамъ Розенбаума, презрѣнье къ стыду у этихъ людей доходило до того, что мужчины имѣли сношенія съ женщинами и дѣвушками въ періодъ мѣсячныхъ очищеній; этотъ фактъ имѣетъ, между прочимъ, большое значеніе съ точки зрѣнія происхожденія сифилиса.

Этотъ порокъ, часто называвшійся skulax (такъ какъ имъ занимались собаки), получилъ въ Греціи большое распространеніе, о чемъ свидѣтельствуютъ эпиграммы Аристофана, не побоявшагося выставить его въ своихъ комедіяхъ [1]), нѣкоторыя отрывки изъ греческой антологіи [2]) и, наконецъ, изслѣдованія Галена [3]).

---

[1]) Acharn. 271.—Equit. 1284.—Pax. 885.
[2]) Lib. II, tit. 13, № 19.
[3]) De simpl.medic. temperam .ac facult. Lib. X cap. I.

ЖЕНОЛОЖСТВО. САФИЗМЪ.

Существуетъ предположеніе, что степень развращенности мужчинъ даннаго народа соотвѣтствуетъ еще большей степени развращенности женщинъ того же народа. Это—во всякомъ случаѣ спорное утвержденіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что лесбійская любовь въ высокой степени процвѣтала въ Греціи, но была незнакома женамъ и дочерямъ аѳинскихъ гражданъ, которыхъ (т. е. женъ и дочерей) добродѣтельный законодатель заперъ въ гинекеи (женскіе терема у грековъ.) Эти женщины, которымъ были незнакомы возбужденіе и чувственность, были устранены законодателемъ изъ свѣтской жизни и получили намѣренно-узкое и болѣе чѣмъ ограниченное воспитаніе и образованіе. Съ другой стороны, знатныя куртизанки, музыканши, танцовщицы, просвѣщенныя гетеры, философы, поэтессы, реторики—всѣ онѣ со страстью предавались азіатскому пороку. Въ своемъ желаніи проникнуть въ высшія сферы разума онѣ съ презрѣніемъ относились къ правиламъ ходячей морали и завладѣли плодами древа познанія. И такъ же, какъ у мужчинъ, противуестественныя влеченія роковымъ образомъ перешли къ женщинамъ. Лес-

бійская любовь получила свое выраженіе сначала въ поэтическихъ образахъ Сафо. Полное, всестороннее понятіе объ этой любви даетъ изученіе извращенныхъ инстинктовъ и чувствъ.

У древнихъ историковъ есть описаніе этихъ болѣзненныхъ явленій, составляющихъ одновременно область двухъ наукъ: патологіи и психологіи. Греки дали этому женскому пороку названіе „взаимной любви", Anteros, а женщинъ, предававшихся этому пороку, называли женоложницами, tribas. Лукіанъ даетъ самое детальное описаніе одной ночной оргіи трибадъ въ формѣ діалога между двумя куртизанками, Кленаріумъ и Леэна.—Послѣдняя, на вопросъ своей подруги, разсказываетъ ей исторію своихъ половыхъ сношеній съ Мегиллой; еще будучи невинной, она была обольщена этой коринфской трибадой, Мегиллой. Вотъ какъ она заканчиваетъ описаніе сцены обольщенія, сцены истерическаго бѣшенства: — Мегилла долго упрашивала меня, подарила мнѣ дорогое ожерелье и прозрачное платье. Я поддалась ея страстнымъ порывамъ; она начала цѣловать меня, какъ мужчину; воображеніе уносило ее, она возбуждалась и изнемогала отъ сладострастнаго томленія.—А каковы были твои собственныя ощущенія? спрашиваетъ ея подруга Клеонаріумъ.—Не спрашивай меня о подробностяхъ этого ужаснаго позора, отвѣчаетъ Леэна. Клянусь Ураніей, я ничего больше не скажу!

Дюфуръ очень долго останавливается на женоложствѣ куртизанокъ и флейтистокъ, и дѣлаетъ по этому поводу слѣдующіе интересные выводы:

Эти женщины нуждались въ любви мужчинъ гораздо меньше, чѣмъ въ той любви, въ которой онѣ однѣ участвовали Съ молодыхъ лѣтъ искушенныя въ наукѣ страстей, онѣ скоро прибѣгали къ безпорядочнымъ сношеніямъ, въ которыхъ ихъ чувственность увлекалась воображеніемъ. Вся ихъ жизнь походила на вѣчную борьбу похотей, на прилежное изученіе физической красоты: видъ собственной наготы и сравниваніе ея съ наготою своихъ подругъ начинаетъ возбуждать въ нихъ особый интересъ, и онѣ начинаютъ создавать себѣ странныя и жгучія наслажденія, при томъ безъ всякаго участія въ нихъ любовниковъ-мужчинъ, ласки которыхъ часто оставляли ихъ холодными, безчувственными. Таинственныя страсти, которыми зажигали себя авлетриды (флейтистки), были ужасны, бурны, ревнивы, неукротимы.

Этотъ видъ разврата былъ такъ распространенъ среди флейтистокъ, что нѣкоторыя изъ нихъ часто устраивали общія пиршества, на которыя мужчины не допускались вовсе; на этихъ-то пиршествахъ онѣ предавались разврату подъ покровительствомъ Венеры Перибазійской. Тамъ, среди кубковъ вина, утопавшихъ въ розахъ, и передъ трибуналомъ полунагихъ женщинъ происходила борьба, соперничество въ красотѣ, какъ нѣкогда на берегахъ Алфея, во времена Кипела, за семь вѣковъ до христіанской эры".

Читая „Письма Алцифрона" *) можно составить себѣ ясное понятіе объ этихъ ночныхъ празднествахъ, гдѣ гетеры, флейтистки и танцовщицы оспаривали другъ у друга пальму первенства не только въ красотѣ, но и въ сладострастіи. Въ упомянутомъ сборникѣ есть письмо самой разнузданной куртизанки того времени, Мегары къ нѣжной Бакхидѣ, самой скромной изъ гетеръ; ея характеръ и поведеніе по сравненію съ подругами были даже слишкомъ приличны для того положенія, которое она занимала. Мегара разсказываетъ подробности великолѣпнаго пира, устроеннаго гетерами и авлетридами: «Какой прекрасный пиръ! говоритъ она въ своемъ письмѣ: какія пѣсни! Какое остроуміе! Вино пили до самой зари.

*) Они появились на франц. языкѣ въ 1785 г., въ изданіи аббата Ришара, а затѣмъ въ изданіи П. Поссара.

Цвѣты издавали благоуханіе, самыя тонкія вина лились рѣкой; намъ подавали лучшія яства. Тѣнистая лавровая роща была мѣстомъ нашего пиршества; все было тамъ въ изобиліи"... Можно легко предугадать конецъ; можно представить себѣ послѣдовавшія за этимъ пиршествомъ безобразныя сцены, вызванныя возбуждающимъ вліяніемъ вина и всей окружающей обстановкой.

На ряду съ нимѳоманіей нужно разсмотрѣть также и эротоманію. Эскироль разграничивалъ эти двѣ страсти. Въ нимѳоманіи болѣзненность возникаетъ отъ воспроизводительныхъ органовъ, раздраженіе которыхъ дѣйствуетъ на мозгъ, эротоманія же своимъ основаніемъ имѣетъ воображаемую любовь. Нимѳоманія является послѣдствіемъ физической развращенности, эротоманъ же есть жертва собственнаго воображенія, пораженнаго частичнымъ безуміемъ; иными словами, эротоманія по отношенію къ нимѳоманіи есть то же, что сердечныя чувствованія по отношенію къ

грубому разврату. „У эротомана—добавляетъ ученый психіатръ, — глаза живые, возбужденные, страстный взглядъ, экспансивныя движенія и нѣжныя рѣчи... Такіе больные страдаютъ кошмарами, и во снѣ ихъ посѣщаютъ видѣнія въ образѣ женщинъ». Не нужно упускать изъ виду, говоритъ Лори, что у эротомановъ наблюдается постоянное раздраженіе дѣтородныхъ органовъ.

Поясненія, которыя намъ даетъ Эскироль о нервныхъ заболѣваніяхъ, связанныхъ съ половыми отправленіями женщинъ, до нѣкоторой степени объясняютъ намъ возникновеніе лесбосской любви, которую Сафо открыла грекамъ и которая вызвала разнообразныя толкованія.

Въ исторіи противуестественной любви Сафо была Сократомъ Греціи. Точкой отправленія ея философіи была сантиментальная любовь женщины къ женщинѣ, а конечной точкой, по по всей вѣроятности, было «раздраженіе органовъ», заставлявшее этихъ женщинъ осквернять свое тѣло. Это частный видъ проституціи. Но Сафо не была куртизанкой въ узкомъ смыслѣ этого слова; она происходила изъ богатой и порядочной семьи въ Митилене (Лесбосъ). Еще выйдя изъ дѣтскаго возраста, она стала зачитываться эротическими поэмами, любовными романами. Дни и ночи она посвящала чтенію, вызывавшему у нея вздохи и томленія; ночью ее посѣщали сны и видѣнія, вызванныя ея возбужденнымъ воображеніемъ.

Выйдя замужъ, она вскорѣ осталась вдовой (въ 590 до Р. Х). Будучи философомъ и поэтомъ, она вслѣдствіе постепеннаго разстройства воображенія и чувствъ дошла до

убѣжденія, что взаимная любовь женщинъ стоитъ выше любви физіологической.

«Она была прекрасна», говоритъ Платонъ. А мадамъ Дасье, написавшая ея біографію, даетъ намъ ея образъ: «Характеръ лица Сафо, какой ее изображаютъ древнія медали, говоритъ о ея въ высшей степени эротическомъ темпераментѣ. Сафо была брюнетка, небольшого роста; ея черные глаза горѣли огнемъ».

Рѣчи ея, обращенныя къ ученикамъ и любовницамъ, раздѣлявшимъ съ ней лесбосскую любовь, были краснорѣчивы и убѣдительны; эти свойства создавали ей массу прозелитовъ, среди которыхъ были: Амиктена, Анагора, Атисъ, Фирина, Андромеда, Кидно и «сотни другихъ, говорила она,—которыхъ я любила не безъ грѣха».

Atque aliae centum quas non sine crimine amavi. Ея современники единодушно удивлялись вдохновенію и жару, которымъ проникнуты были стихи Сафо; они называли ее десятой музою, что подало поводъ Лебрену сказать:

Сафо спала со всѣми музами
И была почти ихъ любовникомъ.

Лучшее изъ дошедшихъ до насъ ея произведеній—это ода къ «возлюбленной». Это стихотвореніе дышетъ восторгомъ; сжигающій огонь любви, экстазъ, сомнѣніе, томленіе, заблужденіе, разлука и высшая степень страсти изображены въ немъ съ двойнымъ огнемъ поэтическаго вдохновенія и страсти; всѣ эти образы, взятые изъ глубины души, поражаютъ и увлекаютъ наивной правдивостью изложенія и непритворнымъ увлеченіемъ, которое нужно было несомнѣнно испытывать, чтобы

затѣмъ подобнымъ образомъ изложить,—вотъ, что поставило Сафо въ первые ряды въ исторіи поэзіи и любви. Таково мнѣніе о Сафо автора книги «Празднества и куртизанки Греціи». Симптомы любовнаго жара получили въ медицинѣ названіе симптомовъ сафическихъ. Нужно сказать, что геній Сафо былъ обусловленъ ея нравственностью. Будь она добродѣтельной, она не сдѣлалась бы самымъ страстнымъ поэтомъ древнихъ временъ. Среди стиховъ Сафо имѣется страстное стихотвореніе, посвященное двумъ гречанкамъ, ея ученицамъ и любовницамъ. Исключительно на этихъ, именно, стихотвореніяхъ, а не на указаніемъ какихъ либо авторовъ основана сдѣланная нами выше характеристика Сафо. Эта извращенность вкусовъ, отъ которой могла бы покраснѣть природа, заразила другихъ и послужила примѣромъ всеобщей развращенности, которая толкала на грѣховныя и безплодныя сношенія. Но все же любовные порывы Сафо менѣе отвратительны, чѣмъ позорный развратъ Сократа (Шоссаръ).

Страстная жрица лесбійской любви, Сафо все же остается однимъ изъ великихъ умовъ и великихъ поэтовъ древности. Одаренная пылкимъ вдохновеніемъ, яснымъ умомъ и тонкимъ вкусомъ, Сафо непонятнымъ образомъ соединяла всѣ эти черты генія съ крайней развращенностью. Чтобы понять это, не нужно забывать легкомысленность нравовъ въ древности, силу гетеризма, который одинъ только давалъ возможность женщинамъ пріобщиться къ высшей духовной культурѣ; специфическія свойства Востока увеличивали способности и возбуждали чувственность. Сафо

жила умомъ и чувствами, соединяя въ себѣ элементы идеала и дѣйствительности: соединеніе эфира и матеріи вопреки земнымъ законамъ!

Пѣсни этой женщины, говорилъ Плутархъ,—исполнены огня, который, очищая все и претворяя въ любовь, позволяетъ намъ до нѣкоторой степени оправдать поэта, написавшаго оду къ «возлюбленной» и впослѣдствіи принесшаго свою жизнь въ жертву своему возлюбленному.

Эта прекрасная пѣснь любви намъ сохранена риторомъ Лонгиномъ, который сдѣлалъ анализъ ея въ своемъ трудѣ „Разсужденія о прекрасномъ»: «Когда Сафо,—пишетъ онъ,—хочетъ изобразить восторги любви, она приводитъ разнообразные случаи, сопровождающіе эту страсть; но съ особеннымъ искусствомъ она изъ многочисленныхъ случаевъ выбираетъ такіе, въ которыхъ наиболѣе ярко изображены жестокости и излишества любви. Сколь разнообразныя ощущенія волнуютъ ее! Она то горитъ, то холодна, то выходитъ изъ себя, то думаетъ о смерти. Однимъ словомъ, можно сказать, что ея душа—мѣсто встрѣчи всѣхъ страстей: и это дѣйствительно свойственно тѣмъ, которые любятъ».

Катуллъ написалъ подражаніе этой прекрасной одѣ, но она, къ сожалѣнію, не дошла къ намъ во всей полнотѣ. Онъ посвятилъ ее Лесбіи:

Ille mi per esse deo videtur
. . . . . .

Послѣ него Буало пытался ее перевести, но ему удалось перевести всего лишь какихъ нибудь двѣнадцать александрійскихъ стиховъ, и притомъ холодно и слабо.

Счастливъ тотъ, кто дышетъ однимъ съ тобою воздухомъ,
На кого падаетъ взоръ твоихъ очей,
Твоя сладкая рѣчь и нѣжная улыбка
Подобная улыбкѣ боговъ.

* * *

Нѣжный огонь разливается въ моей груди,
Когда я вижу тебя
И съ душой, полной сомнѣнія,
Я безмолвствую.

* * *

Я не вижу, туманъ заволакиваетъ мои глаза,
Я мечтаю, въ сладкомъ томленіи,
И еле дыша, взволнованная, смущенная,
Я дрожу, я замираю . . . . . .

Альманахъ Музъ въ 1775 г. напечаталъ подражаніе поэтессѣ, Ланжака, не лишенное живости. Въ томъ же номерѣ были напечатаны два другихъ подражанія, принадлежащія Людовику Горсу и С. Герлу. Были и другія подражанія, но мы должны обратить особенное вниманіе на англійскаго автора «Гимна Венерѣ», Аддисона, который сумѣлъ въ стихахъ передать послѣдовательность образовъ и чувствъ у Сафо, столь прославленую Лонгиномъ и такъ хорошо переданную Катулломъ. Названіе, данное самой Сафо этой одѣ, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что прелести одной изъ ея любовницъ внушили ей эту оду. Простой дословный переводъ этой пьесы дастъ возможность хотя бы приблизительно понять всю ея страстность:

«Тотъ, кто можетъ лицомъ къ лицу видѣть тебя и слышать твой нѣжный голосъ, мнѣ кажется равнымъ богамъ. — Твоя улыбка разжигаетъ мою любовь и въ моей груди сердце восторгается. — Едва я вижу тебя, мои уста нѣмѣютъ. — Нѣжный огонь разливается по моимъ членамъ; мои глаза обволакиваются туманомъ и внезапное звучаніе поражаетъ мой слухъ.—Холодный потъ катится по всему моему тѣлу, я дрожу, и болѣе блѣдная, чѣмъ боязливый листокъ, безъ дыханія, я чувствую, что умираю...»

Очень трудно подобныя поэтическія чувствованія согласовать съ вульгарными пріемами женоложства, отталкивающій примѣръ котораго намъ дали гетеры и флейтистки. Многіе авторы отмѣчаютъ, что ученицы Сафо «съ раннихъ лѣтъ узнавали о противуестественномъ употребленіи ихъ появляющихся прелестей» и что ученіе автора этой оды, болѣе элегической, нежели эротической, есть «школа проституціи». Какъ возраженіе противъ этой суровой оцѣнки, можно привести прекрасныя пѣсни любви, сочиненныя Сафо въ честь брачныхъ пиршествъ и стихи, посвященные любимой дочери ея Cleis, о которой онъ въ одной изъ своихъ одъ говоритъ: «У меня есть прекрасное дитя, красота котораго подобна красотѣ хризантемы. Cléis, мою горячо любимую Cleis я не отдала бы за цѣлую Лидію». Не смотря на то, что Сафо познала противуестественную любовь, не эта любовь заставила ее больше всего страдать и не эта любовь послужила причиной ея гибели.

Однажды вечеромъ она увидѣла поразительной красоты молодого человѣка, стоявшаго въ лодкѣ, качавшейся на водѣ: это былъ Фаонъ. Она полюбила его, обоготворяла его и была имъ также любима. Но любовь непостоянна, и Фаонъ вскорѣ уѣхалъ, чтобы болѣе не возвращаться. Въ честь его она написала много стихотвореній и главнымъ образомъ, гимнъ Венерѣ; вотъ онъ:

Грозная Венера, любимица Кипра,
Ты хочешь обманывать смертныхъ,
Покинь Паѳосъ и твои храмы
И приди успокоить смятеніе моей души.
О богиня! о Венера! Ты помнишь, сколько разъ
Ты съ трона своего шла на мой зовъ?
Однажды моимъ взорамъ предстала
Твоя колесница, которую влекли быстрыя птицы,
И ты опустилась съ небеснаго свода,
Ты хотѣла тогда, любимая богиня,
Узнать мое горе, исполнить мои желанія.
«Сафо»,—говорила ты мнѣ, смѣясь;
«Моя Сафо, какая обида вызвала твое горе?
Страстью какого неблагодарнаго юноши хочешь ты завладѣть?
Иди! Тотъ, кто бѣжалъ тебя, будетъ слѣдовать за тобой,
Кто отвергалъ твои дары, будетъ ихъ добиваться,
И ища въ твоихъ глазахъ или своей погибели, или твоей милости,
Твой гордый врагъ будетъ дрожать передъ тобой!»
Богиня! Еще есть время. Исполни свое обѣщаніе,
Сжалься надъ сомнѣніями, заставляющими меня страдать,
Отомсти за ранившую меня стрѣлу
И смягчи неблагодарнаго, котораго я люблю.

Сафо, какъ говорятъ ея комментаторы, получила отъ боговъ небесный даръ — вдохновеніе. Благодаря этому вдохновенію, она импровизировала стихи безъ всякаго труда; казалось, что стихи сами льются изъ чистаго источника. Музы хотѣли вознаградить ее за неудачи въ любви. Но имъ это не удалось. Когда Сафо увидѣла, что ея чары и ея лира не въ состояніи тронуть сердца невѣрнаго Лесбійца, она покинутая, безумная, въ отчаяніи бросилась съ левкадійской скалы въ море. *)

*) Овидій, описывая моментъ отчаянія Сафо, говоритъ ея устами:

Поэты не преминули указать на то, что трагическій конецъ Сафо явился местью Венеры, которая не могла ей простить излишества въ «любви Сафо къ ея ученицамъ», какъ выразился аббатъ Бартелеми. Мы же посмотримъ на смерть Сафо, какъ на результатъ разстроеннаго воображенія, какъ на результатъ отчаянія, какъ на поступокъ, лишенный всякой нравственной свободы.

Эта истеричная Лесбійка сконцентрировала всѣ свои духовныя и физическія силы въ очагѣ разгульныхъ страстей. Тамъ она нашла тайны сафической любви, которую общественные законы порицаютъ такъ же, какъ и любовь сократическую, потому что обѣ онѣ противны законамъ природы; здѣсь, въ этой болѣзненной средѣ ее посѣтило разочарованіе и отчаяніе, приведшія ее къ самоубійству, которое можетъ быть причислено къ области болѣзненной психиги. Всѣ новѣйшія философскія школы осудили противуестественную любовь, потому что всѣ онѣ относительно цѣломудренны по сравненіи съ ученіями древнихъ временъ.

Но чтобы судить о послѣднихъ безпристрастно, нужно перенестись къ древнимъ обычаямъ и нравамъ, которые были далеко

At quanto melius jungi mea pectora tecum,
Quam poterant saxis praecipitanda dari!
Haec sunt illa, Phaon, quae tu laudare solebas;
Visaque sunt toties ingeniosa tibi.

Насколько было бы лучше, если бы наши сердца были соединены теперь и передо мной не разверзалась бы мрачная бездна! Ты такъ гордился этимъ сердцемъ, Фаонъ, ты говорилъ, что оно природой создано лишь для любви!

не строги. Въ «Діалогѣ Куртизанокъ» Лукіана мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу полныя гнуснаго реализма сцены между матерями и дочерьми. Матери хотятъ развратить своихъ дочерей, лишить ихъ всякой чистоты и совѣсти, преподаютъ имъ развратъ, вводятъ ихъ въ тайны проституціи, воровства, лжи, совѣтуютъ имъ отдаваться самымъ грубымъ, самымъ старымъ и безстыднымъ мужчинамъ, лишь бы они платили и давали себя обирать.

Не есть-ли это наслѣдственное нравственное извращеніе, достигшее своей высшей степени?..

Въ другомъ сочиненіи того же автора мы находимъ любопытный образчикъ ученія мудрецовъ, представляющій цѣнный документъ для исторіи философіи древнихъ временъ. Тамъ изображенъ Юпитеръ, предсѣдательствующій и на публичной продажѣ производящій оцѣнку всѣхъ философскихъ системъ.

Судебнымъ приставомъ при немъ состоитъ Меркурій; онъ зазываетъ покупателей и отборно ругаясь, предлагаетъ имъ открыть кредитъ на годъ.

Пиѳагора продаютъ за 10 минъ, потому что узнаютъ, что у него золотая ляжка. Другіе философы даютъ намъ вѣрное представленіе о своей морали. Меркурій вводитъ Діогена. Послѣдняго спрашиваютъ:

— Какова ваша профессія?

— Діогенъ.—Врачъ души, глашатай правды и свободы.

Вотъ мое ученіе: Умѣть противорѣчить всему, имѣть голосъ грубый, какъ у собаки, варварское лицо, дикій и жестокій видъ, жить

посреди толпы не замѣчая никого, быть однимъ среди многихъ, предпочитать продажную Венеру и открыто предаваться тому, что другіе краснѣя совершаютъ втайнѣ. Если тебѣ все это надоѣстъ, то прими немного яду и ты удалишься изъ этого міра.

Вотъ въ чемъ счастье, желаешь-ли ты его?

Послѣ Діогена, за котораго не даютъ больше 24-хъ оболовъ, Меркурій вводитъ Аристиппа; онъ пьянъ и не можетъ отвѣчать.

Меркурій излагаетъ за него его ученіе: не заботиться ни о чемъ, пользоваться рѣшительно всѣмъ, и вездѣ, гдѣ только можно, искать сладострастія.

Сократъ слѣдуетъ за Гераклитомъ и Демокритомъ. На вопросъ: — Кто ты? — онъ цинично отвѣчаетъ:

— Я любитель маленькихъ мальчиковъ и преподаю искусство любви.

Греческія выраженія еще болѣе мѣтки, нежели русскій ихъ переводъ. О своемъ ученіи Сократъ говоритъ:

«Я изобрѣлъ республику и управляюсь ея законами.

Женщины не принадлежатъ только своимъ мужьямъ; каждый мужчина можетъ имѣть сношеніе съ ними.

Ему задаютъ еще много другихъ вопросовъ:

Законы о прелюбодѣяніи отмѣнены?

— Вздоръ, отвѣчаетъ онъ.

А что ты постановилъ относительно молодыхъ красивыхъ мальчиковъ!

— Они будутъ наградою за добродѣтель и ихъ любовь наградой за храбрость!..

Сократа продаютъ за два таланта — добавляетъ Лукіанъ *).

Что сказать объ этихъ философахъ и объ этомъ народѣ, терпѣвшемъ въ храмѣ Коринѳа, въ качествѣ весталокъ, 1200 проститутокъ, которыхъ даже посвящали въ дѣла республики? **)

Какъ они могли осуждать безнравственность когда служители Олимпійскихъ боговъ научали ихъ всѣмъ мерзостямъ миѳологіи? Юнона жалуется Юпитеру, что онъ съ тѣхъ поръ какъ похитилъ Ганимеда, лишилъ ее своихъ ласкъ, не ласкаетъ ее болѣе; Меркурій вмѣстѣ съ Аполлономъ издѣвается надъ Марсомъ, котораго Вулканъ увлекъ въ объятія Венеры, а богиня любви зоветъ Париса къ прелюбодѣянію! Можно съ полной увѣренностью сказать, что религіозныя представленія только способствовали всѣмъ порокамъ и всѣмъ родамъ разврата. Это строго логическій выводъ. Впрочемъ, управленіе людьми лучше всего достигается путемъ потворствованія ихъ страстямъ, а служители древнихъ культовъ всегда очень любили власть.

---

*) Извѣстно мнѣніе Lelut о психическомъ состояніи Сократа: маніакальная эксцентричность философа находилась въ связи съ галлюцинаціями слуха.

**) Athaen, bib. XIII.

СВЯЩЕННАЯ ПРОСТИТУЦІЯ ВЪ ИТАЛІИ.

Культъ Пріапа и Венеры.

Въ южной Италіи, въ той части ея, которая у древнихъ называлась Великой Греціей, еще задолго до основанія Рима существовали колоніи финикійскія, египетскія и греческія. Народы эти принесли съ собой свою религію и нравы, а наряду съ этимъ и священную проституцію, въ основѣ которой лежалъ восточной культъ Венеры.

На сѣверѣ Великой Греціи находилась Этрурія, населеніе которой, по словамъ историковъ, происходило отъ Пелазговъ; впрочемъ, по новѣйшимъ археологическимъ изслѣдованіямъ родиной ихъ слѣдуетъ считать Лидію. А между тѣмъ культъ Фаллуса и Бахуса были принесенъ въ Италію, по словамъ Гераклита, жрецами Кибеллы, корибантами. Эти корибанты, или, какъ ихъ иначе называли, кабиры, пришли изъ Фригіи, гдѣ ихъ обвинили въ двойномъ братоубійствѣ; уходя, они похитили священную корзину (сосудъ), въ которой хранился фаллусъ бога Бахуса и привезли ее съ собой въ Этрурію. Изгнанные изъ своей родины, они рѣшили обосноваться въ странѣ Этрусковъ; здѣсь они стали проповѣдывать свое ученіе, убѣждая народъ поклоняться

Фаллусу и священному сосуду. Вскорѣ отъ Этрусковъ это новое религіозное ученіе со всѣми церемоніями и обычаями перешло къ Римлянамъ. Возникновеніе этого культа въ Римѣ, повидимому, не очень древняго происхожденія, такъ какъ въ эпоху царей культъ Венеры еще не былъ извѣстенъ; повидимому, неизвѣстенъ былъ такъ же культъ Бахуса и Пріапа. Что касается культа Пріапа въ частности, то нужно полагать, что втеченіи нѣкотораго періода времени онъ существовалъ въ одной только Этруріи. Уже у Атенея мы находимъ указаніе на безнравственный образъ жизни Этрусковъ, на проституированіе дочерей, бывшее въ ходу среди нѣкоторыхъ народовъ Лаціума, какъ то: у мессапійцевъ, самнитовъ и локрійцевъ, но онъ ничего не говоритъ относительно Римлянъ.

На этрусскихъ и итало-греческихъ кладбищахъ, дѣйствительно, найденъ цѣлый рядъ раскрашенныхъ сосудовъ, на которыхъ изображены различныя сцены культа проституціи, какъ мы объ этомъ подробнѣе говоримъ ниже, въ главѣ о вещественныхъ памятникахъ по исторіи проституціи. На всѣхъ этихъ памятникахъ имѣются изображенія даровъ, которыя приносились дѣвушками въ храмахъ Вавилона и Тира, Бубастисъ и Наукрата, въ Коринѳѣ и Аѳинахъ. Посвященная дѣвушка садится въ храмѣ подлѣ статуи богини; чужеземецъ за извѣстную цѣну пріобрѣтаетъ право на обладаніе ею, она кладетъ полученныя деньги къ подножію алтаря, этотъ постыдный торгъ, такимъ образомъ, обогащалъ храмъ или, вѣрнѣе, жреца, который является, конечно, наиболѣе заинтересованнымъ ли-

цомъ въ этой сдѣлкѣ. Такая форма культа проституціи, очевидно, была, излюбленной въ финикійскихъ и греческихъ колоніяхъ Италіи, такъ какъ она повторяется почти безъ всякихъ варіантовъ на всѣхъ погребальныхъ сосудахъ....

«Рисунки на этрусскихъ сосудахъ указываютъ на ту же утонченную испорченность, которая нашла себѣ широкое распространеніе среди коренного населенія и сдѣлала изъ него слѣпыхъ рабовъ чувственности и грубыхъ страстей. Скотоложство и педерастія представляли собой довольно обыденное явленіе, и противъ всѣхъ этихъ отвратительныхъ пороковъ, усвоенныхъ всѣми возрастами и всѣми слоями населенія, не было другихъ средствъ борьбы, кромѣ церемоніи искупленія и очищенія,—которыя только отчасти уменьшали ихъ широкое распространеніе. Какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, общеніе половъ было данью природѣ, и женщина, подчинявшаяся животнымъ инстинктамъ мужчины, являлась обыкновенно терпѣливой жертвой его похоти: она принадлежала сильному. Физическая природа дикихъ предковъ Римлянъ, впрочемъ, отлично гармонируетъ съ беззастѣнчивой чувственностью ихъ: половые органы ихъ похожи были на бычачьи, сами они походили на козловъ, а въ области копчика у нихъ былъ клочекъ рыжеватыхъ волосъ, небольшой мясистый и волосатый придатокъ, рудиментъ существовавшаго нѣкогда настоящаго хвоста. Трудно сказать, въ какую именно эпоху совершенно исчезъ этотъ странный признакъ животнаго темперамента, но онъ сохранился въ аллегорической иконологіи, въ

качествѣ отличительной черты сатировъ и фавновъ *).

Далѣе мы видимъ тотъ же культъ проституціи въ Сициліи. Здѣсь, въ храмѣ Венеры Эрицейской, собраны были рабыни, которыя, какъ раньше въ Коринѳѣ и въ Азіи, проституировали отчасти въ цѣляхъ обогащенія храмовъ, отчасти же съ цѣлью выкупа собственной свободы. Культъ Венеры Эрицейской процвѣталъ, но въ царствованіе Тиверія храмъ этотъ былъ запущенъ и раззоренъ. Тогда по приказанію императора онъ былъ реставрированъ, и дѣвушки—рабыни исполняли обязанности жрицъ Венеры.

Въ Этруріи процвѣталъ еще одинъ культъ, аналогичный съ культомъ Лингама индійскаго и Фаллуса азіатскаго. Цѣли ихъ были идентичны,—лишали невинности дѣвушекъ до замужества,—и потому онъ также относится къ священной проституціи. Это этрусское божество, которое мы знаемъ не только по изображеніямъ его на древнихъ историческихъ памятникахъ, но и по сочиненіямъ Арноба и святого Августина, называлось Мутунъ и Мутуна, такъ какъ было божествомъ и мужскаго и женскаго рода. Храмы этого божества представляли собой небольшія, расположенныя въ рощахъ зданія, въ которыхъ находилась фигура сидящаго бога.

Когда культъ священной проституціи распространился въ Римѣ и на югѣ Италіи, Пріапъ и Мутунъ были почитаемы какъ божества, дающія плодовитость женщинѣ и силу ея супругу, отвращающія чары, напра-

*) Исторія проституціи. Дюфуръ.

вленныя противъ благополучія брачнаго союза и беременности женщинъ. Всѣ эти приписываемыя имъ добрыя качества и послужили основаніемъ для установленія особаго обычая религіозной проституціи; обычай этотъ состоялъ въ томъ, что къ идолу Пріапа приводили молодую новобрачную и усаживали ее на фигуру божества *).

«Святой Августинъ говоритъ, что у римскихъ матронъ существовалъ обычай усаживать молодую новобрачную на чудовищно громадный половой членъ Пріапа, причемъ обычай этотъ считался вполнѣ благопристойнымъ и благочестивымъ.

Sed quid hoc dicam, cum ibi sit et Priapus nimius masculus, super cujus immanissimum et turpissimum fascinum, sedere nova nupta jubeatur, more honestissimo et religiosissimo matronarum **).

Лактансъ въ свою очередь говоритъ: „Долженъ ли я упомянуть о Мутунѣ (Mutunus), на половой членъ котораго усаживали по обычаю молодую новобрачную, — этимъ она какъ-бы приносила ему первому въ жертву свою невинность. Et Mutunus in cujus sinu pudendo nubentes proesident; ut illarum puditiam prio deus delibasse videatur» ***).

Всѣ эти обычаи были, очевидно, занесены изъ Индіи и западной Азіи, гдѣ зародилась впервые священная проституція.

Бездѣтныя женщины прибѣгали къ мило-

*) Отдѣльно взятый Фаллусъ носилъ имя Мутуна, вмѣстѣ же съ Гермесомъ или термами онъ назывался Пріапомъ.

**) Civit. Dei, lib. 6, cap. 9.

***) De falsa religione lib. 1.

сердію этого божества, которое должно было уничтожить чары, препятствующія дѣторожденію; по этому же поводу Арнольдъ говоритъ, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ: Не приводите-ли и вы также съ величайшей готовностью своихъ женщинъ подъ защиту Мутуна? И, чтобы разрушить несуществующія мнимыя чары, развѣ вы не заставляете ихъ обхватывать ногами ужасный огромный Фаллусъ этого идола? Etiame Mutunus, cujus immanibus pudendis horrentique fascino, vestras inequitare matronas, et auspicabile ducitis et optatis? *).

Въ то время какъ низшіе классы исповѣдывали культъ Пріапа съ жаромъ и глубокимъ суевѣріемъ, высшее общество смотрѣло съ презрѣніемъ на это безсмысленное поклоненіе азіатскому идолу. Первые законодатели поняли всю выгоду этого культа, который въ значительной степени способствовалъ увеличенію народонаселенія. Но въ глубинѣ души они не придавали ему никакого значенія; такъ Горацій въ письмѣ къ другу говоритъ, что изъ смоковницы, срубленной имъ только что, онъ сдѣлаетъ скамью или Пріапа, ad libitum.

На статуяхъ, которыя воздвигались въ храмахъ въ честь Пріапа, онъ изображался въ видѣ волосатаго человѣка съ козлиными ногами и рогами, въ рукахъ онъ держалъ жезлъ; обязательной принадлежностью фигуры былъ огромный половой членъ, надъ которымъ иногда произносились торжественныя клятвы.

Въ эпоху первоначальнаго развитія латинской цивилизаціи римскія матроны и молодыя дѣвушки оказывали ему особыя почести и забывали для него даже Венеру. Онѣ приносили ему многочисленные дары и совершали въ честь его жертвоприношенія не только въ общественныхъ храмахъ, но и у своихъ домашнихъ алтарей.

*) Lib. 4 стр. 131.

Онѣ питали замѣтную слабость къ этому странному божеству, сохраняя при этомъ въ полной мѣрѣ свое женское цѣломудріе. Онъ являлся для нихъ олицетвореніемъ продолженія рода, онъ былъ эмблемой плодовитости, какъ Лингамъ въ Индіи и Озирисъ у египтянъ. Онѣ украшали его изображеніе листьями, вѣнчали его гирляндами цвѣтовъ и плодами. А дочь Августа, какъ извѣстно, каждое утро надѣвала на него столько вѣнковъ, сколько жертвъ ей приходилось приносить ему ночью. Въ извѣстные опредѣленные дни замужнія женщины зажигали праздничные огни передъ статуями и подъ звуки флейты танцовали у пьедесталовъ. Послѣ заката солнца или утромъ до восхода его онѣ приходили, цѣломудренно закутавшись въ покрывало, прося бога Лампсака оказать покровительство ихъ любви и изгнать изъ ихъ чрева постыдное безплодіе. И нагота его ихъ ничуть не смущала.

Культъ Пріапа, такъ своеобразно понятый и проведенный въ жизнь, все же могъ бы сохранить, хотя бы внѣшнимъ образомъ, свое религіозное значеніе; ошибка заключалась въ томъ, что во время церемоній, цѣломудріе которыхъ было довольно сомнительнаго свойства, честныя женщины и молодыя дѣвушки появлялись рядомъ съ женщинами развратнаго поведенія. Эти пріапическія празд-

нества и слѣдуетъ поэтому разсматривать, какъ одинъ изъ элементовъ будущаго растлѣнія нравственности римскихъ женщинъ.

Въ качествѣ олицетворенія брачной жизни и плодовитости, Пріапъ, изображаемый въ видѣ полового члена, фигурировалъ, какъ доминирующее начало, въ различныхъ обстоятельствахъ обыденной жизни. Хлѣбъ, стаканы, всѣ необходимыя столовыя и туалетныя принадлежности, драгоцѣнности, лампы и факелы—на всѣхъ этихъ предметахъ мы находимъ его изображеніе; оно дѣлалось изъ драгоцѣнныхъ металловъ, изъ рога, слоновой кости, бронзы, глины.

Подобно Фалусу и Лингаму, онъ служилъ также амулетомъ для женщинъ и дѣтей. Словомъ, его можно было найти повсюду (объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные рисунки, найденные въ развалинахъ Помпеи) и, благодаря этой популярности, онъ даже въ огромной степени утрачиваетъ характеръ непристойности; какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Турціи и въ нѣкоторыхъ алжирскихъ городахъ, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Garageuss. Крестьяне Пулліи и по сію пору называютъ его: Il membro santo».

Мужчины же сохранили традиціи жителей Лампсака; они видѣли въ немъ божество, охраняющее дѣтородный членъ, бога, излечивающаго заразныя и секретныя болѣзни. Въ поэмѣ «Пріапеи» повѣствуется объ одномъ несчастномъ, который заболѣлъ жестокимъ пораженіемъ полового органа. Боясь подвергнуться операціи и стыдясь разсказать о причинѣ своей болѣзни, онъ обращается съ мольбой къ Пріапу и исцѣляется безъ помощи

врача [1]). Эта поэма поистинѣ является документомъ для исторіи венерическихъ болѣзней.

Теогонія древнихъ народовъ отлично приспособлялась ко всѣмъ ихъ собственнымъ страстямъ. Такъ у Римлянъ, какъ и у грековъ была своя богиня любви, которая относилась покровительственно къ ихъ наслажденіямъ; женщины просили ее научить ихъ искусству нравиться и увлекать, и за то приносили ей мирты и воскуривали ѳиміамы.

Существовали въ Римѣ, по примѣру Аѳинъ, двѣ Венеры: одна Венера добродѣтельная, которая покровительствовала цѣломудренной, чистой любви, но насчитывала немного почитателей, другая—Венера куртизанокъ, которая пользовалась большимъ успѣхомъ. Культъ ея, правда, не былъ особенно заманчивымъ и не привлекалъ, поэтому, въ ряды ея фанатичекъ жрицъ, которыя согласились бы проституировать въ ея интересахъ. Нѣкоторые жрецы пытались перенести въ Римъ священныя традиціи коринѳскихъ храмовъ, но по-

---

Voti solutio [1]).

Cur pictum memori sit in tabella
Membrum quaeritis unde procreamur?
Cum penis mihi forte loesus esset,
Chirurgique manum miser timerem,
Düs me legitimis, nimisque magnis
Ut phoebo puta, filioque Phoebi
Curatam dare mentulam verebar,
Huic dixi: fer opem, Priape, parti,
Cupis tu, pater, ipse par videris:
Qua salva sine sectione facta,
Ponetur tibi picta, quam levaris,
Parque, consimilisque, concolorque.
Promisit forte: mentulam movit
Pro nutu deus et rogata fecit.
Priaperesa n° 37.

пытка эта оказывалась почти всегда неудачной, вслѣдствіе свойственнаго имъ скептицизма.

Извѣстно, что въ Римѣ было очень много храмовъ, посвященныхъ Венерѣ; упомянемъ главные изъ нихъ: Venus-victrix, Venus-genitrix, Venns-erycine, Venus voluptia, Venus-salacia, Venus-myrtea, Venus-lubentia и т. д. Но ни въ одномъ изъ нихъ не культивировалась священная проституція. Куртизанки не продавали себя въ храмахъ во имя интересовъ богини и жрецовъ, хотя иногда и отдавались этимъ послѣднимъ, чтобы получить покровительство Венеры въ любовныхъ дѣлахъ; дальше же этого дѣло не шло. Храмы богини служили главнымъ образомъ, мѣстомъ свиданій для любовниковъ и биржей для коммерческихъ любовныхъ сдѣлокъ. Они были переполнены всякаго рода приношеніями, зеркалами и другими туалетными принадлежностями, лампами и особенно пріапами, принесенными по обѣту. На алтаряхъ приносились въ жертву голуби, козы и козлы. Всѣ главнѣйшія празднества въ честь богини происходили весной и состояли изъ танцевъ, пировъ и оргій вродѣ тѣхъ, какія происходятъ у насъ во время карнавала. Всѣ они происходили ночью, внѣ предѣловъ храмовъ; всѣ эти гульбища носили общее названіе «бдѣній Венеры». Такимъ образомъ, весь апрѣль посвящался богинѣ любви, которую чествовали юноши и куртизанки, вносившіе въ эти празднества элементъ большей или меньшей разнузданности и непристойности, смотря по воспитанію и привычкамъ участниковъ этихъ весеннихъ развлеченій. Въ этой области поистинѣ вѣрно изученіе: Nihil novi sub sole.

ПРАЗДНЕСТВА РЕЛИГІОЗНОЙ ПРОСТИТУЦІИ.

Мы знаемъ, что представляли изъ себя аборигены Рима: это была кучка воровъ, бродягъ и женщинъ такого же, какъ они, нравственнаго уровня. До установленія института брака первымъ законодателемъ, у нихъ не было никакихъ моральныхъ правилъ и половыя отношенія, по словамъ Тита Ливія, стояли на такомъ же уровнѣ, какъ въ животномъ мірѣ. Зато публичныхъ женщинъ мы встрѣчаемъ въ Римѣ уже и въ доисторическую эпоху. Проститутокъ съ береговъ Тибра прозывали волчицами, lupa, подобно тому какъ въ предмѣстьи Аѳинъ именовали Lukaina несчастныхъ диктеріадъ. Кормилица Ромула, Acca Laurentia, и принадлежала къ числу этихъ волчицъ; это была одна изъ популярныхъ тогда проститутокъ Ея жилище получило названіе lupanar, всѣ же празднества, которыя устраивались въ честь ея послѣ смерти, назывались lupercales; сенатъ отмѣнилъ ихъ въ виду происходившихъ на нихъ безчинствъ.

И несмотря на это, все же можно утверждать, что именно въ эпоху первыхъ царей начинается цвѣтущій періодъ древняго Рима:

представители власти своей безукоризненной честностью подавали примѣры добродѣтели.

Сабатье говоритъ, что «въ рукахъ цензоровъ были широкія полномочія для исправленія непредвидѣнныхъ закономъ злоупотребленій, для переустройства въ области общественнаго и домашняго быта; разнузданность сдерживались тѣмъ уваженіемъ, которое питали граждане къ честности и моральнымъ началамъ.

Въ эту эпоху не было войнъ въ отдаленныхъ территоріяхъ, не было ни богатствъ, ни Азіи, ученія Эпикура, которое Фабрицій находилъ желательнымъ только для враговъ своей родины—словомъ, ничто еще не оказало растлѣвающаго вліянія на Римлянъ.

Позже роскошь, изнѣженность, любовь къ деньгамъ и наслажденіямъ проникли во всѣ классы общества и развратили его. Пороки, которые начали обнаруживаться въ тревожное время ужасовъ гражданскихъ войнъ, стали особенно процвѣтать среди спокойной обстановки и утѣхъ мира. Участившіяся прелюбодѣянія, распутный образъ жизни холостяковъ, необузданный развратъ—все это шло рука объ руку съ побѣдами и военной добычей и распространяло пороки всего міра».

Далѣе въ эту эпоху мы видимъ другую волчицу, по имени Флора, на которой женится одинъ изъ богатѣйшихъ патриціевъ Рима, Таруцій; умирая, она завѣщаетъ свое огромное состояніе Риму.

Принявъ золото куртизанки, городъ въ знакъ благодарности устанавливаетъ празднество въ честь ея.

Это были такъ называемыя Florales, которыя происходили въ циркахъ подъ руководствомъ проститутокъ и эдиловъ *).

Эти безстыдныя празднества, которыя Ювеналъ называетъ въ своихъ безсмертныхъ стихахъ pana **) et circences, появились уже въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. Не есть ли это тѣ же Игры Флоры, которыя занесены были отъ Сабинянъ въ честь Флоры, богини садовъ? Какъ бы то не было, празднества эти носили весьма непристойный характеръ; у Лектанса онѣ описаны въ слѣдующихъ словахъ:

«Куртизанки выходили изъ своихъ домовъ цѣлымъ кортежемъ, предшествуемыя трубачами, одѣтыя въ просторныя одежды на обнаженномъ тѣлѣ, украшенныя всѣми своими драгоцѣнностями; онѣ собирались въ циркѣ, гдѣ ихъ окружалъ со всѣхъ сторонъ тѣснившійся народъ; тутъ онѣ сбрасывали съ себя одежду и показывались совершенно обнаженными, съ готовностью выставляя на показъ все, что угодно было зрителямъ, и вся эта безстыдная выставка сопровождалась самыми непристойными тѣлодвиженіями. Онѣ бѣгали, танцовали, боролись, прыгали, точно атлеты или шуты; каждый разъ новая сладо-

*) Flora, cum magnas opes ex arte meretricia quaesivisset, populum scripsit haeredem, certamque pecuniam reliquit, cujus ex annuo foenere suus natalis dies celebraretur editione ludorum, quos appellant Floralia. Celebrantur cum omni lascivia. Nam praeter verborum licentiam, quibus obscoenitas omnis effunditur, exuuntur etiam vestibus populo flagitante meretrices, quae tunc mimarum funguntur officio et in conspectu populi, usque ad satietatem impudicorum hominum cum pudeudis motibus detinentur.

**) Въ текстѣ они названы pana, т. е. вакханаліи, а не panem.

страстная пара вызывала крики и апподисменты изъ устъ неистовствующаго народа.

«И вдругъ на арену при звукахъ трубъ бросалась толпа нагихъ мужчинъ; тутъ же, публично, при новыхъ восторженныхъ крикахъ толпы, происходила ужасающая оргія разврата. Однажды Катонъ, самъ суровый Катонъ, явился въ циркъ въ тотъ моментъ, когда эдилы готовились дать сигналъ для начала игръ; присутствіе великаго гражданина помѣшало началу оргіи. Куртизанки оставались одѣтыми, трубы смолкли, народъ былъ въ ожиданіи. Катону дали понять, что онъ является единственнымъ препятствіемъ для начала игръ; онъ поднялся съ мѣста и закрывши полой лицо, удалился изъ цирка. Народъ сталъ рукоплескать, куртизанки сняли свои одежды, зазвучали трубы и зрѣлище началось».

Такую же публичную проституцію въ честь богини, которая была по существу только обожествленной проституткой, мы видимъ въ сценахъ эротическаго безумія, разыгрывавшихся вокругъ статуи Молоха и во время празднествъ въ честь Изиды, которыя Римляне не преминули позаимствовать у Египтянъ.

Эти празднества, извѣстныя подъ именемъ Изіакъ, описаны Апулеемъ въ его „Золотомъ Ослѣ". Онѣ происходили иногда на улицахъ и на общественныхъ дорогахъ, куда стекались со всѣхъ концовъ города посвященные въ таинства мужчины и женщины; всѣ они были одѣты въ прозрачныя бѣлыя одежды и шли, потрясая металлическими систрами.

Вся эта процессія направлялась къ храму богини вслѣдъ за жрецами Изиды, которые

играли самую гнусную, отвратительную роль въ этомъ культѣ проституціи; они несли въ рукахъ фаллусъ, сдѣланный изъ золота, «почитаемое изображеніе достойной уваженія богини», какъ говоритъ Апулей. Какъ только толпа входила внутрь храма, начиналось посвященіе въ таинства Изиды, т. е. сцены чудовищныхъ чувственныхъ оргій, аналогичныхъ Floralia, о которыхъ мы только что говорили.

Тѣ-же жрецы Изиды, нищіе и сводники, отвратительные своей безнравственностью, играли первенствующую роль и на другихъ празднествахъ проституціи въ честь Вакха, извѣстныхъ подъ именемъ вакханалій или діониссіакъ, такъ какъ Бахусъ считался однимъ изъ воплощеній Озириса. Для празднованія Діанисіакъ выбирали преимущественно болѣе уединенныя мѣста, такъ какъ уединеніе воодушевляло вакханокъ и звуки голосовъ разносились явственнѣе. Evohe! Evohe!— таковъ былъ крикъ почитателей Вакха; этимъ крикомъ, по преданію, Юпитеръ нѣкогда зажигалъ отвагу въ душѣ своего сына Вакха, когда онъ боролся съ препятствіями, воздвигнутыми ревнивой Юноной.

Изваяніе бога обыкновенно расписывалось киноварью. Гіерофантъ, т. е. жрецъ, обязанный руководить церемоніей, изображалъ создателя, Demiourgos'a. Носители факеловъ назывались Lampadophores, а ихъ глава, Daduche, изображалъ солнце.

Главная церемонія состояла въ шествіи, во время котораго носили сосуды, наполненные виномъ и украшенные виноградными лозами. Затѣмъ шли молодыя женщины съ корзи-

нами, наполненными плодами и цвѣтами: это были Cenephores. За ними слѣдовали женщины, играющія на флейтахъ и цимбалахъ, затѣмъ женщины и мущины, замаскированные и переодѣтые сатирами, панами, фавнами, силенами, нимфами, вакханками, всѣ увѣнчанные фіалками и листьями плюща, съ растрепанными головами; одежды ихъ были приспособлены къ тому, чтобы оставить обнаженнымъ все, что слѣдовало скрыть; всѣ они распѣвали phallica, непристойныя пѣсни въ честь Бахуса.

За этой шумной толпой слѣдовали Phallophores и Ityphalles; первые безъ всякаго стыда выставляли на показъ всей толпѣ приставные мужскіе половые органы, укрѣпленные на бедрахъ съ помощью ремней; вторые носили то же самое, но въ гораздо большемъ размѣрѣ, укрѣпленными на концѣ длиннаго шеста. Наконецъ, шествіе замыкали четырнадцать жрицъ, которымъ архонтъ, или главный распорядитель по устройству празднествъ, поручалъ всякаго рода приготовленія.

«Придя въ назначенное мѣсто, — будь то въ тихомъ лѣсу или въ глубокой долинѣ, окруженной скалами—вся эта масса развратныхъ и фанатически настроенныхъ людей вытаскивала изъ особаго ящика, носившаго у латинянъ назнаніе arca ineffabilis, изображеніе Бахуса; оно ставилось на Гермъ и въ жертву ему приносили свинью. За этимъ слѣдовало обильное угощеніе фруктами и виномъ. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ обилія винныхъ возліяній, усиливавшихся криковъ, неумѣренныхъ восторговъ общенія двухъ половъ являлось чувственное возбужденіе, и безуміе охватывало жрецовъ этого гнуснаго

божества. Каждый изъ присутствовавшихъ поступалъ на людяхъ такъ, какъ если бы онъ былъ одинъ въ цѣломъ мірѣ, самые позорные акты разврата совершались на глазахъ нѣсколькихъ сотъ зрителей. Нагія женщины бѣгали взадъ и впередъ, возбуждая мужчинъ тѣлодвиженіями и безстыдными предложеніями. Мужчины въ эти моменты не заботились о томъ, что дѣлали въ этихъ собраніяхъ ихъ жены, сестры и дочери; безчестье не трогало ихъ, такъ какъ оно было взаимнымъ — словомъ, нѣтъ ни одного вида разврата, который не культивировался бы здѣсь съ новой утонченностью.

Когда-же ночь, которая своей тьмой покрывала всѣ эти гнусности, спѣшила удалиться, уступая мѣсто яснымъ лучамъ Востока, божество снова прятали въ arca ineffabilis. Мужчины, пресыщенные выпитымъ виномъ и возбужденные чувственными наслажденіями, возвращались пошатываясь въ свои жилища, за ними слѣдовали женщины и дѣти. . всѣ они были разслаблены, обезчещены!

Всѣ эти гнусности достигали подчасъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что сенатъ часто запрещалъ ихъ, но уничтожить окончательно не могъ. Императору Діоклетіану принадлежитъ честь полнаго ихъ уничтоженія.

Но куртизанки играли роль не только въ сферѣ религіозныхъ празднествъ; по словамъ Тита Ливія, у Римлянъ онѣ выступали и на сценѣ. Онѣ фигурировали въ представленіи, изображавшемъ похищеніе Сабинянокъ, и занимались проституціей, какъ только кончалось представленіе; нѣкоторые авторы древности

не дѣлаютъ даже никакого различія между театрами и публичными домами. Тертуліанъ говоритъ даже, что глашатай, провозглашая вслухъ подробное описаніе прелестей этихъ героинь проституціи, указывалъ ихъ мѣстожительство и цѣну, которой оплачивались ихъ ласки. Ихъ было такъ много, что, не помѣщаясь во внутреннихъ залахъ театра, онѣ занимали мѣста на сценѣ и на авансценѣ, чтобы быть больше на виду у зрителей. Помпей послѣ открытія построеннаго имъ театра увидѣлъ, что театръ является пріютомъ для разврата и обратилъ его въ храмъ, посвященный Венерѣ, надѣясь этимъ религіознымъ актомъ отклонить отъ себя упреки цензоровъ. (Сабатье). Куртизанки, участвовавшія въ пантомимахъ, показывались на сценѣ нагими; онѣ проводили предъ глазами зрителей послѣдовательно всѣ акты проституціи, а позднѣе, въ эпоху Геліогабала, все это получило вполнѣ реальныя формы. Такъ утверждаетъ Лампсидъ. Таковы были удовольствія Рима, покорителя міра!

У Тита Ливія мы также находимъ описаніе возмутительныхъ безчинствъ, которыя происходили во время этихъ ночныхъ религіозныхъ собраній, такъ называемыхъ вакханалій. Онъ описываетъ церемонію посвященія въ таинства Бахуса. Этотъ обычай введенъ былъ жрицей Paculla Minia, которая посвятила божеству своихъ двухъ сыновей. Съ тѣхъ поръ посвященію подлежали юноши на двадцатомъ году*).

*) Dulaur Les divinites génératrices ou le culte de Phallus. Paris. 1805.

«Посвящаемаго юношу вводили жрецы въ подземелье, гдѣ онъ былъ вполнѣ предоставленъ ихъ скотскимъ грубымъ страстямъ. Страшныя завыванія и звуки цимбаловъ и барабановъ заглушали крики, вырывавшіеся иногда у жертвы насилія.

Черезчуръ обильная пища и масса выпитаго за столомъ вина вызывали другія излишества, совершавшіяся подъ покровительствомъ ночного мрака. Царило полное смѣшеніе возрастовъ и половъ.

Каждый удовлетворялъ свою страсть, какъ ему угодно было; о стыдливости не было помину; храмъ божества осквернялся всякими проявленіями сладострастія, вплоть до самыхъ противуестественныхъ. (Plura vivorum inter sese, quam feminarum esse stupra)».

Если иногда вновь посвященные юноши, устыдившись всего этого, оказывали сопротивленіе развратнымъ жрецамъ, а иногда въ тѣхъ случаяхъ, даже, когда они небрежно выполняли то, что отъ нихъ требовалось, ихъ приносили въ жертву: боясь ихъ нескромности, ихъ лишали жизни. Ихъ крѣпко привязывали къ особымъ машинамъ, которыя подхватывали ихъ и погружали затѣмъ въ глубокія ямы. Жрецы же, чтобы объяснить исчезновеніе юноши, говорили, что виновникомъ похищенія былъ самъ разгнѣванный богъ.

Танцы, прыжки, крики мужчинъ и женщинъ— все это объяснялось божественнымъ вдохновеніемъ, на самомъ же дѣлѣ вызывалось обильными винными парами, составляло главный пунктъ всей церемоніи и служило переходомъ къ новымъ формамъ разврата. Иногда женщины съ растрепанными волоса-

ми, держа въ рукахъ пылающіе факелы, погружали эти послѣдніе въ воды Тибра, гдѣ они тѣмъ не менѣе не гасли. Это мнимое чудо, говоритъ Титъ Ливій, объяснялось тѣмъ, что горючее вещество факела состояло изъ сѣры и извести. Среди участниковъ этихъ ночныхъ собраній можно было встрѣтить людей различныхъ классовъ, вплоть до римлянъ и римлянокъ высшаго общества, и число ихъ было огромно. Это было уже не общество, не кружокъ людей,—весь народъ принималъ участіе въ ужасающемъ развратѣ; на нихъ даже составлялись заговоры противъ существующаго государственнаго строя. Это послѣднее обстоятельство заставило консула Постумія заняться болѣе близкимъ ознакомленіемъ съ этимъ обществомъ, о чемъ онъ и заявилъ сенату. Это соображеніе и побудило сенатъ отмѣнить въ 624 году эти собранія, чѣмъ былъ нанесенъ значительный ударъ культу Бахуса *).

Отмѣнивъ на нѣкоторое время Вакханаліи, римляне все же сохранили культъ «доброй богини». Правда, мужчины больше не допускались во время таинствъ, но развратъ сохраненъ былъ въ полной мѣрѣ. Въ своей шестой сатирѣ Ювеналъ даетъ описаніе, разборъ котораго данъ нами въ другомъ нашемъ сочиненіи **).

«Liberales» принадлежали къ разряду тѣхъ же празднествъ, происходили въ мартѣ, въ честь Pater liber (псевдонимъ Бахуса). Phallus

*) Титъ Ливій 4 т. кн. 9.

**) Médecine et moeurs de Rome, d'après les poètes latins.

игралъ выдающуюся роль и въ празднествахъ Liberales. У римлянъ, какъ намъ извѣстно, этотъ символъ мужской силы назывался Мутуномъ. «Это было непристойное изображеніе, говоритъ св. Августинъ, которому поклонялись не втайнѣ, а вполнѣ открыто; во время Liberales его торжественно перевозили на колесницѣ въ предмѣстья города».

Въ Ливиніумѣ чествованіе бога Liber'а продолжалось цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго, по словамъ Варрона, люди предавались наслажденіямъ и разврату. Сладострастныя пѣсни, неприличныя рѣчи какъ нельзя лучше соотвѣтствовали поступкамъ. Великолѣпная колесница, въ которой помѣщался огромный Фаллусъ, медленно двигалась по направленію къ площади. Здѣсь она останавливалась и одна изъ римскихъ матронъ, mater familias, возлагала вѣнокъ на это неприличное изображеніе.

Таковы были празднества и церемоніи священной проституціи въ Италіи...

ЛЕГАЛЬНАЯ ПРОСТИТУЦІЯ.

Въ Римѣ, какъ и въ Аѳинахъ, существовало два обширныхъ класса проститутокъ: проститутки, которыя занимались своимъ ремесломъ въ домахъ терпимости, въ лупанаріяхъ, и свободныя куртизанки, число которыхъ было очень велико; въ ряды этихъ послѣднихъ вступали тайно многія замужнія женщины, нѣкоторыя съ разрѣшенія своихъ мужей, другія безъ ихъ разрѣшенія *).

Правда, бывали моменты когда римская молодежь хотѣла подъ именемъ amica поднять самыхъ выдающихся изъ своихъ куртизанокъ, на высоту аѳинскихъ и коринѳскихъ гетеръ. Тѣмъ не менѣе въ Римѣ не было никогда женщинъ, равныхъ гетерамъ Греціи, которыя съ красотой соединяли высокую интеллектуальную культуру. Римляне были слишкомъ чувственными въ своихъ страстяхъ и слишкомъ гордились своимъ политическимъ могуществомъ, чтобы сдѣлать куртизанокъ своими сотрудницами; къ тому-

*) Чтобы избавить своихъ любовниковъ отъ отвѣтственности передъ закономъ за прелюбодѣяніе, замужнія женщины надѣвали знакъ, отличавшій проститутку — бѣлокурый парикъ.

же эти послѣднія не блистали ни умомъ, ни образованностью. Ихъ чувственныя натуры признавали въ женщинѣ только товарища въ оргіяхъ, въ грубомъ удовлетвореніи ихъ животныхъ инстинктовъ. Они удовлетворялись содержанками и называли ихъ delicatae или pretiosae, если онѣ знались только съ богатыми людьми, хорошо одѣвались и были окружены извѣстной роскошью.

Для простого народа имѣлась категорія публичныхъ женщинъ низшаго ранга, которыя назывались prostibulae и подраздѣлялись на putae, alicariae, casoritoe, capae, diabolae, forariae, blitidae, noctuvigilae, prosedae, perigrinae, quadrantariae, vagae, scrota, scrantiae,—въ зависимости отъ того, посѣщали ли онѣ булочныя, кабачки, публичныя площади, перекрестки, кладбища или окрестные лѣса. Далѣе, среди нихъ различались болѣе или менѣе молодыя, италійки и чужеземки, ожидавшія кліентовъ у себя на дому, приглашавшія ихъ изъ оконъ или на углу улицы, назначавшія за себя болѣе или менѣе высокую цѣну, искавшія знакомства съ свободными гражданами, рабами или вольноотпущенниками. Всѣ эти наименованія цѣнны постольку, поскольку знакомятъ насъ съ распространеніемъ общественной проституціи во всѣхъ частяхъ города, при различныхъ условіяхъ; далѣе мы видимъ, что никакихъ ограничительныхъ въ этомъ направленіи условій не существовало, кромѣ регистраціи и уплаты по таксѣ, meretricium.

Впрочемъ, танцовщицы и флейтистки были выдѣлены въ отдѣльный разрядъ; онѣ напоминали знаменитыхъ греческихъ авлетридъ. Полиція римская разрѣшала имъ заниматься

своимъ ремесломъ, не распространяя на нихъ силу licentia stupri. Почти всѣ онѣ пріѣзжали съ Востока, изъ Греціи, Египта или Азіи и очень скоро пріобрѣтали громкую извѣстность въ Римѣ своей большой опытностью въ тайнахъ сладострастья. Онѣ продавали себя за дорогую цѣну и увеличивали доходы, получаемые за свое музыкальное искусство, доходами съ проституціи. Онѣ появлялись только у богатыхъ людей къ концу пировъ, въ разгарѣ оргій. Среди чужемокъ танцовщицъ наибольшій успѣхъ выпадалъ на долю испанокъ изъ Кадикса. Марціалъ и Ювеналъ говорятъ, что онѣ своимъ искусствомъ умѣли возбуждать сладострастныя желанія у всѣхъ зрителей.

Среди нихъ были saltatrices, fidicinae, tubicinoe т. е. танцовщицы, затѣмъ игравшія на флейтѣ и на лирѣ. Невозможно представить себѣ, до какой степени безстыдны были тѣлодвиженія, къ которымъ онѣ прибѣгали, изображая мимикой, подъ звуки инструментовъ, различныя фазы любви; онѣ напоминали авлетридъ Аѳинъ и Коринѳа съ тѣмъ только различіемъ, что римскія танцовщицы не обладали обаяніемъ знаменитыхъ куртизанокъ Греціи.

Правда, на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ выпала честь быть любимыми великими латинскими поэтами, какъ напримѣръ, Горацій, Овидій, Катуллъ, Проперцій, Тибуллъ. У стола Цитеры бывалъ частымъ гостемъ Цицеронъ и нѣкоторые другіе выдающіеся граждане, но вообще эти женщины ея никогда не играли видной роли въ общественныхъ дѣлахъ.

Куртизанки высокаго ранга, bonae meretrices, задавали тонъ, были законодательницами модъ, привлекали къ себѣ представителей аристократіи, раззоряли стариковъ и предавались разврату съ молодыми, парализуя такимъ образомъ и физическую и моральную мощь, но этимъ все ихъ значеніе и исчерпывается.

Окружавшая ихъ роскошь была такъ же ослѣпительна, какъ и блескъ аѳинскихъ гетеръ. Во всей своей дерзкой пышности оно развертывалось на священной дорогѣ.

Тамъ по вечерамъ можно было встрѣтить ихъ въ кричащихъ нарядахъ, покрытыхъ драгоцѣнностями; онѣ конкуррировали другъ съ другомъ въ кокетливости и, развалившись съ сладострастной нѣгой, прогуливались взадъ и впередъ въ носилкахъ, несомыхъ цѣлымъ отрядомъ сильныхъ негровъ. Онѣ играли своими вѣерами съ изумительной граціей, или держали въ рукѣ металлическое зеркало, которое убѣждало ихъ въ изяществѣ ихъ прически и отражало отблескъ золотой діадемы на бѣлокурыхъ волосахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ прогуливались верхомъ, ловко управляя лошадьми или мулами, покрытыми роскошными попонами. Другія ходили пѣшкомъ, но всегда въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабовъ, шедшихъ впереди или позади для исполненія ихъ любовныхъ порученій.

Несмотря на ихъ богатство, законъ не обязывалъ ихъ соблюдать таксу, опредѣленную для проститутокъ, а значитъ, не подчинялъ ихъ licentia stupri: законъ, какъ вездѣ и всегда, былъ писанъ только для бѣдняковъ. И въ наше время горизонталки высокаго полета не зарегистрованы въ префектурѣ полиціи.

Римскія Bonae meretrices отлично умѣли передавать свои намѣренія тѣмъ мужчинамъ, которыхъ онѣ встрѣчали на прогулкахъ. Игрой глазъ, почти незамѣтными движеніями рукъ и пальцевъ, краснорѣчивой мимикой губъ—онѣ умѣли выразить столько же, если не больше, сколько и длинной рѣчью.

Впрочемъ, такая любовная пантомима не была исключительной особенностью проститутокъ; конечно, онѣ отличались большимъ искусствомъ, но на этомъ языкѣ говорили всѣ любовники, къ какому бы классу общества они не принадлежали.

Для проституціи простонародной были отведены въ Римѣ особые уголки, которые извѣстны были полиціи и санкціонированы ея властью и, кромѣ того, дома терпимости.

Каждое изъ такихъ учрежденій имѣло и соотвѣтствующихъ обитательницъ: зарегистрованныя жили въ лупанаріяхъ, свободныя—въ гостинницахъ, въ винныхъ лавкахъ, въ булочныхъ и у цирульниковъ. Въ подобныхъ же домахъ свиданій устраивали свои любовныя встрѣчи замужнія женщины и молодыя дѣвушки.

Публичные дома расположены были главнымъ образомъ въ такихъ отдаленныхъ отъ центра кварталахъ, какъ напримѣръ, въ кварталѣ Субура, у моста Целійскаго вблизи казармъ, въ Эсквилинскомъ кварталѣ и вокругъ большого цирка. Нѣкоторые изъ нихъ были расположены въ центрѣ города недалеко отъ храма Мира: конечно, это были наиболѣе аристократическіе дома которые содержались лучше другихъ.

Лупанаріи народные, которыхъ Тертулліанъ

называлъ консисторіями общественнаго разврата, представляли собой цѣлый рядъ темныхъ клѣтушекъ, наполненныхъ совершенно нагими людьми обоего пола. Налогъ, положенный за проституцію, взимался предварительно. Каждая такая клѣтушка имѣла входную и выходную дверь на двѣ улицы.

Вся меблировка такой келейки ограничивалась тростниковой цыновкой или плохой кроватью, pulvinar, грязнымъ, покрытымъ заплатами покрываломъ, cento, затѣмъ лампой, наполненной зловоннымъ масломъ, которая пропитывала запахомъ своего дыма одежду, и такимъ образомъ можно было легко узнать тѣхъ, которые побывали въ этихъ домахъ разврата.

На стѣнахъ висѣли грубо сдѣланныя картины непристойнаго содержанія. У двери лупанарія прикрѣпленъ былъ указатель въ видѣ пріапа, который краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о назначеніи этого дома; ночью онъ замѣнялся фонаремъ, которому придавали ту же форму. Наконецъ, надъ каждой клѣтушкой привѣшивался ярлычекъ съ надписью nuda, когда въ келейкѣ не было никого, или occupata, когда она бывала занята; тутъ же обозначена была такса за ласки обитательницы ея, что дѣлало излишнимъ торгъ. Въ аристократическихъ лупанаріяхъ келейки выходили не на улицу, а внутрь двора или patio, посреди котораго находился фонтанъ съ бассейномъ *).

*) Въ нѣкоторыхъ лупанаріяхъ имѣлся балконъ, гдѣ собирались всѣ обитательницы въ кричащихъ туалетахъ, съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ и съ миртовой вѣтвью въ рукѣ.

Картины непристойнаго содержанія замѣнялись здѣсь написанными на стѣнахъ сценами изъ миѳологіи, въ которыхъ боги и богини приносили жертвы любви. Обстановка отличалась большимъ комфортомъ, а любители могли здѣсь найти всегда цѣлый персоналъ, готовый къ ихъ услугамъ.

Ancillae ornatrices—такъ назывались служанки, на обязанности которыхъ лежала забота о туалетѣ дѣвушекъ; онѣ должны были одѣвать и раздѣвать ихъ, наряжать, румянить бѣлить и т. д. Aquarioli приносили посѣтителямъ прохладительные напитки и вино *); bacario приносилъ воду, необходимую для всякаго рода гигіеническихъ обмываній, къ которымъ прибѣгали мужчина и женщина до и послѣ coitus'a; villicus — довѣренное лицо leno или lena (сводника, сводницы); содержатель дома терпимости (leno или lena), которому вручалась сумма, указанная на ярлыкѣ. Admissarii были женщины и мужчины, обязанность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы зазывать кліентовъ на улицахъ и приводить ихъ въ лупанарій, поэтому ихъ еще называли иначе, adductores или conductores.

Число лупанаріевъ было весьма значительно, и все же масса женщинъ занималась тайной проституціей. Этотъ видъ проституціи развился первоначально въ военныхъ лагеряхъ, не взирая на строгость военной дисциплины у древнихъ, которая не позволяла женщинамъ слѣдовать за арміей. Валерій Максимъ, отмѣчая этотъ фактъ, добавляетъ, что это явленіе приняло такіе обширные размѣры, что молодой Сципіонъ, взявъ въ свои руки командованіе африканской арміей во время третьей пунической войны и горя желаніемъ ее возможно скорѣе преобразовать, приказалъ изгнать оттуда двѣ тысячи публичныхъ женщинъ. Сабатье.

*) Lib. II cap. 2 tit. I.

Женщины, занимавшіяся тайной проституціей, то-есть не занесенныя въ списки эдиловъ, присуждались къ денежной пенѣ, а пойманныя вторично, изгонялись изъ города; онѣ избавлялись отъ наказанія, если находился поручитель въ лицѣ leno, который узаконивалъ ихъ положеніе, принимая ихъ въ число своихъ пансіонерокъ. Тѣмъ не менѣе въ Римѣ было очень много бродячихъ проститутокъ, erratica scrota, для которыхъ домомъ были улица, общественныя дороги, ступени памятниковъ, скамьи въ рынкахъ, могильные памятники, своды водопроводовъ, подножье статуи Венеры или Пріапа.

Усердные, а подчасъ и матеріально заинтересованные эдилы не могли успѣшно бороться съ тайной проституціей; скандальныя сцены, крупныя и мелкія преступленія происходили постоянно. Впрочемъ, всѣ онѣ отзывались только на интересахъ фиска, но отнюдь не считались посягательствомъ на общественную нравственность.

Почти каждую ночь, предшествуемые ликторами, эдилы совершали обходъ и снисходили иногда до преслѣдованія волчицъ, которыя въ грязныхъ притонахъ старались снискать себѣ пропитаніе. Но очень охотно совершали они полицейскіе набѣги на нѣкоторые пріюты проституціи. Иногда они обходились даже безъ предварительнаго оповѣщенія лик-

торовъ и требовали отъ нѣкоторыхъ куртизанокъ ласкъ, полагая, что такое требованіе составляетъ прерогативу ихъ власти. При такихъ обстоятельствахъ и былъ раненъ Гостилій Манцинъ камнемъ, пущеннымъ куртизанкой Мамиліей, къ которой онъ хотѣлъ ворваться силой подъ предлогомъ осмотра ея комнаты.

Проституціей не исчерпывался въ Римѣ развратъ среди женщинъ; для той же цѣли вербовали невинныхъ дѣвушекъ, которыя сразу попадали на путь порока; эти жертвы удовлетворяли грубой похоти amatores.

«Когда несчастное молодое существо, говоритъ Пьеръ Дюфуръ, приносило себя въ первый разъ въ жертву разврату, въ лупанарѣ происходило настоящее торжество. У двери вѣшали фонарь, который ярче обыкновеннаго освѣщалъ входъ въ публичный домъ.

Весь фасадъ этого ужаснаго притона украшался лавровыми вѣнками; лавры въ теченіе нѣсколькихъ дней оскорбляли своимъ видомъ общественную благопристойность; иногда, послѣ злодѣянія, герой этого гнуснаго дорого оплаченнаго имъ акта выходилъ изъ комнаты, также увѣнчанный лаврами.

Этотъ нечистый похититель дѣвственности мнилъ себя блестящимъ побѣдителемъ и прославлялъ свою побѣду игрой музыкантовъ, принадлежавшихъ также къ персоналу публичнаго дома. Обычай этотъ, разрѣшенный эдилами, являлся кровной обидой для обывательскихъ нравовъ, такъ какъ молодые новобрачные, особенно изъ среды простого народа, хранили тотъ же обычай, и также украшали лавровыми вѣтвями двери своего

жилища на другой день послѣ свадьбы. Ornentur postes et grandi janua lauro. Тертулліанъ говоря о новобрачной, осуждаетъ ее «за то, что она осмѣливается выходить изъ этой двери, украшенной гирляндами и фонарями, какъ бы изъ новаго притона публичнаго разврата». Очень характеренъ для исторіи римскихъ нравовъ слѣдующій діалогъ у Симфозіана *)

«Сжалься надъ моей невинностью, говорила бѣдная рабыня, купленная для лупанарія, не отдавай на позоръ моего тѣла, не безчесть моего имени постыднымъ ярлыкомъ!

—«Пусть служанка снаряжаетъ ее, сказалъ leno, и пусть напишутъ на ярлыкѣ слѣдующее: «Тотъ, кто лишитъ невинности Тарзію, отсыплетъ полъ фунта серебра, потомъ она будетъ принадлежать каждому, кто заплатитъ одну золотую монету».

Нужно полагать, что за дѣвственницъ платили очень дорого, такъ какъ латинскіе писатели свидѣтельствуютъ объ очень скромномъ вообще вознагражденіи въ лупанаріяхъ. Такъ, Ювеналъ, говоря о Мессалинѣ, требующей вознагражденія за свои ласки, пишетъ: «Aera poposcit», т. е. требуетъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Петроній говоритъ то же устами Асцилта, когда тотъ приходитъ въ лупанарій въ сопровожденіи «почтеннаго старца»: Iam pro cella meretrix assem exegerat. Даже надсмотрщица за дѣвушками получила одинъ ассъ за комнату **)

Впрочемъ, эта торговля дѣвственностью была

---

*) Symphosianus. Histoire d'Apollonius de Tyr.
**) Petronius. Satyricon, cap. VIII.

иногда простой спекуляціей со стороны сводниковъ. Мнимыя дѣвственницы попадались гораздо чаще, чѣмъ дѣйствительныя. Луцилій въ одной изъ своихъ сатиръ даетъ молодому новичку слѣдующій практическій совѣтъ: «Бери дѣвушекъ безъ всякихъ гарантій».

СОУЧАСТНИКИ ПРОСТИТУЦІИ ВЪ РИМѢ.

Наряду съ офиціальными сводниками лекарки также были помощницами куртизанокъ высшаго полета и матронъ, которымъ онѣ, въ ихъ любовныхъ связяхъ, подавали совѣты и помощь. Всѣ эти женщины, подававшія медицинскую помощь въ любовныхъ дѣлахъ, извѣстны были подъ различными именами: medicae, obstetrices, sagae. Самыми корыстолюбивыми соучастниками проституціи были главнымъ образомъ sagae. Всѣмъ извѣстно, что оттуда и ведетъ свое происхожденіе французское sage femme, названіе, которое Стернъ совершенно основательно рекомендуетъ не смѣшивать съ femme sage (умная женщина).

Въ одной изъ эпиграммъ, упоминаемыхъ въ «La Médecine ef les Moeurs de la Rome antique, d'après les poètes latins, Марціалъ говоритъ объ этихъ medicae, которыя лечили истеричку, прекрасную Леду, выданную замужъ за немощнаго старика. При появленіи врача, эти женщины немедленно, удаляются говоритъ поэтъ. Protinus accedunt medici medicaeque recedunt.

Obstetrices были, собственно говоря, акушерками; въ качествѣ помощницъ при нихъ состояли adstetrices. Sagae наравнѣ съ medicae

и obstetrices присутствовали при родахъ и лечили отъ женскихъ болѣзней. Впрочемъ, все это были въ общемъ женщины невысокой нравственности, занимались онѣ главнымъ образомъ контрабандной торговлей, устройствомъ абортовъ и сводничествомъ. Изъ ихъ среды выходили чародѣйки, волшебницы, колдуньи, парфюмерши, парикмахерши и т. п. На всѣхъ этихъ занятіяхъ лежала печать суевѣрія, сказывался разсчетъ на кокетливость женщинъ, ихъ развращенность и легковѣріе. Въ нихъ какимъ-то образомъ совмѣщалась сводница, акушерка и продавщица нарядовъ. При ихъ содѣйствіи безслѣдно исчезали незаконнорожденныя дѣти, онѣ съ помощью жертвоприношеній подготовляли благополучную беременность и удачные роды.

Во время работы онѣ по мѣрѣ надобности призывали Діану три раза или больше.

На нихъ лежала обязанность купать новорожденнаго младенца и ходить за роженицей въ теченіе 5 дней. Ихъ призывали, когда новорожденный заболѣвалъ, и все леченіе въ этомъ случаѣ заключалось въ томъ, что туловище ребенка покрывалось амулетами и на помощь призывалась Юнона, Люцина, Діана и даже Касторъ и Поллуксъ.

У Плиніямы находимъ описаніе способовъ леченія нѣкоторыхъ болѣзней при помощи свѣжей или высушенной менструальной крови. При леченіи перемежающейся лихорадки и бѣшенства примѣнялось virus lunare въ видѣ втиранія или просто прикладыванія къ кожѣ причемъ для этой цѣли служило sachet или серебряный медальонъ. Эта кровь, по мнѣнію римскихъ акушерокъ, обладала еще одним свойствомъ: женщина въ періодъ менструацій уничтожала всѣхъ гусеницъ и насѣкомыхъ въ поляхъ, если обходила вокругъ нихъ одинъ или нѣсколько разъ. Съ другой стороны растенія подъ вліяніемъ этой крови дѣлались безплодными, плоды опадали съ деревьевъ, изгонялись пчелы, притуплялось лезвіе бритвы и т. д. Частная жизнь этихъ женщинъ проходила соотвѣтственно ихъ невѣжеству: онѣ питали слабость къ вину, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Андріеннѣ, прелестной комедіи Теренція, гдѣ saga Лесбія призванная помочь молодому Глицерію, изображается собутыльницей старухъ рабынь. Эта же Лесбія, по сообщенію того же автора, предписала своей паціенткѣ ванну немедленно послѣ родовъ и велѣла ей съѣсть четыре яичныхъ желтка.

Въ Римѣ, какъ и въ Аѳинахъ, акушерки не только монополизировали производство выкидышей и дѣтоубійство — преступленія эти почти допускались закономъ и общественной моралью,—но и укрывательство и подбрасываніе новорожденныхъ.

Онѣ уносили новорожденнаго, отъ которыхъ родильница хотѣла избавиться, на берегъ Велабра, къ подошвѣ Авентинскаго холма.

Къ этому же ужасному мѣсту приходили другіе, которымъ эти дѣти, обреченныя на гибель, нужны были для полученія какого-нибудь наслѣдства.

Ювеналъ въ своей превосходной сатирѣ на женщинъ справедливо замѣчаетъ: «Я говорю объ убійствѣ дѣтей и о коварствѣ тѣхъ женщинъ, которыя, насмѣхаясь надъ обѣтами и радостью своихъ мужей, приносятъ имъ

съ береговъ гнуснаго Велабра наслѣдниковъ, отцами которыхъ тѣ себя почитаютъ».

Эти зловредныя твари не останавливались ни предъ какимъ преступленіемъ для удовлетворенія своего корыстолюбія; онѣ продавали жидкости для возбужденія полового чувства и для подавленія его, причемъ въ составъ жидкостей, по словамъ Горація, входила иногда кровь убитаго ими младенца. Лекарства Канидія, рецепты Сальпе[1]), гиппоминъ[2]), Eryngion[3]) Сафо — вотъ какими средствами исчерпывалась ихъ терапія и фармакологія.

Было бы безполезно искать новые матеріалы у другихъ авторовъ и заниматься болѣе подробно съ этимъ предметомъ; для насъ теперь ясны функціи лекарокъ въ Римѣ. Онѣ главнымъ образомъ занимались производствомъ выкидышей и были соучастницами проституціи.

По духу римскаго закона, изгнаніе плода каралось очень строго, но законъ этотъ фактически не примѣнялся и власти не препятствовали лекаркамъ заниматься ихъ прибыльнымъ ремесломъ. Текстъ закона гласилъ буквально слѣдующее:

---

1) Сальпе, obstetrix, о которой говоритъ Плиній (кн. 28) прописывала для устраненія полового безсилія обмакнуть семь разъ въ кипящемъ маслѣ половые органы осла и натирать себѣ потомъ этимъ масломъ половые органы.

2) Жидкость, истекающая изъ половыхъ органовъ кобылы послѣ случки.

3) Eryngion campestre — растеніе изъ семейства зонтичныхъ, извѣстное въ простонародьи подъ именемъ лѣвого синеголовника или чертополоха, форма его корня, по словамъ Плинія (кн. 20), напоминаетъ собой половыя части мужчины и женщины. (Не смѣшивать эту Сафо съ Сафо Митиленской).

Кто приметъ плодогонное средство, даже безъ преступнаго намѣренія, ссылается въ рудники, если онъ бѣденъ. Богатые ссылаются на островъ и часть ихъ имущества конфискуется. Если же результатомъ выпитаго лекарства явится смерть матери или ребенка, то виновный наказуется смертной казнью.

Qui abortitionis poculum dant, et si dolo non faciant, humiliores ad metallum, honestiores in insulam, amissa parte bonorum, relegantur. Quod si poculo mulier aut homo perierit, summo supplicio afficiuntur.

Тѣмъ не менѣе вытравленіе плода сдѣлалось обычнымъ для римскихъ нравовъ и производилось открыто.

Авторы говорятъ о немъ, какъ объ обычаѣ, который терпѣлся закономъ и къ которому высшая знать и патриціанки прибѣгали изъ различныхъ соображеній.

Ювеналъ въ сатирѣ, направленной противъ лицемѣровъ, выводитъ Домиціана, который пишетъ законы противъ прелюбодѣянія, тогда какъ его племянница Юлія славится своими абортами. Quum tot abortivis foecundam Iulia vulvam. Она извлекала изъ своего плодоноснаго чрева еще трепещущіе остатки, которые своимъ сходствомъ съ дядей свидѣтельствовали противъ него. Solveret, et patruo similes effunderet offas.

Итакъ, мы видимъ, что Юлія прибѣгала къ абортамъ съ цѣлью уничтожить доказательство своей связи съ дядей Домиціаномъ. И чаще всего женщины прибѣгали къ выкидышамъ именно по аналогичнымъ соображеніямъ.

Коринна, возлюбленная Овидія, сдѣлала то же съ цѣлью уничтожить доказательства

своей связи съ поэтомъ. «Коринна, какъ и многія другія женщины, увидѣла, что спокойствіе ея жизни будетъ нарушено появленіемъ на свѣтъ свидѣтеля ея проступка и, подобно многимъ другимъ, старалась уничтожить этого ребенка, угрожавшаго ея покою и красотѣ». (Овидій, Amores). Dum labefactat onus gravidi temeraria ventris, in dubio vita lassa Corinna jacet.

Овидій, который не былъ соучастникомъ этого преступленія, былъ возмущенъ поступкомъ своей любовницы, но потомъ просилъ все-же боговъ даровать ей прощеніе; при этомъ онъ посылалъ проклятія женщинѣ, которая впервые подала примѣръ такого злодѣянія. «За эту борьбу противъ природы она заслуживаетъ смерти, говоритъ онъ: ей хотѣлось избѣжать появленія нѣсколькихъ складокъ на животѣ».

Ut careat rugarum crimine venter; «И она рисковала сойти въ могилу».

«Женщины, зачѣмъ вводить въ свое чрево смертоносное орудіе, зачѣмъ давать ядъ ребенку, который еще не жилъ?».

Vestra quid effoditis subjectis viscera telis et nondum natis dira venena datis. Заканчиваетъ онъ свою краснорѣчивую элегію слѣдующими словами:

«Она умираетъ, погубивъ свое дитя, и когда ее съ разметавшимися волосами укладываютъ на ложе смерти, всѣ окружающіе говорятъ: «Это справедливо, это разумно, она этого вполнѣ заслужила!».

Saepe, suos utero quae negat, ipsa perit. Ipsa perit, ferturque toro resoluta capillos: et clamant, merito! qui nodumque vident.

Въ «Heroides» Овидія мы находимъ письмо Канацеи къ ея брату Макарею, отъ котораго она забеременѣла: «Первое предчувствіе моей беременности появилось у моей кормилицы; она мнѣ сказала: «дочь Эола, ты любишь! Я покраснѣла и отъ стыда опустила долу глаза.

Этотъ нѣмой языкъ, это признаніе были въ достаточной мѣрѣ выразительны.

Тяжелое бремя уже округляло мое кровосмѣсительное чрево и всѣ члены моего больного тѣла изнемогали подъ тяжестью тайной ноши.

Jamque tumescebant vitiati pondera ventris, aegraque furtivum membra gravabat onus.

Сколько травъ и лекарствъ приносила мнѣ моя кормилица! заставляла принимать ихъ смѣлой рукой».

Quas mihi non herbas, quae non medicamina nutrix attulit, audci supposuitque manu. Чтобы избавить мое чрево — это мы скрыли отъ тебя—отъ все растущей тяжести! Но ребенокъ живучъ, онъ устоялъ противъ всѣхъ ухищреній искусства и былъ уже внѣ власти своего тайнаго врага».

Итакъ мы видимъ, что чаще всего изгнаніе плода вызывалось путемъ плодогонныхъ средствъ, но средства эти не всегда оказывались дѣйствительными, и ребенокъ оставался невредимымъ въ чревѣ матери. Тогда приходилось прибѣгать къ прокалыванію яйца съ помощью смертоноснаго желѣзнаго стержня, какъ это сдѣлали съ той молодой дѣвушкой, которая «умерла, погубивъ своего ребенка».

Впрочемъ, римскія женщины прибѣгали къ

выкидышамъ не только съ цѣлью уничтожить плодъ незаконной связи. Иногда, а по словамъ Овидія—даже большей частью, это дѣлалось съ цѣлью избѣгнуть обезображиванія фигуры, рубцовъ на животѣ, которые лишали любовника нѣкоторой иллюзіи... тѣхъ самыхъ рубцовъ, которые честная женщина должна чтить, какъ благородные рубцы материнства.

Итакъ, желаніе ускользнуть отъ всѣхъ непріятностей беременности, отъ родовыхъ мукъ, материнскихъ заботъ, сохранить все свое очарованіе, чтобы нравиться любовникамъ — такова была мораль римской матроны въ эпоху упадка. Aulu-Gelle, полный справедливаго негодованія, обращается къ ней со слѣдующими словами:

«Неужели ты думаешь, что природа даровала женщинѣ груди какъ красивыя возвышенія, украшающія женщину, а не для того, чтобы она могла кормить своихъ дѣтей? Такъ, очевидно, полагаетъ большинство нашихъ прелестницъ, prodigiosae mulieres; онѣ стараются осушить и истощить эти священные источники, изъ которыхъ родъ людской черпаетъ жизнь, и рискуютъ испортить молоко или совсѣмъ лишиться его, какъ будто оно портитъ эти аттрибуты красоты. То же безуміе гонитъ ихъ къ удаленію плода путемъ различныхъ вредныхъ снадобій, и все это дѣлается для того, чтобы гладкая поверхность ихъ живота не покрылась складками и не опустилась подъ тяжестью ноши и родовыхъ мукъ».

Мы уже упомянули о томъ, что sagae, кромѣ сводничества и вытравленія плода, занимались еще поставкой косметическихъ и парфюмерныхъ средствъ и медикаментовъ, вы-

зывающихъ половое возбужденіе. Для приготовленія ихъ онѣ употребляли всякія ароматическія вещества изъ Азіи и Африки, которыя оказывали возбуждающее дѣйствіе на половые органы. Въ этомъ-то чрезмѣрномъ употребленіи снадобій и слѣдуетъ усмотрѣть причину непомѣрной похотливости и половыхъ эксцессовъ, которые присущи были римлянамъ. Очевидно, что всѣ разряды проституціи такъ или иначе составляли кліентуру sagae, которыя, будь онѣ парфюмерши или волшебницы, акушерки или сводницы, все же въ общемъ были старыя куртизанки, состарѣвшіяся на поприщѣ проституціи.

Въ Римѣ употребленіе духовъ было очень распространено: душились всѣ—мужчины, женщины, дѣти, публичныя женщины и педерасты; поэтому ремесло sagae, равно и цирюльниковъ, ревностныхъ пособниковъ педерастіи, было очень прибыльнымъ. На восходѣ и при закатѣ солнца, передъ началомъ пира, послѣ купанья римляне натирали все тѣло благоухающими маслами; одежда и волосы пропитывались благовонными эссенціями, въ комнатахъ сжигался ароматическій порошокъ, его же употребляли въ пищѣ, въ напиткахъ, въ водѣ, предназначенной для обмыванія и для мебели, имъ посыпали одѣяла на постеляхъ. Вслѣдствіе рѣзкаго запаха благовоній вся нервная система находилась въ состояніи непрерывнаго возбужденія и раздраженія. Само собой разумѣется, главными потребителями являлись кутилы и куртизанки, которые пользовались ими въ большомъ количествѣ.

«Всѣ эти благовонія, говоритъ Дюфуръ,

приходили на помощь сладострастью особенно передъ началомъ палестры Венеры, palaestra Venerea, какъ говорили древніе. Все тѣло обоихъ любовниковъ натиралось спиртными благовоніями, причемъ предварительно оно омывалось ароматной водой; ѳиміамъ курился въ комнатѣ, какъ передъ жертвоприношеніемъ; постель была украшена гирляндами цвѣтовъ и усѣяна лепестками розъ, вся мебель осыпалась дождемъ нарда и кинамона. Ароматическія воды часто смѣнялись втеченіе долгихъ часовъ любви, въ атмосферѣ болѣе благоуханной, чѣмъ на самомъ Олимпѣ».

Всякія приспособленія для разврата, всѣ предметы, которые давали проституціи средства для искусственнаго возбужденія чувственности — все это служило предметомъ тайной торговли sagae. Мы не станемъ описывать всѣхъ этихъ орудій разврата и растлѣнія, къ помощи которыхъ прибѣгалъ культъ противуестественной любви.

Всѣ эти чудовищныя утонченности вырождающагося потомства первыхъ римлянъ заклеймены словами апостола Павла [1]): Самъ Богъ, говоритъ онъ, отдалъ ихъ въ жертву позорнымъ страстямъ, потому что женщины замѣнили природный способъ сношеній съ мужчиной другимъ, который противенъ природѣ; равнымъ образомъ и мужчины, отказавшись отъ естественнаго способа сношеній съ женщиной, воспылали порочной страстью другъ къ другу; теперь же они получаютъ воздаяніе за свои прегрѣшенія».

Это воздаяніе, какъ мы увидимъ дальше,

[1]) I Посланіе къ римлянамъ.

выражалось въ различныхъ болѣзняхъ половыхъ органовъ: истеченіе жидкости, язвы и кондиломы задняго прохода. Да и могло ли быть иначе при наличности гнусныхъ способовъ онанизма и мужеложества, когда женщинамъ нужны были искусственные Phallus'ы, такъ какъ естественныя половыя отношенія уже не удовлетворяли ихъ пресыщенную чувственность? Мужчины для возбужденія полового чувства прибѣгали къ раздражающимъ суппозиторіямъ, къ противуестественнымъ средствамъ; особенно злоупотребляли ими развратники, разслабленные всевозможными утонченными пріемами проституціи. Они называли всѣ эти приспособленія общимъ именемъ «fascina». Это выраженіе мы находимъ у Петронія въ описаніи таинствъ «которыя возвращаютъ нервамъ ихъ мощь». Таинства эти заключались въ слѣдующемъ: «Simulque profert Aenothea scorteum fascinum, quod ut oleo et minuto pipere atque urticae trito circumdedit semine, paulatim coepit inserere ano meo... Viridis urticae fascem comprehendit, omniaque infra umbilicum coepit lenta manu coedere [1]). Въ переводѣ это означаетъ:

При этихъ словахъ, Эноѳея приноситъ кожаный фалусъ, посыпаетъ его перцемъ и истолченнымъ сѣменемъ крапивы, растворенным въ маслѣ, и вводитъ его мнѣ постепенно въ задній проходъ. Потомъ, взявъ въ руку пучокъ свѣжей крапивы, хлещетъ имъ по низу живота.

Эноѳея, какъ понимаетъ читатель, была старая чародѣйка, жрица, которая какъ всѣ

[1]) Петроній. Сатириконъ. Гл. CXXXVIII.

sagae въ Римѣ занималась терапіей полового безсилія.

Въ числѣ соучастниковъ проституціи слѣдуетъ еще упомянуть о прислужникахъ въ общественныхъ баняхъ, такъ какъ, само собой разумѣется, лупанаріи и другія мѣста легальной проституціи не исчерпывали собой всего разврата Рима. Къ числу ихъ принадлежали термы, о которыхъ Петроній совершенно справедливо замѣчаетъ:

Balnea, vina, Venus, corrumpunt corpora sana; et vitam faciunt balnea, vina, Venus. Ванны, вино, любовь разрушаютъ тѣлесное здоровье и въ то же время вся прелесть жизни въ ваннахъ, винѣ и любви.

Около трехъ часовъ пополудни звонъ колокола оповѣщалъ объ открытіи этихъ учрежденій. Однѣ изъ нихъ предназначались для аристократіи, другія—для черни. Плата за входъ въ эти послѣднія была очень невысокая, въ нѣкоторыхъ же входъ былъ даже даровой, такъ какъ онѣ устроены были и содержались на счетъ богатыхъ людей, какъ средство для избирательной агитаціи. Въ общихъ чертахъ, термы были устроены такъ, что въ залахъ царилъ полумракъ, и для каждаго пола было свое отдѣленіе. Но впослѣдствіи освѣщеніе было усилено, а бани сдѣланы общими. Это смѣшеніе и привело, конечно, къ величайшей порчѣ нравовъ. Въ баняхъ были бассейны, въ которыхъ могло помѣститься до 1000 человѣкъ. Мужчины, женщины и дѣти плескались совершенно нагіе въ водѣ. Эти обширные водяные лупанаріи представляли обширное же поле дѣйствія для развитія проституціи. И она процвѣтала съ самымъ откровеннымъ

цинизмомъ на глазахъ эдиловъ. Въ нихъ не только назначали свиданіе другъ другу, не только разыгрывали совершенно публично сцены разврата, но здѣсь совершали самыя чудовищныя гнусности.

Римскія Лесбіанки предлагали свои порочныя ласки и обучали своему искуству рабовъ и дѣтей. Эти послѣдніе извѣстны были подъ именемъ fellatores, женщины назывались fellatrices. И всѣ эти отвратительныя страсти разыгрывались среди бѣлаго дня. Прочитайте Ювенала, сатирическіе стихи Марціала, комедіи Плавта и Теренція. Матроны отдавались профессіональнымъ массажистамъ: Unctor sciebat dominam suam hujus modi titillatione et contrectatione gaudere. Ювеналъ говоритъ о томъ же въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ стихотвореній. Такимъ образомъ, термы были мѣстомъ публичной проституціи, разврата и всякаго рода излишествъ, такъ какъ въ нихъ часто ѣли, пили, играли, предавались позорному сладострастью, несмотря на указы нѣкоторыхъ императоровъ, напр. Марка Аврелія и Александра и Севера, не взирая на протесты честныхъ гражданъ, предвидѣвшихъ угрожавшія странѣ несчастья.

Далѣе, проституція находила себѣ пріютъ въ тавернахъ, гостинницахъ и кабачкахъ. Въ таверне или popina, въ темной сводчатой комнатѣ нижняго этажа, среди бочекъ и амфоръ можно было видѣть мужчинъ и дѣвушекъ, сидѣвшихъ у столиковъ. Здѣсь они пили, ѣли, играли и предавались всяческому разврату. Въ гостинницахъ, cauponae, имѣлись комнаты, которыя сдавались въ наймы посѣтителямъ. Что же касается diversoria, то это

были не что иное какъ меблированныя гостинницы, гдѣ проводили ночи.

Эдилы обязаны были наблюдать за этими учрежденіями и притонами, гдѣ скрывались большей частью преступники и не зарегистрованныя проститутки, которыя хотѣли избавиться отъ уплаты налога за занятіе проституціей. Владѣльцы гостинницъ отвѣчали за всѣ преступленія, которыя у нихъ совершались; эдилъ налагалъ многочисленные штрафы, которые уплачивались на мѣстѣ; въ противномъ случаѣ виновникъ coram populo наказывался опредѣленнымъ числомъ ударовъ розогъ.

Подвальные этажи булочныхъ, гдѣ помѣщались мельницы для помола зерна, также служили пріютомъ для бродячихъ проститутокъ и ихъ спутниковъ. Эдилы собирали здѣсь хорошую жатву и не препятствовали гнусному торгу, который шелъ здѣсь день и ночь.

Наконецъ, говоря о мѣстахъ, гдѣ процвѣтала проституція, слѣдуетъ упомянуть о темныхъ уголкахъ, которыя находились подъ лѣстницами цирка, между колоннами и cavae, гдѣ заключены были гладіаторы и звѣри. Въ дни общественныхъ игръ всѣ куртизанки низшаго ранга предавались разврату въ сырыхъ подземельяхъ арены. Находясь внутри зданія, онѣ дѣлали знаки зрителямъ и уходили съ ними черезъ vomitaria.

Это длилось въ теченіе всего представленія; онѣ сновали взадъ и впередъ въ сопровожденіи глашатаевъ, которые были ихъ сутенерами, по лѣстницамъ cunei, въ proecinctiones, круглыхъ корридорахъ, расположенныхъ между podium, гдѣ засѣдалъ императоръ, ве-

сталки, сенаторы и всадники, и каменными лѣстницами, popularia, предназначенными для народа. Эдилы допускали эти постыдныя оргіи, которыя въ сущности очень мало оскорбляли общественную нравственность; отъ владѣльцевъ же гостинницъ, содержателей меблированныхъ комнатъ, булочниковъ, глашатаевъ и сутенеровъ они требовали только точной уплаты таксы, meretricium.

РЕГЛАМЕНТАЦІЯ ПРОСТИТУЦІИ ВЪ РИМѢ.

Институтъ брака, введенный, въ интересахъ государства, строгими законами Ромула и его преемниковъ, создалъ ту строгость женскихъ нравовъ, которая впослѣдствіи составляла основную черту Рима. Законы Ромула, (числомъ четыре) были необходимы для обузданія бурныхъ страстей полудикихъ людей того времени, необходимы для того, чтобы подъ нарождающееся государство заложитъ прочный фундаментъ. Впрочемъ, постановленія о бракѣ, начертанныя на мѣдныхъ таблицахъ въ Капитоліи, касались только римскихъ гражданъ, вольноотпущенники-же и плебеи продолжали свободно предаваться конкубинату и проституціи. Эта свобода была крупной политической ошибкой, и она неминуемо должна была создать тотъ очагъ разврата. который впослѣдствіи, во времена Имперіи, послѣ большихъ войнъ съ азіатскими народами, распространился на всѣ классы общества и постепенно привелъ къ упадку Рима.

Бракъ въ древнемъ Римѣ, въ зависимости отъ условій брачнаго договора, давалъ вступающимъ въ него болѣе или менѣе значительныя гражданскія права и преимущества Брачный обрядъ въ видѣ принесенія въ жертву

panis farreus, т. е. того самаго хлѣба, который ѣли супруги во время свадебнаго обряда, считался наиболѣе приличнымъ; эта форма брака предоставляла женщинѣ больше правъ и знаковъ уваженія, чѣмъ другія. Другая форма, usucapion, пользовалась меньшимъ почетомъ и получила даже названіе полубрака; эта послѣдняя являлась слѣдствіемъ простого сожительства втеченіе одного года, при условіи если за это время не было перерыва больше, чѣмъ на три дня подрядъ. Распущенность правовъ способствовала тому, что usucapio сдѣлалась наиболѣе употребительной формой. Въ наложничествѣ не видѣли ничего постыднаго; оно было какъ бы третьей формой брака, и даже законъ называетъ его дозволеннымъ обычаемъ.

Впрочемъ, законность этого третьяго брачнаго союза основывалась исключительно на доброй волѣ лицъ, въ него вступающихъ. Прочность такого брака опредѣлялась только личнымъ желаніемъ его членовъ, ex sola animi destinatione, по выраженію законодателя Онъ получилъ названіе сожительства, непользующагося защитою права, injustae nuptiae.

Наложница не считалась супругой; она лишь замѣняла послѣдняюю, отличаясь отъ нея одеждой. Дѣти ея не были членами семьи ея мужа; общеніе ихъ съ согражданами допускалось закономъ; они не имѣли правъ на наслѣдство.

На наложницъ стали смотрѣть особенно презрительно съ той поры, какъ законъ разрѣшилъ брать наложницъ только изъ числа рабовъ, женщинъ низкаго происхожденія, или, наконецъ, женщинъ знатныхъ, но опустившихся до занятія

проституціей или другимъ ремесломъ, столь же низкимъ и презрѣннымъ. Наложницъ почти не отличали отъ проститутокъ. Всеобщая развращенность не возмущала нравовъ а напротивъ, стала составной частью ихъ *).

Изъ сочиненій римскихъ историковъ извѣстно, какое отвращеніе къ прелюбодѣянію питали римляне республиканскаго періода и какимъ ужаснымъ наказаніямъ подвергались женщины, виновныя въ этомъ преступленіи. Ихъ публично сажали въ позорные тиски, запрягали какъ животныхъ въ колесницу палача и, наконецъ, предавали публичному поруганію.

Въ то время какъ римская матрона, mater familias, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ, въ то время какъ весталки постоянно поддерживали на алтаряхъ священный огонь цѣломудрія—много женщинъ и дѣвушекъ изъ народа предавались худшему виду рабства: проституціи.

Великій юристъ Домицій Ульпіанъ, авторъ Lber singularis regularum, труды котораго по римскому праву почти цѣликомъ вошли въ Пандекты, сообщаетъ въ своемъ сочиненіи De ritu nuptiarum, какъ римскій законъ опредѣлялъ проституцію.

Вотъ его слова:

Женщина публично занимается проституціей не только въ томъ случаѣ, когда она торгуетъ своимъ тѣломъ въ мѣстахъ разврата, но и тогда, когда она не бережетъ своей

*) Sabatier, Législation romaine.—Terasson, Histoire de la jurisprudence romaine.

чести въ питейныхъ домахъ и иныхъ мѣстахъ, которыя она посѣщаетъ.

Подъ публичнымъ развратомъ разумѣется поведеніе женщины, отдающейся безъ разбора всякому мужчинѣ. Это понятіе не обнимаетъ, однако, ни замужнихъ женщинъ, виновныхъ въ прелюбодѣяніи, ни обольщенныхъ дѣвицъ.

Понятіе публичнаго разврата не распространяется на женщинъ, отдающихся за деньги одному или двумъ лицамъ.

Октавіанъ справедливо причисляетъ къ женщинамъ, занимающимся публичнымъ развратомъ, тѣхъ, которыя дѣлаютъ это не за деньги.

Публичныя женщины не вносились въ цензы (списки населенія); онѣ были зарегистрованы въ особыхъ спискахъ, составлявшихся эдилами; послѣдніе выдавали имъ разрѣшеніе заниматься развратомъ, называвшееся licentia sturpi—т. е нѣчто, аналогичное современнымъ cartes de perfectures (билеты).

Разрѣшенія эти долгое время выдавались только женщинамъ плебейскаго происхожденія; но въ эпоху имперіи, когда развращенность достигла высшаго предѣла, и патриціанки добились своего занесенія въ списки *).

*) Жены сенаторовъ и всадниковъ добились того, что ихъ стали регистрировать въ спискахъ эдиловъ въ качествѣ meretrices; это избавляло ихъ отъ позора семьи и суровыхъ наказаній и въ то же время позволяло имъ вести нравившуюся имъ распутную жизнь.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Тацитъ, Анналы lib. II Cap. LXXXV: „Въ этомъ году сенатъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ распутства женщинъ. Занятіе проституціей было воспрещено женщинамъ, которыя имѣли дѣда, отца или мужа изъ сословія всадниковъ; мѣра эта вызвана была тѣмъ, что Вестилія, принадлежащая къ преторской семьѣ, записалась у эдиловъ въ списки публич-

Понятіе проститутки связано было съ позоромъ, что въ свою очередь влекло гражданскую смерть въ юридическомъ смыслѣ. То же самое ожидало (и притомъ вполнѣ заслуженно) и лицъ, занимавшихся сводничествомъ, lenocinium *). Неизгладимая печать позора ложилась на всѣхъ агентовъ проституціи: публичныхъ женщинъ и ихъ содержателей, сводниковъ и сводницъ (leno и lena), кабатчиковъ, содержателей гостинницъ, булочниковъ, парфюмеровъ и другихъ торговцевъ, объединенныхъ общимъ именемъ meretrices (блудниковъ)—т. е., на всѣхъ тѣхъ, которые спекулировали постыдной торговлей человѣческимъ тѣломъ. Исключительно посредническій характеръ этихъ занятій, какъ гласилъ законъ, не избавлялъ ихъ отъ позора.

Всѣ эти meretrices, хотя и лишены были гражданскихъ правъ, тѣмъ не менѣе обязаны были платить опредѣленный налогъ въ пользу города, что противорѣчило духу закона. Этотъ налогъ называется vectigal или meretricium.

У Калигулы возникла мысль обложить налогомъ публичный развратъ, не отдавая его на откупъ, какъ это было въ Греціи. Александръ Северъ, которому не нравился такой видъ обложенія, сохранилъ его все же подъ названіемъ налога на содержаніе общественныхъ

ныхъ женщинъ. (Nam Vestilia praetoria familia genita, licentiam sturpi apud aediles vulgaverat); у предковъ нашихъ былъ обычай, по которому женщина считалась достаточно наказанной уже тѣмъ, что ея позоръ объявлялся во всеобщее свѣдѣніе. (More inter veteres recepto, qui satis poenarum adversum impudicas in ipsa professione flagitii credebant).

*) De ritu nuptiarum, Lib. XXII, tit. 2.

зданій. Ѳеодосій и Валентиніанъ совершенно уничтожили его, но ихъ преемники возстановили этотъ налогъ, не усматривая въ немъ ничего постыднаго. Наконецъ, Анастасій упразднилъ его навсегда.

Существовалъ, далѣе, законъ о проституціи, запрещавшій гражданамъ вступать въ бракъ съ рабами, отпущенными на волю lenon'ами (посредниками); этотъ же законъ запрещалъ публичнымъ женщинамъ выходить замужъ и сенаторамъ жениться на дочеряхъ lenon'овъ.

Проститутки обязаны были, по полицейскимъ правиламъ, носить особое платье. Вмѣсто стыдливой столы—одежды римской матроны,—доходившей до пятокъ, проститутки должны были имѣть короткую тунику и тогу съ разрѣзомъ спереди; эта одежда утвердила за ними прозвище togatae. Одно время они позаимствовали у азіатскихъ куртизанокъ ихъ платье изъ прозрачнаго шелка, sericae vestes, чрезъ которое видно было все тѣло. Въ эпоху имперіи матроны также усвоили эту моду и въ свою очередь приняли тотъ позорный видъ, который такъ возмущалъ Сенеку. «За большія деньги—говоритъ онъ—мы выписывали эту матерію изъ отдаленнѣйшихъ странъ, и все это лишь для того, чтобы нашимъ женамъ нечего было скрывать отъ своихъ любовниковъ».

Проституткамъ не разрѣшалось носить бѣлыхъ лентъ (vittae tenes), которыми поддерживали прическу молодыя дѣвушки и порядочныя женщины. Онѣ должны были носить свѣтлый парикъ или окрашивать волосы въ желтый цвѣтъ, а на улицѣ носить капюшонъ

(pelliolum). Для цирка, театра и общественныхъ собраній полагалась особая прическа, а именно: митра, нимбо или тіара,—по желанію—съ цвѣточными, иногда золотыми украшеніями или съ драгоцѣнными камнями. Митра была менѣе заостренной, чѣмъ у нашихъ прелатовъ и такъ же какъ у послѣднихъ украшена двумя подвѣсками, спускавшимися на щеки... Наконецъ, обуты онѣ были въ сандаліи, матроны же носили полусапожки.

По постановленію Домиціана имъ было запрещено гулять по улицамъ на носилкахъ *). Дѣло въ томъ, что этотъ родъ передвиженія, первоначально предоставленный беременнымъ матронамъ, скоро сдѣлался чѣмъ-то вродѣ переноснаго алькова для богатыхъ куртизанокъ; альковъ этотъ несли восемь рабовъ. Гуляя такимъ образомъ, женщины впускали къ себѣ въ альковъ своихъ случайныхъ любовниковъ, и, задернувъ занавѣси, отдавались имъ; когда на общественныхъ прогулкахъ куртизанки были однѣ, in patente sella, онѣ принимали горизонтальное положеніе, раскинувшись на подушкахъ, стараясь привлечь на себя взгляды мужчинъ и возбудить въ нихъ желанія. По смерти Домиціана онѣ снова

*) Приказъ о проституткахъ Домиціана, какъ и приказы Августа и Тиберія, были ничѣмъ инымъ, какъ актами лицемѣрія. Эти коронованныя чудовища, вступая на тронъ, старались принять наружно добродѣтельный видъ, и казалось, исключительно были заняты наблюденіемъ за чистотой нравовъ. Въ то же время сами они являли примѣръ самыхъ грязныхъ проявленій чувственности. По этому поводу Сабатье говоритъ: «Какое вліяніе могутъ оказать законы на улучшеніе нравовъ, когда эти нравы явно оскорбляются тѣми самыми, кто создаетъ законы?»

стали употреблять носилки, а замужнія женщины послѣдовали ихъ примѣру; послѣднее обстоятельство заставило Сенеку сказать: «Тогда римскія матроны возлежали въ своихъ коляскахъ, какъ будто желая продать себя съ публичнаго торга».

ПРОСТИТУЦІЯ У МУЖЧИНЪ.

§ 1. Развратъ Цезарей.

Мы послѣдовательно сдѣлали обзоръ всѣхъ видовъ женской проституціи въ Римѣ: проституціи по долгу гостепріимства, религіозной и узаконенной; послѣдняя составляла занятіе публичныхъ женщинъ, всѣхъ разрядовъ волчицъ, богатыхъ куртизанокъ и матронъ. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ проституціей мужчинъ.

Она была такимъ же распространеннымъ явленіемъ, какъ и женская проституція, и не только среди плебса, вольноотпущенниковъ и рабовъ, но и въ высшихъ кругахъ: среди императоровъ, сенаторовъ, всадниковъ и т. д. Порокъ и развратъ этихъ лицъ навсегда останутся предметомъ изумленія цивилизованныхъ народовъ. Вотъ нѣсколько фактовъ.

Юлій Цезарь.—Обольстилъ Постумію, жену Сервія Сульпиція, Лоллію, жену Аула Габинія, Тертуллу, жену Марка Красса, Марцію, жену Кнея Помпея, Сервилію и ея дочь Терцію *). Но все это не удовлетворяло его, и помимо многочисленныхъ любовныхъ связей съ римскими матронами, помимо ро-

*) Светоній, сар. 4. Двѣнадцать Цезарей.

мана съ мавританской царицей Евноей и съ Клеопатрой онъ проституировалъ съ мужчинами; царь Вифиніи, Никомедъ, первый обольстилъ его, rumore prostratae regi pudicitiae. Цицеронъ въ своихъ письмахъ подтверждаетъ этотъ фактъ; Долабелла порицалъ за это Цезаря съ сенатской трибуны, называя его царской наложницей. Куріанъ придумалъ на его счетъ названіе «публичный домъ Никомеда» и «Виѳинская проститутка». Когда однажды Цезарь имѣлъ неосторожность сказать что-то въ пользу Низы, дочери своего любовника, Цицеронъ тономъ отвращенія прервалъ его: «Прошу тебя, оставить этотъ разговоръ; всѣмъ прекрасно извѣстно, что ты получилъ отъ Никомеда и что ты далъ ему взамѣнъ».

Октавій, говоря о Цезарѣ, называлъ его королевой, а Помпея—королемъ. Когда послѣ побѣды надъ галлами Цезарь на тріумфальной колесницѣ поднимался къ Капитолію, воины, окружавшіе его, пѣли: «Цезарь покорилъ галловъ, а Никомедъ покорилъ Цезаря. Сегодня Цезарь празднуетъ побѣду надъ галлами, Никомедъ-же не празднуетъ побѣды надъ Цезаремъ».

Однажды онъ договорился до того, что онъ могъ бы ходить по головамъ своихъ согражданъ; на это ему возразили, что женщинѣ трудно это сдѣлать. Цезарь нашелся только возразить, что Семирамида царствовала въ Ассиріи и что амазонки царствовали въ большей части Азіи. Таковъ былъ Цезарь по описанію Светонія; онъ былъ «мужемъ всѣхъ женщинъ и женой всѣхъ мужчинъ».

Октавій.—«Не одинъ позорный поступокъ

запятналъ его имя уже въ молодости», говоритъ о немъ Светоній *). Маркъ Антоній ставилъ ему въ вину то, что «онъ добился своего усыновленія дядей цѣною собственнаго безчестья». Братъ Марка Антонія Люцій говоритъ, что Октавій, «отдавъ цвѣтъ своей невинности Цезарю, продалъ ее затѣмъ вторично въ Испаніи нѣкоему Тиртію за 300,000 сестерцій»; Люцій говоритъ еще, что «Октавій имѣлъ привычку сжигать волосы на ногахъ съ цѣлью сдѣлать новые волосы мягче». Секстъ Помпей называлъ его женоподобнымъ, а извѣстно, что означало это слово въ Римѣ.

Однажды народъ съ восторгомъ примѣнилъ къ нему одинъ стихъ, который произнесенъ былъ на сценѣ театра и относился къ одному жрецу Кибеллы, игравшему на гусляхъ; стихъ этотъ означаетъ:

«Видишь, наложникъ царствуетъ надъ міромъ».

Впрочемъ, Октавій не только мужеложствовалъ: онъ, также какъ и его дядя, питалъ какую-то бѣшеную страсть къ замужнимъ женщинамъ и къ дѣвушкамъ, ad vitiandas virgines promtior. Вотъ что говоритъ объ этомъ Светоній: «Друзья Октавія постоянно подыскивали для него замужнихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ велѣлъ выставлять предъ собою нагими и въ такомъ видѣ разсматривалъ ихъ, какъ рабовъ, продаваемыхъ на рынкахъ въ Тораніи». По словамъ Дюфура, эти несчастныя жертвы императорскаго сластолюбія прежде, чѣмъ быть

*) Светоній. Жизнь двѣнадцати Цезарей. Гл. LXVIII и слѣд.

выбранными и одобренными, должны были выполнить рядъ капризовъ Октавія; послѣдній съ любопытствомъ разглядывалъ самыя сокровенныя подробности ихъ красоты. Въ этомъ смыслѣ комментаторы истолковали слова «conditiones quaesitas», которыя, историкъ прикрылъ, такъ сказать, прозрачной вуалью.

Вотъ еще эпизодъ, описанный Светоніемъ и Маркомъ Антоніемъ и обнаруживающій безнравственность и деспотическій нравъ Октавія: «Во время одного пиршества Октавій пригласилъ изъ столовой въ сосѣднюю комнату жену одного изъ своихъ приближенныхъ, несмотря на то, что мужъ ея былъ въ числѣ приглашенныхъ. Гости успѣли выпить много бокаловъ вина во славу цезаря прежде, чѣмъ она вернулась въ сопровожденіи Октавія; приэтомъ уши у нея горѣли и волосы были въ безпорядкѣ. Одинъ только мужъ какъ будто ничего не замѣчалъ». Въ слѣдующей главѣ Светоній продолжаетъ: «Много толковъ возбудилъ одинъ таинственный пиръ, который называли «пиромъ двѣнадцати божествъ»; гости на этомъ пиру были въ одеждахъ боговъ и богинь, а самъ Октавій изображалъ Аполлона». Антоній въ своихъ письмахъ, гдѣ онъ жестоко нападаетъ на императора, не побоялся назвать по имени всѣхъ, кто присутствовалъ на этомъ пиршествѣ. Этому же пиршеству нѣкій анонимный авторъ посвятилъ слѣдующее стихотвореніе:

Когда среди возмутительной брани и криковъ,
Осквернявшихъ великій и священный образъ Аполона
Цезарь и его друзья кощунственной игрою
Изображали радости и грѣхи боговъ;

Всѣ боги, покровители Рима и Италіи,
Отвратили свой взоръ отъ этой гнусной картины людей;
И великій Юпитеръ въ гнѣвѣ сошелъ
Съ того трона, на которомъ сидѣлъ со временъ Ромула.

Таковъ былъ Октавій Августъ, лицемѣрный авторъ закона о прелюбодѣяніи и вмѣстѣ съ тѣмъ любовникъ — кровосмѣситель своей дочери Юліи.

Тиверій.—О его развратномъ образѣ жизни Светоній говоритъ *): «Онъ создалъ новое учрежденіе, которое можно было бы назвать «Управленіемъ по дѣламъ сладострастія». Во главѣ его онъ поставилъ римскаго всадника Казонія Приска. Novum officium instituit, a voluptatibus, praeposito equito romano Tito Caesonio Prisco.

«Въ Капре, гдѣ онъ любилъ уединяться, было нѣсколько мѣстъ, предназначенныхъ для удовлетворенія его развратныхъ вожделѣній: здѣсь молодыя дѣвушки и юноши изображали отвратительныя страсти, которыя онъ называлъ Spintria; они образовывали другъ съ другомъ тройную цѣпь и обнявшись такимъ образомъ, совокуплялись на его глазахъ; зрѣлище это имѣло цѣлью подогрѣть потухавшія страсти старика. Нѣкоторыя комнаты въ его дворцѣ были украшены рисунками самаго похотливаго свойства; рядомъ съ ними лежали книги Элефантиды *); такимъ образомъ все въ этой комнатѣ поучало и давало примѣры наслажденій, ne cui in opera edenda exemplar imperatae schemae deesset.

*) Гл. XLIII, XLIV и XLV.
*) Алоиза древности. Отъ нея сохранились только цитаты у Марціала и въ «Приапейяхъ».

«Но въ своемъ безстыдствѣ онъ заходилъ и еще дальше, такъ далеко, что повѣрить этому такъ-же трудно какъ и писать объ этомъ. Говорятъ, что онъ пріучилъ маленькихъ дѣтей, которыхъ онъ называлъ своими маленькими рыбками, играть между его ногами, когда онъ купался въ ваннѣ, кусать его и сосать; этотъ родъ наслажденія всего болѣе соотвѣтствовалъ его возрасту и наклонностямъ.

«Существуетъ также преданіе, что во время одного жертвоприношенія онъ внезапно прельстился красотой юноши, курившаго ѳиміамъ; съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ конца церемоніи и лишь только оно кончилось, онъ изнасиловалъ этого юношу, а также его брата, игравшаго на флейтѣ; затѣмъ онъ велѣлъ перебить имъ ноги за то, что они жаловались на нанесенное имъ безчестіе. Онъ велѣлъ умертвить Маллонію, публично назвавшую его отвратительнымъ старикомъ, odscenitatae oris hirsuto atque olido seni clare exprobata».

Въ Ателланахъ *) изображена была гнусная картина стараго козла, лижущаго козу, hircum vetulum capris naturam ligurire; подъ козломъ подразумѣвается Тиверій. Эта картина вызывала всеобщее одобреніе.

Исторія съ полнымъ основаніемъ заклеймила и Помпонія Флакка, Секста Галла и многихъ другихъ, съ которыми мужеложствовалъ Тиверій во время своихъ знаменитыхъ ночныхъ оргій; оргіи эти происходили въ присутствіи прислуживавшихъ имъ нагихъ дѣвушекъ, nudis puellis ministrantibus.

*) Непристойныя сатиры похотливаго свойства, исполнявшіяся въ Ателлѣ.

Калигула. Имѣлъ, по словамъ Светонія, продолжительную преступную связь со всѣми своими сестрами, которыхъ онъ затѣмъ предоставилъ своимъ любовникамъ. Cum omnibus sororibus suis stupri consuetudinem fecit. Онъ былъ такъ же порочень въ своихъ бракахъ, какъ и въ разводахъ. Это былъ одновременно и развращенный и развратитель. Онъ горѣлъ позорной любовью къ Марку Лепиду, къ шуту Мнестеру и къ нѣкоторымъ изъ заложниковъ. Валерій Катулъ, молодой человѣкъ изъ консульской семьи, обвинилъ Калигулу въ цѣломъ рядѣ насилій надъ нимъ, вслѣдствіе которыхъ у него появилась боль въ бокахъ. Valerius Catullus consulari familia juvenis stupratum a se, ac latera sibi contubernio ejus defessa etiam vociferatus est. Не говоря уже о его гнусной связи съ сестрами и съ куртизанкой Пираллидой, онъ вообще не питалъ ни малѣйшаго уваженія къ женщинамъ даже самыхъ высокихъ качествъ. Онъ приглашалъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ мужьями ужинать и заставлялъ ихъ проходить передъ нимъ, какъ на смотру; при этомъ онъ разглядывалъ женщинъ съ внимательностью работорговца и по временамъ приподнималъ имъ голову за подбородокъ, когда они отъ стыда опускали ее. Ту, которая ему нравилась, онъ уводилъ въ сосѣднюю комнату; возвратившись оттуда съ еще свѣжими слѣдами разврата, онъ громко расхваливалъ ея прелести, или порицалъ недостатки, въ которыхъ только что имѣлъ случай удостовѣриться.

Каллигула ѣлъ и спалъ въ конюшнѣ съ молодыми конюхами; одному изъ нихъ, Цитику, онъ послѣ одного пиршества далъ два милліона сестерій за то, что тотъ сумѣлъ ему понравиться.

Свой дворецъ онъ превратилъ въ публичный и игорный домъ и старался привлечь туда высшую римскую аристократію, чтобы выманить у нея деньги и пріобщить ее къ своему грязному разврату.

Ему обязанъ Римъ установленіемъ налога на проституцію; всѣ публичныя женщины и вообще всѣ, занимавшіяся проституціей за деньги, должны были платить налогъ (Vectigal) въ суммѣ одной восьмой части дневного заработка (ex capturis). (Светоній).

Клавдій—слабоумный супругъ Мессалины, извѣстной своими любовными связями съ погонщиками муловъ изъ Субура (кварталъ въ Римѣ). Имѣлъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество передъ своими предшественниками, что не развратничалъ съ шутами, а его половыя излишества носили чисто физіологическій характеръ. Светоній отдаетъ ему справедливость въ этомъ отношеніи, говоря въ своей исторіи слѣдующее: «Libidinis in feminas profusissimae, marium omnino expers». Любовный пылъ его къ женщинамъ дѣйствительно доходилъ до излишества, но зато онъ не имѣлъ никакихъ связей съ мужчинами. Такое исключительное явленіе заслуживало быть упомянутымъ.

Неронъ.—Когда друзья Домиціана, отца Нерона, поздравляли его съ рожденіемъ сына, онъ отвѣтилъ: «Отъ меня и отъ Агриппины можетъ родиться только чудовище, только поношеніе человѣчества, quidquam ex se et Agrippina nisi detestabile et malo publico nasci potuisse. Пророчество это оказалось вѣрнымъ. Предоставимъ

однако, слово Светонію, историку цезарей: «Кромѣ многочисленныхъ преступныхъ связей съ свободорожденными мужчинами и всякихъ прелюбодѣяній, онъ изнасиловалъ весталку по имени Рубрія. Сдѣлавъ евнухомъ юношу по имени Споръ, онъ затѣмъ женился на немъ, устроивъ самый торжественный обрядъ вѣнчанія. «Puerum Sporum, exsectis testibus, etiam in muliebrem naturam transfigurare conatus est: cum dote et flammeo per solemni nuptiarum celeberrimo officio deductum ad se pro uxore habuit» *).

Онъ нарядилъ Спора въ одежду царицы и сопровождалъ его на носилкахъ; такимъ образомъ они посѣщали собранія и рынки въ Греціи, а также различные кварталы Рима; во время этихъ прогулокъ Неронъ отъ времени до времени цѣловалъ Спора, identidem exosculans. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ хотѣлъ сдѣлать своей любовницей собственную мать, но этому помѣшали враги Агриппины изъ боязни, чтобы эта властолюбивая и жестокая женщина не употребила во зло этотъ новый видъ любви. Тонъ взялъ себѣ въ наложницы куртизанку, очень похожую на Агриппину; увѣряютъ даже, что всякій разъ, какъ онъ ѣздилъ на носилкахъ со своею матерью, на его одеждѣ замѣчали слѣды поллюцій, libidinatum incesta ac maculis vestis proditum offirmant.

Онъ развратничалъ до такой степени, что у него не осталось ни одной неоскверненной части тѣла. Suam quidem pudicitiam usque adeo prostituit, ut, contaminatis pene omnibus membris.

*) Светоній, жизнь Нерона, гл. XXVIII.

Онъ выдумалъ новую игру, состоявшую въ слѣдующемъ: одѣвшись въ звѣриную шкуру, онъ изъ ложи бросался на мужчинъ и женщинъ, привязанныхъ къ стойкамъ и представлявшихъ добычу его страстей; удовлетворивъ послѣднія, онъ самъ становился добычей своего вольноотпущенника Дорифора, на которомъ въ свое время женился, какъ на Спорѣ. Conficeretur a Doryphoro liberto; cui etiam, sicut ipsi Sporus, ita ipse denupsit. Мужеложствуя съ упомянутымъ Дорифоромъ, Неронъ кричалъ, желая изобразить страданія дѣвушекъ, когда ихъ лишаютъ невинности. Voces quoque et ejulatus vim patientium virginum imitatus. Лица, знавшія Нерона, разсказывали мнѣ, прибавляетъ Светоній, что онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что ни одинъ человѣкъ ни въ одной части своего тѣла не можетъ быть невиненъ и что большинство людей умѣетъ лишь скрывать свои пороки; поэтому онъ все прощалъ тѣмъ, кто признавался въ своихъ грѣхахъ. Не было рѣшительно ничего, что могло бы обезопасить отъ его похотливыхъ преслѣдованій; онъ изнасиловалъ молодого Аула Плавція передъ тѣмъ, какъ отправить его на казнь. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ насадителей разврата въ Римѣ, въ частности разврата римскихъ матронъ. Онъ презиралъ всѣ культы, кромѣ культа Изиды, богини Сирійской...

Исторія произнесла справедливый приговоръ надъ императоромъ Нерономъ Клавдіемъ Аенобарбомъ!

Гальба.—Однимъ изъ его пороковъ была педерастія; при этомъ онъ предпочиталъ не нѣжныхъ юношей, а мужчинъ зрѣлаго воз-

раста. Libidinis in mares pronior, et eos nonnisi praeduros, exoletosque. (Светоній).

Когда Ицелъ, одинъ изъ прежнихъ его любовниковъ, прибылъ въ Испанію чтобы сообщить ему о смерти Нерона, Гальба сталъ при всѣхъ самымъ неистовымъ образомъ обниматься съ нимъ, поцѣловалъ, приказалъ остричь ему волосы и возстановилъ его въ его прежнихъ обязанностяхъ.

Оттонъ. Вителлій. — Послѣ Оттона, публично совершавшаго мистеріи Изиды въ теченіе всего своего недолгаго царствованія, императоромъ римскимъ сталъ Вителлій. Дѣтство и раннюю юность онъ провелъ въ Капрѣ, служа прихотямъ Тиверія, что послужило первой причиной возвышенія его отца: съ этого времени онъ получилъ прозвище Spintria, сохранившееся за нимъ и впослѣдствіи; прозвище это выдумалъ Тиверій для обозначенія одного изъ наиболѣе чудовищныхъ видовъ разврата.

Царствованіе его было царствованіемъ шутовъ, конюховъ, а въ особенности одного вольноотпущенника Азіатика. Послѣдній уже съ ранней молодости былъ связанъ съ Вителліемъ узами взаимной педерастіи. Hunc adolescentulem mutua libidine constupratum. Однажды Азіатикъ почувствовалъ отвращеніе къ Вителлія и покинулъ его. Впослѣдствіи Вителлій снова отыскалъ его въ Пузоллѣ и велѣлъ заковать въ кандалы; но потомъ освободилъ его и возобновилъ съ нимъ свою связь. Сдѣлавшись императоромъ, онъ однажды публично за столомъ положилъ передъ Азіатикомъ золотое кольцо—знакъ всадническаго достоинства.

Коммодъ—Былъ такъ же развратенъ и преступенъ, какъ Калигула и Неронъ. Историкъ Лампридъ пишетъ, что онъ былъ «безстыденъ, золъ, жестокъ, сластолюбивъ и осквернялъ даже свой ротъ». Turpis, improbus, crudelis, libidinosus, ore quoque pollutus, constupratus fuit. Онъ устроилъ изъ своего дворца домъ разврата и привлекалъ туда самыхъ красивыхъ и молодыхъ женщинъ, которыя становились какъ бы рабынями публичнаго дома и служили ему средствомъ для удовлетворенія самыхъ грязныхъ вожделѣній. Popinas et ganeas in palatinis semper aedibus fecit; mulierculas formae scitioris, ut prostibula mancipia lupanarium, ad ludibrium pudicitiae contraxit. Онъ жилъ съ шутами и съ публичными женщинами; онъ посѣщалъ дома разврата, и тамъ, одѣтый въ костюмъ евнуха, разносилъ по комнатамъ воду и прохладительные напитки.

Рядомъ съ нимъ въ колесницѣ, на которой онъ впервые въѣхалъ въ Римъ, сидѣлъ его любовникъ, омерзительный Антеръ, котораго онъ осыпалъ самыми грязными ласками. Съ этимъ Антеромъ Коммодъ имѣлъ обыкновеніе проводить часть ночи въ притонахъ Рима, откуда выходилъ всегда въ пьяномъ видѣ.

Въ своемъ дворцѣ онъ содержалъ нѣсколько сотъ женщинъ, среди которыхъ были и матроны и проститутки; онъ имѣлъ кромѣ того много наложницъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества; всѣ онѣ были предназначены для удовлетворенія его грязныхъ страстей. Ежедневно мужчины и женщины приглашались въ качествѣ гостей къ его столу и на его императорскія оргіи. То онъ приказывалъ своимъ наложницамъ предаваться от-

вратительному виду разврата—сафизму; то устраивалъ себѣ жилище общаго совокупленія представителей обоихъ половъ. Ipsas concubinas suas sub oculis suis stuprari jibebat; nec irruentium in se iuvenum carebat infamia, omni parte corporis atque ore in sexum utrumque pollutus. Онъ осквернялъ всѣхъ, кто только находился при немъ, и самъ осквернялся всѣми, omne genus hominum infamavit quod erat secum et ab omnibus est infamatus. Особенно любилъ онъ развратничать съ однимъ вольноотпущенникомъ, получившимъ имя Onon'а въ силу нѣкоторыхъ физическихъ особенностей, дѣлавшихъ его похожимъ на осла.

До того, какъ онъ началъ развратничать со своими презрѣнными любимцами, онъ изнасиловалъ своихъ сестеръ и родственниковъ и жалѣлъ, что ему не удалось сдѣлать того же со своею матерью.

По словамъ Иродіана, Коммодъ не былъ въ состояніи долго вести такую развратную жизнь; онъ нажилъ болѣзнь, выразившуюся въ большихъ опухоляхъ въ паху и многочисленныхъ красныхъ пятнахъ на лицѣ и на глазахъ: случай заболѣванія сифилисомъ, вызваннаго половыми эксцессами и противуестественными привычками.

Геліогабалъ.—Это было воплощеніе пороковъ и противуестественнаго безумія. Онъ облачался въ женскія одежды, увѣшивалъ себя драгоцѣнностями и полагалъ свою славу въ томъ, что отдавался рѣшительно каждому, приходившему къ нему. Онъ былъ достойнымъ сыномъ куртизанки Семіамиры и Каракаллы. Онъ заставлялъ искать по всей Имперіи такихъ мужчинъ, у которыхъ выдающіяся физи-

ческія качества соединялись бы съ сладострастіемъ куртизанки. На цирковыхъ играхъ онъ выбиралъ наиболѣе крупныхъ гладіаторовъ, чтобы сдѣлать ихъ соучастниками своихъ гнусностей. Тамъ же въ циркѣ онъ однажды обратилъ вниманіе на нѣсколькихъ конюховъ, которыхъ онъ заставилъ принять участіе въ его грязныхъ пирахъ; къ одному изъ этихъ конюховъ, Гіероклу, онъ питалъ такую страсть, что публично дарилъ ему самыя омерзительныя ласки. Hieroclem vero sic amavit ut eidem osculaetur inguina.

Чтобы имѣть возможность выбирать себѣ любовниковъ, обладавшихъ привлекательными для него качествами, ut ex eo conditiones bene vastatorum hominum colligeret, онъ устроилъ въ своемъ дворцѣ общественныя бани, гдѣ купался со всѣмъ населеніемъ Рима. Съ этой же цѣлью онъ ежедневно посѣщалъ всѣ дома терпимости, набережныя Тибра и переулки.

Людей, обладавшихъ огромными половыми органами, онъ возвышалъ до наиболѣе высокихъ чиновъ. Commendabos sibi pudibilium enormitate membrorum.

Однажды онъ встрѣтилъ раба гигантскаго роста, обладавшаго атлетическими формами. Онъ увлекъ его за собой, несмотря на то, что рабъ еще былъ покрытъ дорожной пылью, и тотчасъ-же водворилъ его въ своей спальнѣ.

На слѣдующій день онъ торжественно отпраздновалъ свадьбу. Вотъ что говоритъ объ этомъ историкъ Кассій: «Геліогабалъ заставлялъ своего мужа дурно съ нимъ обращаться, ругать его и бить съ такой силой, что на его лицѣ часто оставались слѣды полученныхъ ударовъ. Любовь Геліогабала къ этому рабу

не была слабымъ и временнымъ увлеченіемъ; наоборотъ, онъ питалъ къ нему такую сильную и постоянную страсть, что вмѣсто того, чтобы сердиться на него за побои и грубости, онъ еще нѣжнѣе ласкалъ его. Онъ хотѣлъ провозгласить его Цезаремъ, но мать и дѣдъ его воспротивились этому распутному и сумасшедшему намѣренію».

Но этотъ рабъ не былъ единственнымъ, кого императоръ выдѣлялъ изъ общаго числа своихъ любовниковъ. Онъ имѣлъ соперника въ лицѣ повара Аврелія Зотика, которому Геліогабалъ далъ высокое придворное званіе только потому, что ему заочно восхваляли его физическія достоинства. «Когда Аврелій впервые появился во дворцѣ,—пишетъ Кассій,—Геліогабалъ бросился къ нему навстрѣчу съ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ волненія; Аврелій, привѣтствуя, по обычаю назвалъ его императоромъ и господиномъ; тогда Геліогабалъ повернулъ къ нему голову, бросилъ ему сладострастный взглядъ и съ нѣжностью, свойственной женщинамъ, сказалъ: «Не называй меня господиномъ, вѣдь я женщина!» Онъ увлекъ его съ собой въ баню и тамъ убѣдился, что разсказы о его удивительныхъ физическихъ достоинствахъ не преувеличены; вечеромъ онъ ужиналъ въ его объятіяхъ, какъ его „любовница“.

Многое можно было бы еще разсказать объ этомъ порочномъ первосвященникѣ Солнца, о его сношеніяхъ съ жрецами Кибелы (богиня земли) и съ представителями мужской и женской проституціи. Но и сказаннаго болѣе чѣмъ достаточно, и мы этимъ заканчиваемъ исторію разврата Цезарей и другихъ

тирановъ древняго Рима; пусть читатель самъ представитъ себѣ, какъ низко долженъ былъ пасть народъ, имѣвшій подобныхъ властителей.

Изъ картины гнусностей римскихъ императоровъ можно сдѣлать нѣкоторые выводы, а именно: можно съ увѣренностью сказать, что нравы государей имѣли сильное вліяніе на нравы подвластныхъ имъ народовъ, развращенность аристократіи оказала гибельное вліяніе на низшіе общественные слои, а придворная проституція своимъ примѣромъ несомнѣнно заражала всѣ слои общества.

Ученый Бартелеми выражаетъ эту мысль въ своемъ «Вступленіи къ путешествію по Греціи»: «Чѣмъ ниже падаютъ люди, стоящіе во главѣ государства, тѣмъ глубже вліяніе, оказываемое ихъ паденіемъ. Развращенность низшихъ слоевъ легко устранима и усиливается только вслѣдствіе невѣжества, потому что развращенность не передается отъ одного класса общества къ другому; но когда она проникаетъ въ сферу носителей власти, она устремляется оттуда внизъ и въ этомъ случаѣ ея дѣйствіе гораздо сильнѣе чѣмъ дѣйствіе законовъ; можно смѣло сказать, что нравы всего народа зависятъ единственно отъ нравовъ правителей его *).

По этой именно причинѣ во всѣ эпохи и у всѣхъ народностей самодержавіе было причиной величія и славы, но оно же подавало примѣръ моральной распущенности и способствовало развитію проституціи. Но иначе и быть не могло, когда человѣку, воспитан-

*) Анахарсисъ, стр. 272.

ному въ лести, вручалась власть правителя, которая позволяла ему по собственному капризу раздавать милости, богатства и оказывать предпочтеніе, когда къ трону и алькову правителей приближали видныхъ куртизанокъ, бывшихъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбивой придворной знати.

Но ученые не всегда считали этихъ опасныхъ и жестокихъ сатировъ отвѣтственными за то, что они дѣлали. До нѣкоторой степени ихъ психологія дѣйствительно носитъ болѣзненной характеръ, и сами эти люди подлежатъ вѣдѣнію судебной медицины. Подобно многимъ другимъ правителямъ и вельможамъ, какъ, напримѣръ, маршалу Жилль де Ретцъ или извѣстному маркизу де Садъ, они были подвержены жестокой формѣ болѣзненнаго половаго извращенія, основными признаками котораго Балль считаетъ: ненасытную половую страсть въ формѣ жестокости *), равнодушіе, съ которымъ винов-

*) Подобныя наклонности могутъ довести до каннибализма и антропофагіи. Одинъ германскій авторъ приводитъ случай съ человѣкомъ, у котораго половина груди была съѣдена одной страстной женщиной.

Пастухъ, по имени Andre Pichel, былъ привлеченъ къ суду за то, что изнасиловалъ, убилъ и разрѣзалъ на куски нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ. Онъ самъ разсказалъ суду о своемъ дѣяніи и добавилъ, что ощущаетъ часто желаніе оторвать кусокъ человѣческаго мяса и съѣсть его.

Одинъ виноградарь, 24 лѣтъ, внезапно покинулъ своихъ родителей подъ предлогомъ исканія работы. Пробродивъ восемь дней въ лѣсу, онъ встрѣтилъ маленькую дѣвочку, которую изнасиловалъ и затѣмъ убилъ; не удовольствовавшись ужаснымъ изувѣченіемъ ея половыхъ органовъ, онъ разорвалъ ей грудь и съѣлъ ея сердце. Эскироль,

ные не пытаются даже скрывать или отвергать свои гнусности и почти постоянно обнаруживаемыя при вскрытіяхъ поврежденія частей нервныхъ центровъ.

И дѣйствительно, чѣмъ инымъ, кромѣ импульсивнаго сумашествія и извращенія половаго инстинкта, можно объяснить жестокости этихъ людей, которые въ различныя историческія эпохи какъ бы совмѣщали въ себѣ половую извращенность цѣлыхъ народовъ? Жестокости Жилль де Лаваля де Ретцъ являются потрясающимъ примѣромъ этой господствовавшей въ XV вѣкѣ маніи пріапизма. Этотъ могущественный феодалъ, вернувшись послѣ французской кампаніи въ свой замокъ въ Бретани, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принесъ въ жертву своимъ противуестественнымъ страстямъ болѣе восьмисотъ дѣтей! За эти преступленія онъ былъ привлеченъ къ церковному суду Бретани. Онъ признался въ своихъ грѣхахъ и написалъ Карлу VII письмо, въ которомъ разсказываетъ свою исторію.

Это письмо—настоящее клиническое наблюденіе, и поэтому оно заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь:

«Я не знаю, пишетъ онъ,—но мнѣ кажется, что только мое собственное воображеніе заставило меня такъ дѣйствовать, для того, чтобы испытать удовольствіе и сладострастіе; и дѣйствительно, я испытывалъ насла-

производившій вскрытіе тѣла этого человѣка, констатировалъ прирощеніе мягкой мозговой оболочки къ мозговому веществу и признаки чего-то вродѣ воспаленія мозга. Въ другихъ случаяхъ подобнаго рода наблюдался и типичный менингитъ.

жденіе, безъ сомнѣнія, посылаемое мнѣ дьяволомъ. Восемь лѣтъ тому назадъ, мнѣ пришла въ голову эта дьявольская идея...

Случайно въ библіотекѣ дворца я нашелъ латинскую книгу, описывавшую жизнь и нравы римскихъ Цезарей; книга эта принадлежала перу историка и ученаго Светонія. Она была украшена многими, хорошо исполненными рисунками, изображавшими грѣхи этихъ языческихъ императоровъ. Я прочелъ въ ней, что Тиверій, Каракалла и друг. цезари забавлялись съ дѣтьми и что имъ доставляло удовольствіе мучить ихъ. Прочтя все это, я пожелалъ подражать этимъ цезарямъ и въ этотъ же вечеръ началъ этимъ заниматься, слѣдя по рисункамъ, бывшимъ въ книгѣ».

Онъ признается, что истреблялъ дѣтей, «воспламененный жаждой наслажденій»; дѣтей убивали его слуги, ножами или кинжалами перерѣзали имъ горло и отдѣляли голову отъ туловища, или же разбивали имъ головы ударами палокъ и другихъ предметовъ; не разъ онъ отрывалъ или приказывалъ отрывать у нихъ члены, чтобы найти внутренности, или привязывалъ ихъ къ желѣзному крюку, чтобы удавить ихъ и заставить умирать медленной смертью; когда они такимъ образомъ томились въ предсмертныхъ мученіяхъ, онъ насиловалъ ихъ и часто уже послѣ ихъ смерти наслаждался, смотря на красивыя головы этихъ дѣтей. Далѣе онъ продолжаетъ:

«Останки-же тѣлъ сжигались у меня въ комнатѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ наиболѣе красивыхъ головъ, которыя я сохранялъ какъ реликвіи. Я не могу въ точности ска-

зать, сколько дѣтей было такимъ образомъ убито, но думаю, что не менѣе 120 въ годъ. Часто я упрекаю себя и жалѣю, что шесть лѣтъ тому назадъ оставилъ службу вамъ, высокочтимый господинъ, потому что, оставаясь на службѣ, я не совершилъ бы столько злодѣяній; но я долженъ признаться, что былъ принужденъ удалиться въ свои владѣнія, вслѣдствіе странной, бѣшеной страсти и вожделѣнія, которое я почувствовалъ къ вашему дофину; страсти, которая однажды едва не заставила меня убить его, какъ я впослѣдствіи убивалъ маленькихъ дѣтей, подстрекаемый дьяволомъ. Я заклинаю васъ, мой грозный господинъ, не дать погибнуть вашему покорному камергеру и маршалу Франціи, который хочетъ путемъ искупленія своихъ грѣховъ спасти свою жизнь, вопреки правилу Кармы».

Несмотря на это письмо, онъ былъ осужденъ и сожженъ въ 1440 г. въ Нангѣ. Возможно, что въ данное время не рѣшились бы казнить подобное чудовище, признавъ его невмѣняемымъ. Судебная медицина и психіатрія съ теченіемъ времени все чаще беретъ подъ свою защиту людей развращенныхъ и извращенныхъ, считая ихъ подлежащими своей компетенціи.

Къ несчастію, коронованные безумцы не подлежатъ суду.

ЛЕГАЛЬНАЯ ПЕДЕРАСТІЯ.

Этруски, Самниты, а также жители Великой Греціи первые познали порокъ педерастіи и передали его римлянамъ. Не нужно удивляться, что послѣ позорныхъ оргій императоровъ мужчины и дѣти изъ низшихъ классовъ предавались проституціи и пассивно подчинялись грубымъ страстямъ развратнаго. Скоро въ домахъ разврата было удѣлено одинаковое количество комнатъ какъ для дѣвушекъ, такъ и для юношей.

Законъ допускалъ какъ продажную любовь куртизанокъ, такъ и педерестію и прочія противуестественныя отношенія. По закону налогъ взимался какъ съ женской проституціи, такъ и съ мужской. Но существовало единственное ограниченіе, согласно которому всѣ должны были щадить людей свободнорожденныхъ *), эти же послѣдніе имѣли полное право насиловать рабовъ, мужчинъ и мальчиковъ, не принадлежащихъ къ гражданамъ. Это ограниченіе предписывалось закономъ Скантинія, поводомъ къ изданію ко-

*) Дюпуи. Медицина и нравы Античнаго Рима по латинскимъ поэтамъ.

тораго послужила попытка изнасиловать сына патриція, Метелла.

Законъ предоставлялъ такимъ образомъ полную свободу посягательствъ гражданъ на несчастныхъ илотовъ римской цивилизаціи, и во многихъ аристократическихъ семьяхъ сыновья получали юнаго раба—наложника, съ которымъ они удовлетворяли свои зарождавшіяся страсти. «Эпиталама Юліи и Маллія», написанная Катулломъ *), даетъ замѣчательное изображеніе того безстыдства и нравственной распущенности, съ которой семьи патриціевъ обращались съ побѣжденными народностями, съ вольноотпущенными и вообще со всѣми несчастными, которые была ниже ихъ. Въ латинскомъ языкѣ появилось выраженіе pueri meritorii, служившее названіемъ дѣтей, предназначавшихся для мужской проституціи; достигнувъ извѣстнаго возраста, они получали названіе pathici, ephebi, gemelli. Пріученные съ дѣтства къ этому печальному ремеслу, для котораго, казалось, они были рождены, они завивали свои длинные волосы, лишали лицо растительности, опрыскивались духами и придавали своимъ манерамъ женственность. Изъ ихъ среды набирались шуты, танцоры и мимы, которые назывались cinoedi и по большей части подвергались кастраціи, произ-

*) Римлянинъ по имени Папирій былъ осужденъ за совершеніе акта педерастіи надъ свободорожденнымъ (ingenu) Публиціемъ; Публій почти также былъ осужденъ за аналогичное дѣяніе, совершенное имъ надъ другимъ ingenu. Моргусъ, военный трибун былъ осужденъ за то что не пощадилъ офицера легіона. Центуріонъ Корнелій былъ проведенъ сквозь строй за изнасилованіе гражданина своего круга.

водившаяся или цирюльниками, tonsores, или торговцами евнуховъ—mangones. Операцію эту дѣлали часто въ дѣтствѣ: ab ubere raptus puer, говоритъ Клавдій; тоже самое высказываетъ Марціалъ въ своихъ стихахъ:

Rapitur castrandus ab ipso
Ubere: suscipiunt matris post viscera poenoe.

Но иногда кастрація производилась въ зрѣломъ возрастѣ, ut mentulationes essent, чтобы предоставить римлянамъ, по выраженію Св. Іеронима, securas libidinationes (безопасное распутство).

Ювеналъ ясно говоритъ объ этомъ въ своей сатирѣ на женщинъ. Въ другой своей сатирѣ онъ замѣчаетъ, что жестокая власть тирана никогда не проявлялась на безобразныхъ дѣтяхъ: между патриціанскими юношами, которыхъ съ вожделѣніемъ преслѣдовалъ Неронъ, не было ни одного хромого, горбатаго, или золотушнаго.

«Nullus ephebum
Deformem soeva castravit, in arce tyrannus,
Nec proetextatum rapuit Nero loripedem, nec
Strumosum atque utero pariter gibboque tumentem».

Но евнухи этого рода служили не только женщинамъ, они привлекали къ себѣ и мужей педерастовъ, poedicones, о которыхъ сложилась пословица:

Inter faeminas viri et inter viros faeminae.

«Наконецъ, говоритъ Дюфуръ, чтобы хорошо понять привычку римлянъ къ этимъ ужасамъ, нужно помнить, что они хотѣли испытать съ мужчинами всѣ наслажденія, какъ могли доставить женщины, и кромѣ того еще и другія, особенныя наслажденія, ка-

кихъ этотъ полъ, закономъ природы предназначенный для служенія любви, не могъ дать имъ.

Каждый гражданинъ, независимо отъ благородства его характера или высокаго соціальнаго положенія, держалъ у себя въ домѣ на глазахъ родителей, жены и дѣтей гаремъ изъ молодыхъ рабовъ. Римъ былъ переполненъ педерастами, которые продавались такъ же, какъ и публичныя женщины, домами, предназначенными для этого рода проституціи, и сводниками, которые занимались тѣмъ, что съ большой для себя выгодой поставляли для гнусныхъ цѣлей толпы рабовъ и вольноотпущенниковъ".

Въ одной изъ главъ Сатирикона латинскій писатель *) даетъ намъ разительную картину нравовъ, которая является чрезвычайно интереснымъ документомъ для исторіи проституціи. Аскильтъ, разсказывая о почтенномъ старцѣ, котораго онъ встрѣтилъ ночью, бродя по Риму, говоритъ: „Едва приблизившись ко мнѣ, этотъ человѣкъ, держа въ рукѣ свой кошелекъ, предлагалъ мнѣ продать ему цѣною золота мое безчестье; старый развратникъ привлекалъ уже меня къ себѣ развратной рукой и, несмотря на силу моего сопротивленія... вы понимаете меня, мой другъ Эвкольпъ?" Во время разсказа Аскильта появляется старикъ, о которомъ онъ разсказывалъ, въ сопровожденіи довольно красивой женщины. Увидя Аскильта, онъ говоритъ ему:—Въ этой комнатѣ насъ ждетъ наслажденіе; будетъ борьба, вы увидите, какъ это пріятно; выборъ

*) Петроній, Сатириконъ, гл. VIII.

роли зависитъ отъ васъ". Молодая женщина также уговаривала его пойти съ ними." Мы всѣ дали себя уговорить и, слѣдуя за нашими проводниками, прошли черезъ рядъ залъ, въ которыхъ разыгрывались самыя похотливыя сцены сладострастія.

Люди боролись, и боролись съ такой яростью, что казались опьяненными сатирикономъ. При нашемъ появленіи они усилили свои сладострастныя движенія, чтобы вызвать въ насъ желаніе подражать имъ.

Вдругъ одинъ изъ нихъ, поднявъ до пояса одежды, бросается на Аскильта и поваливъ его на сосѣднюю кровать, пытается изнасиловать. Я бросаюсь на помощь несчастному, и совмѣстными усиліями намъ удается отразить это грубое нападеніе.

Аскильтъ бѣжитъ къ двери и скрывается, а я одинъ начинаю бороться съ этими необузданными развратниками; но перевѣсъ силы и храбрости на моей сторонѣ, и я, отразивъ новое нападеніе, остаюсь цѣлымъ и невредимымъ".

Такова картина распущенности римскихъ нравовъ, начертанная любимцемъ Нерона—Петроніемъ—Arbiter elegantiarum, то-есть завѣдывавшимъ развлеченіями Нерона.

Если легкомысленный, но все же правдивый авторъ Сатирикона, сладострастный придворный, бывшій божкомъ развращеннаго двора, могъ намъ дать подобную картину эротическаго неистовства своихъ согражданъ, то можно съ увѣренностью сказать, что Ювеналъ (вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ моралистовъ) не перешелъ границъ правды въ своихъ безсмертныхъ сатирахъ.

Отнюдь не желая оправдывать института легализированной проституціи, мы вправѣ спросить себя, до чего бы дошли эти люди временъ Имперіи для удовлетворенія своихъ циничныхъ страстей, не будь проституціи?

Но эти страсти удовлетворялись не только съ помощью cinaedes и pathici; самый утонченный развратъ служилъ для удовлетворенія похоти мужчинъ и женщинъ.

Римлянамъ даже болѣе, чѣмъ грекамъ, передались пороки Финикіи и Лесбоса—irrumare, fellare и cunnilingere. Нужно прочесть эпиграммы Марціала и Катулла, жизнеописаніе Цезаря и главнымъ образомъ, Тиверія, чтобы получить полное историческое освѣщеніе этого вопроса, которое подтверждаютъ намъ гравюры, картины и скульптура, сохранившіяся отъ латинской цивилизаціи, какъ живые памятники проституціи временъ Римской Имперіи.

Къ описаніямъ, даннымъ нами въ трудѣ „Медицина и нравы античнаго Рима, по латинскимъ поэтамъ", мы ничего не можемъ болѣе добавить.

Отмѣтимъ еще, впрочемъ, что эти пороки были занесены въ Грецію финикіянами, а въ Италію перешли изъ Сиріи *), какъ говоритъ поэтъ Озонъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ.

---

*) Сирія была постояннымъ очагомъ проказы и lues venera. (Озонъ. Эпиграмма 128).

РАСПУЩЕННОСТЬ НРАВОВЪ ВЪ РИМСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Свидѣтельства историковъ, писавшихъ о проституціи, дали поводъ Шатобріану написать краснорѣчивую главу о нравахъ древнихъ народовъ *). Онъ показалъ намъ римлянъ, во всей ихъ развращенности:

Impios infamia turpississima,

какъ энергично выражается латинскій писатель **). Далѣе онъ добавляетъ: «Были цѣлые города, всецѣло посвященные проституціи. Надписи, сдѣланныя на дверяхъ домовъ разврата и множество непристойныхъ изображеній и фигурокъ, найденныхъ въ Помпеѣ, заставляютъ думать, что Помпея была именно такимъ городомъ. Въ этомъ Содомѣ были, конечно и философы, размышлявшіе о природѣ божества и о человѣкѣ. Но ихъ сочиненія больше пострадали отъ пепла Везувія, нежели мѣдныя гравюры Портичи. Цензоръ Катонъ восхвалялъ юношей, предавшихся порокамъ, воспѣтымъ поэтами. Во время пиршества въ залахъ всегда стояли убранныя ложа, на которыхъ несчастныя дѣти ожидали

*) Шатобріанъ. Историческіе этюды.
**) Philo, de proemis et poeni.s

окончанія пиршества и слѣдовавшаго за нимъ безчестія.

Transeo puerorum infelicium greges quos post transacta convivia aliae cubiculi contumeliae exspectant*)».

Историкъ IV вѣка Амміенъ Марцелинъ, **), нарисовавъ вѣрную картину римскихъ нравовъ, показываетъ, до какой степени безстыдства дошли они. Говоря о потомкахъ наиболѣе знаменитыхъ и прославленныхъ родовъ, онъ пишетъ:

«Возлежа на высокихъ колесницахъ, они обливаются потомъ подъ тижестью одеждъ, которыя, впрочемъ, настолько легки, что вѣтеръ приподымаетъ ихъ. Они часто приподымаютъ бахрому и открываютъ тунику, на которой вышиты фигуры всевозможныхъ животныхъ. Чужеземцы! Идите къ нимъ; они забросаютъ васъ разспросами и ласками. Они объѣзжаютъ улицы, сопровождаемые рабами и шутами... Впереди этихъ праздныхъ семей выступаютъ закопченные дымомъ повара, за ними слѣдуютъ рабы и прихлебатели; шествіе замыкаютъ отвратительные евнухи старые и молодые, съ блѣдными и багровыми лицами. «Когда раба посылаютъ справиться о чьемъ нибудь здоровьѣ, онъ не имѣетъ права войти въ жилище, не обмывшись съ головы до ногъ. Ночью единственнымъ убѣжищемъ для черни служатъ таверны или протянутыя надъ мѣстами зрѣлищъ полотна; чернь проводитъ время въ азартныхъ играхъ въ кости или дико забавляется, издавая носомъ оглушительные звуки.

«Богачи отправляются въ баню, покрытые

*) Senec. epist. 95.
**) Ammien Marcellin (Rerum gestarum libri).

шелкомъ и сопровождаемые пятьюдесятью рабами. Едва войдя въ комнату для омовеній, они кричатъ: «Гдѣ же мои прислужники?» Если здѣсь случайно находится какая-нибудь старуха, въ былое время торговавшая своимъ тѣломъ, они бѣгутъ къ ней и пристаютъ со своими грязными ласками. Вотъ вамъ люди, предки которыхъ объявили порицаніе сенатору, поцѣловавшему свою жену въ присутствіи дочери!

Отправляясь въ лѣтнюю резиденцію или на охоту, или переѣзжая въ жаркія погоды изъ Путеолъ въ Кайетту въ свои разукрашенные шалаши, они обставляютъ свои путешествія такъ же, какъ нѣкогда обставляли ихъ Цезарь и Александръ. Муха, сѣвшая на бахрому ихъ позолоченнаго опахала, или лучъ солнца, проникшій сквозь отверстіе въ ихъ зонтикѣ, способны привести ихъ въ отчаяніе. Цинцинатъ пересталъ бы считаться бѣднякомъ, если бы, оставивъ диктаторство, сталъ обрабатывать свои поля, столь же обширныя, какъ пространства, занятыя однимъ лишь дворцомъ его потомковъ.

Весь народъ не лучше сенаторовъ; онъ не носитъ сандалій на ногахъ и любитъ носить громкія имена; народъ пьянствуетъ, играетъ въ карты и погружается въ развратъ: циркъ— это его домъ, его храмъ и форумъ. Старики клянутся своими морщинами и сѣдинами, что республика погибнетъ, если такой-то наѣздникъ не придетъ первымъ, ловко взявъ препятствіе. Привлеченные запахомъ явствъ, эти властители міра бросаются въ столовую своихъ хозяевъ, вслѣдъ за женщинами, кричащими, какъ голодные павлины».

Схоластикъ Сократъ (учитель краснорѣчія), котораго цитируетъ Шатобріанъ, говоритъ, что распушенность римской полиціи не поддается описанію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ событіе, случившееся въ царствованіе Ѳеодосія: императоры воздвигли огромныя зданія, въ которыхъ находились мельницы, моловшія муку, и печи, въ которыхъ пекли хлѣбъ, предназначенный для раздачи народу. И вотъ множество кабаковъ открылось около этихъ зданій; публичныя женщины завлекали сюда прохожихъ; едва переступивъ порогъ, эти жертвы проваливались черезъ люкъ въ подземелья. Они были обречены до конца дней своихъ оставаться въ этихъ подземельяхъ и вращать жернова; родные этихъ несчастныхъ никогда не могли узнать, куда они исчезли. Одинъ изъ солдатъ Ѳеодосія, попавши въ эту западню, съ кинжаломъ бросился на своихъ тюремщиковъ, убилъ ихъ и убѣжалъ изъ этого плѣна. Ѳеодосій повелѣлъ срыть до основанія зданія, въ которыхъ скрывались эти вертепы; онъ уничтожилъ также дома терпимости, предназначенные для замужнихъ женщинъ.

Сальвіанъ говоритъ, что нѣтъ такой кары, которой бы не заслуживали римляне.

«Обжорство и распутство господствуютъ вездѣ»—говоритъ онъ,—«Законныя жены вынуждены находиться среди наложницъ; хозяева пользуются своей властью, чтобы заставить своихъ рабовъ удовлетворять ихъ желанія *).

*) Законъ о рабствѣ, давая частнымъ лицамъ возможность удовлетворять свои разнообразныя желанія не выходя изъ своего дома, былъ причиной, вызвавшей проституцію, потому что распущенность слугъ проникла въ общество и заразила его (Сабатье).

Гнусность царитъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ дѣвушки не могутъ болѣе оставаться непорочными. Повсюду въ городахъ множество притоновъ разврата, посѣщаемыхъ одинаково часто какъ женщинами изъ общества, такъ и женщинами легкаго поведенія. Онѣ смотрятъ на этотъ развратъ, какъ на одну изъ привиллегій своего происхожденія, и равно хвастаютъ какъ своей знатностью, такъ и непристойностью своего поведенія. Дѣвушки-рабыни массами продаются въ жертву разврату. Законы рабства содѣйствуютъ этой гнусной торговлѣ, совершающейся почти открыто на рынкахъ.

Проституція гетеръ и куртизанокъ вносила деморализацію въ семью. Знатныя куртизанки привлекали къ себѣ отцовъ семействъ, и законнымъ женамъ часто приходилось жертвовать честью, чтобы состязаться со своими соперницами въ достиженіи кратковременной благосклонности мужей. Онѣ считаютъ особымъ счастьемъ отнять у своихъ соперницъ хоть частицу того ѳиміама и тѣхъ ласкъ, которыми ихъ мужья осыпаютъ своихъ любовницъ; съ этой цѣлью матроны, подобно meretrices, появляются на священныхъ дорогахъ. Матроны мечтаютъ о томъ, чтобы имѣть такія же носилки, возлежать на такихъ же богатыхъ подушкахъ и быть окруженными такимъ же блестящимъ штатомъ слугъ, какъ и куртизанки. Онѣ перенимаютъ ихъ моды, подражаютъ ихъ экстравагантнымъ туалетамъ и, главное, тоже хотятъ обзавестись любовниками изъ какого угодно слоя общества, какой угодно профессіи: патрицій или плебей, поэтъ или крестьянинъ, свободный или рабъ — все равно. Говоря коротко, гетеры и куртизанки создаютъ проституцію матронъ. Валькнеръ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Прислужницы, сопровождавшія жалкія носилки, на которыхъ онѣ возлежали въ самыхъ непристойныхъ позахъ, удалялись, какъ только къ носилкамъ приближались женоподобные юноши, effeminati. Пальцы этихъ юношей сплошь унизаны кольцами, тоги изящно задраппированы, волосы расчесаны и надушены, а лицо испещрено маленькими черными мушками, тѣми самыми, при помощи которыхъ и наши дамы стараются придать своему лицу пикантность. Здѣсь же иногда можно было встрѣтить гордыхъ своей силой мужчинъ, старавшихся костюмомъ подчеркнуть свое атлетическое тѣлосложеніе. Ихъ быстрая и воинственная походка представляла собой полный контрастъ съ чопорнымъ видомъ, медленными, размѣренными шагами, съ которыми выступали эти юнцы, которые, рисуясь своими тщательно завитыми волосами и накрашенными щеками, бросаютъ вокругъ себя сладострастные взгляды. Къ этимъ двумъ видамъ гуляющихъ принадлежали чаще всего либо гліадіаторы, либо рабы. Женщины знатнаго происхожденія иногда выбирали себѣ любовниковъ именно изъ этихъ низшихъ классовъ общества, тогда какъ молодыя и прекрасныя ихъ соперницы отказывали мужчинамъ своего круга, уступая исключительно знати изъ сенаторовъ».

Дѣйствительно, знатныя римлянки выбирали себѣ любовниковъ чаще всего изъ шутовъ, гладіаторовъ и комедіантовъ. Въ своей 6-й сатирѣ Ювеналъ описалъ исторію этой постыдной проституціи, о чемъ мы, впрочемъ, уже упоминали въ нашемъ трудѣ «Медицина

и нравы древняго Рима». Не щадятъ римлянокъ и злыя эпиграммы древнихъ поэтовъ. У Петронія онѣ изображены въ такомъ же видѣ: онѣ ищутъ объекта для своей любви исключительно среди подонковъ общества, такъ какъ страсти ихъ вспыхиваютъ только при видѣ рабовъ или слугъ въ подобранныхъ платьяхъ. Другія безъ ума отъ гладіатора, запыленнаго погонщика муловъ или гримасничающаго на сценѣ шута. «Моя любовница, говоритъ Петроній, изъ числа именно такихъ женщинъ. Она въ сенатѣ совершенно равнодушно проходитъ мимо первыхъ четырнадцати рядовъ скамеекъ, на которыхъ сидятъ всадники, и подымается въ самые верхніе ряды амфитеатра, чтобы среди черни найти предметъ для удовлетворенія своей страсти.

Когда азіатскіе нравы особенно сильно распространились среди римскаго общества, римскія женщины стали руководиться принципомъ Аристипа: Vivamus, dum licet esse, bene. Единственной цѣлью изъ жизни были удовольствія, празднества, цирковыя игры, ѣда и развратъ. Столь любимыя ими comessationes (пиршества) продолжались съ вечера до зари и были настоящими оргіями, находившимися подъ покровительствомъ Пріапа, Комуса, Изиды, Венеры, Волюпіи и Любенціи и кончавшимися пьянствомъ и развратомъ до полнаго изнеможенія. День-же онѣ посвящали сну и безстыднымъ забавамъ въ общественныхъ баняхъ.

Наиболѣе точную картину пороковъ и разврата римскаго народа даютъ поэты-сатирики и особенно „Сатириконъ“ Петронія. Здѣсь

мы находимъ и соперничество двухъ мужчинъ, влюбленныхъ въ одного и того же гитона; здѣсь и публичное изнасилованіе, совершенное этимъ жалкимъ гитономъ надъ малолѣтней Паннихисъ, которая несмотря на свои семь лѣтъ уже была посвящена въ тайны проституціи; здѣсь же отталкивающія сцены между старой колдуньей и разочарованнымъ, импотентнымъ юношей; здѣсь и пиръ стараго развратника Тримальхіона со всей утонченностью богатства и тщеславія, съ чисто животною прожорливостью и разнузданной роскошью. Въ промежуткѣ между однимъ блюдомъ и другимъ акробаты разыгрываютъ свои гнусныя пантомимы, шуты исполняютъ какой-нибудь острый, пряный діалогъ; индійскія алмеи, совершенно обнаженныя подъ своими прозрачными плащами, исполняютъ свои сладострастные танцы, шуты похотливо кривляются, а пирующіе замираютъ въ эротическихъ объятіяхъ. Для довершенія картины Петроній не забываетъ описать намъ и хозяйку дома Фортунату, законную жену амфитріона; эта матрона предается разврату съ Сцинтиллой, женой Габинна, гостя Тримальхіона. Это начинается передъ дессертомъ, когда винные пары уже изгнали послѣдній остатокъ стыда передъ гостями.

«Господинъ подаетъ знакъ, и всѣ рабы три или четыре раза призываютъ Фортунату. Наконецъ, она появляется. Ея платье перехвачено блѣдно-зеленымъ поясомъ; подъ платьемъ видна ея вишневаго цвѣта туника, ея подвязки съ золотыми шнурами и туфли съ золотымъ шитьемъ. Она ложится на то же ложе, которое занимала Сцинтилла, и послѣдняя по

этому поводу выражаетъ ей свое удовольствіе. Она обнимаетъ ее, входитъ съ ней въ самую интимную связь и черезъ нѣкоторое время отдаетъ Сцинтиллѣ свои браслеты... Потомъ, сильно опьянѣвшія, обѣ любовницы начинаютъ чему-то смѣяться и бросаются другъ другу на шею. Когда, такимъ образомъ, онѣ лежатъ тѣсно прижавшись другъ къ другу, Габиннъ схватываетъ Фортунату за ноги и переворачиваетъ ее вверхъ ногами на кровати. «Ахъ! вскрикиваетъ она, видя, что ея юбки поднимаются выше колѣнъ; затѣмъ, она быстро оправляется, снова бросается въ объятья Сцинтиллы, прячетъ свое лицо подъ ея краснымъ покрываломъ, и это раскраснѣвшееся лицо придаетъ Фортунатѣ еще болѣе безстыдный видъ» *).

Что же, однако, еще придумать, чтобы достойно закончить эту вакхическую ночь? Отдаться развѣ послѣднимъ ласкамъ передъ сдѣланной изъ тѣста фигурой Пріапа и, подымаясь на ложѣ, кричать: „Да защититъ небо императора—отца отечества! Consurreximus altius, et Augusto, patri patriae, feliciter! diximus.

Но это еще не все. Любовницы уже собирались уходить, когда Габиннъ сталъ восхвалять одного изъ своихъ рабовъ, кастрата, обладающаго, не смотря на свое косоглазіе, взглядомъ Венеры... Сцинтилла прерываетъ его и дѣлаетъ сцену ревности, обвиняя его въ томъ, что онъ изъ ничтожнаго раба сдѣлалъ своего любовника. Въ свою очередь Тримальхіонъ покрываетъ поцѣлуями одного

*) Сатириконъ. Гл. LXVII.

изъ рабовъ. Тогда Фортуната, оскорбленная попираніемъ своихъ супружескихъ правъ, осыпаетъ мужа ругательствами, кричитъ на него во весь голосъ и называетъ его мерзкимъ, отвратительнымъ за то, что онъ предается такому постыдному разврату. Въ заключеніе всѣхъ ругательствъ она обзываетъ его собакой. Выведенный изъ терпѣнія, Тримальхіонъ бросаетъ въ голову Фортунаты чашу; она подымаетъ крикъ...

Здѣсь мы можемъ, кажется, остановиться, такъ какъ этой картины вполнѣ достаточно, чтобы наши читатели могли составить себѣ ясное понятіе о нравахъ римской аристократіи. Правда, Сатириконъ Петронія только романъ, а не историческій документъ, и дѣйствующія лица его вымышлены; но романъ этотъ обнаруживаетъ близкое знакомство автора съ римскими нравами. Въ символическихъ сценахъ, такъ талантливо и смѣло написанныхъ имъ, мы вполнѣ вправѣ видѣть картину скандальныхъ ночей при дворѣ Нерона. И блестящая сатира такъ мѣтко попала въ цѣль, что римскій Сарданалалъ немедленно подписалъ смертный приговоръ ея автору. Да и многимъ-ли отличается описаніе римскаго общества въ Сатирахъ Петронія отъ описаній, сдѣланныхъ римскими историками? Эвкольпъ и Аскильтъ—одни изъ многихъ развратниковъ, описанныхъ Марціаломъ. Предметомъ описанія Квартиллы служитъ никто иной, какъ куртизанка Субура, а Эвмольпъ принадлежитъ къ типу тѣхъ тщеславныхъ поэтовъ, которыми былъ переполненъ Римъ. Хрилисъ, Цирцея и Филуменъ—все это дѣйствительно существовавшіе, не выдуманные

типы. Наконецъ, Тримальхіонъ даетъ намъ яркую характеристику дерзости, низменности чувствъ и смѣшного тщеславія выскочки, скороспѣлаго милліонера, который хочетъ удивить свѣтъ пышностью дурного тона и шумной щедростью, чѣмъ только возбуждаетъ ненависть своихъ друзей и гостей. Однимъ словомъ, всѣ эти герои не выдуманы, всѣ эти положенія взяты изъ дѣйствительности, все это картины съ натуры.

Что-же касается другихъ сценъ оргіи, происходившихъ на празднествахъ Тримальхіона, то приблизительно то-же мы читаемъ, въ болѣе сокращенномъ изложеніи, у Ювенала, Светонія, Тацита и многихъ другихъ латинскихъ авторовъ, которые имѣли смѣлость разоблачить всѣ тѣ безчинства, какія происходили въ домахъ патриціевъ и при дворѣ Цезарей.

Цицеронъ въ одной изъ своихъ рѣчей обозначилъ все это слѣдующими, почти равнозначущими словами: Libidines, amores, adulteria, convivia, comessationes.

ВЕНЕРИЧЕСКІЯ БОЛѢЗНИ У ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

При достигнутыхъ современной наукой успѣхахъ существованіе венерическихъ болѣзней у народовъ древности уже не можетъ быть оспариваемо. Въ предшествующихъ главахъ мы показали, что сифилисъ и бленоррагія уже въ глубокой древности были извѣстны въ Японіи, Китаѣ, Индіи и въ другихъ странахъ Азіи. Мы привели выше несомнѣнныя данныя, удостовѣряющія частоту венерическихъ болѣзней у евреевъ и другихъ народовъ Востока. Эти болѣзни, появленіе которыхъ слѣдуетъ приписать венерическимъ излишествамъ и противуестественнымъ половымъ сношеніямъ, роковымъ образомъ распространились и среди грековъ и римлянъ, которые усвоили себѣ извращенные нравы азіатскихъ народовъ и подобно имъ предались разгулу проституціи. Въ жаркомъ и влажномъ климатѣ востока этотъ разгулъ привелъ къ заболѣваніямъ, причемъ впервые заболѣванія появились у женщинъ, въ сферѣ утеровагинальной; отъ женщинъ-же стали заражаться и мужчины.

Нейманъ *), изложивъ свой взглядъ на «финикійскую болѣзнь», продолжаетъ:

*) Клиническое руководство Неймана, т. VII, стр. 88.

«Въ одномъ, ложно приписываемомъ Галену сочиненіи мы находимъ рядъ указаній на то, что венерическія болѣзни были хорошо извѣстны древнимъ". Комментируя эти слова, нѣмецкій авторъ приходитъ къ заключенію, что пороки fellator и irrumator были одной изъ главныхъ причинъ этихъ болѣзней. Развратники обоихъ половъ, предававшіеся порокамъ этого рода, подвергались пораженіямъ языка, рта и нёба. Противъ нихъ всѣ сатирики направляли самыя ѣдкія свои эпиграммы. Эврипидъ особенно выразительно отмѣтилъ это явленіе словомъ Glossalgia stomergon, т. е. боль языка, причиненная ртомъ (stoma) и дѣйствіемъ (ergon). Язвы гортани *), по Розенбауму, являются однимъ изъ хорошо изученныхъ сифилитическихъ пораженій, но этіологическая основа ихъ была плохо понята древними. Ангины Египта и Сиріи были результатомъ порока «fellare». „Отсюда, прибавляетъ Розенбаумъ, эти Bubastika Elkea, о которыхъ упоминаетъ вслѣдъ за Аэціемъ Салмазій и которыя онъ считаетъ тождественными съ сирійской язвой; уже Геродатъ упоминаетъ о мистеріяхъ Bubastis, происходившихъ на празднествахъ Изиды. Въ приведенномъ выше терминѣ болѣзнь носитъ названіе только одного мѣста, гдѣ она, вѣроятно, свирѣпствовала съ наибольшей силой, но болѣе или менѣе часто она встрѣчалась по всей странѣ» (Аретей).

Что касается злокачественныхъ лишаевъ, которые греки обозначали «leiken», а римляне

*) Аретей, De signis et causis acutorum morborum, гл. IX.

именемъ «atra lues» и «mentagra», то ихъ сифилитическій характеръ вполнѣ очевиденъ, тѣмъ болѣе, что они были заразительны и этіологически были связаны съ порокомъ cunnilingere; излюбленнымъ мѣстомъ локализаціи этихъ лишаевъ были обыкновенно губы и большая часть лица. Болѣзнь не всегда ограничивалась кожными железами, но иногда захватывала и волосяныя луковицы. Отсюда выпаденіе волосъ, а съ нею и изъявленія покрытыхъ волосами участковъ кожи, припадки, наступающіе съ необычайной быстротой. Когда болѣзнь генерализовалась и охватывала все тѣло, она получала названіе «psora» или «lepra»; это обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ исторіи сифилиса, такъ какъ вторичные признаки ускользали отъ наблюдательности тогдашнихъ врачей. Тѣмъ не менѣе они оставили намъ описанія признаковъ и способы леченія болѣзней половыхъ органовъ; мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, пользуясь, главнымъ образомъ, трудами Розенбаума и получимъ такимъ образомъ возможность заключить не только о древности существованія венерическихъ болѣзней, но и объ ихъ происхожденіи изъ разврата и проституціи, какъ это блестяще доказываетъ высоко компетентный авторъ «Сифилиса въ древности».

Гонорея. Гонорея получила свое названіе отъ gone, — сперма, и reein — течь (по Галену) *).

Болѣзнь представляетъ собой пораженіе сѣменныхъ сосудовъ, (но не половыхъ орга-

*) De locis affect. Lib. VI, cap. 6.

новъ), которые служатъ только каналами для выдѣленія спермы. Галенъ *). Болѣзнь бываетъ двухъ родовъ, въ зависимости отъ того, сопровождается ли она эрекціей члена или нѣтъ. Галенъ **). Гоноррея съ эрекціей называлась то сатиріазисъ, то пріапизмъ ***). Это нѣчто вродѣ спазмъ, поражающихъ только половой членъ ****). Она является слѣдствіемъ избытка жидкостей, особенно, если онѣ густы и плохо смѣшаны *****). Впрочемъ, Павелъ Эгинскій называетъ приапизмомъ это спазмодическое состояніе полового члена, тогда какъ именемъ „сатиріазисъ" онъ обозначаетъ воспалительное состояніе сѣменныхъ сосудовъ.

Безполезно упоминать, что вѣрны оба эти мнѣнія: спазмодическая и воспалительная гоноррея въ обоихъ случаяхъ сопровождается пріапизмомъ. Выдѣленій нѣтъ вовсе, или ихъ очень мало, и больные послѣ нихъ чувствуютъ себя облегченными; но черезъ нѣкоторое время боль возобновляется и продолжается до тѣхъ поръ, пока исчезнетъ причина эрекціи и тогда половой членъ уменьшается ******).

По мнѣнію Павла Эгинскаго парезъ сѣмянныхъ сосудовъ появляется въ томъ случаѣ, если болѣзнь не ослабѣваетъ или если начинаются общія судороги. Больные, у которыхъ появляются судороги, быстро умираютъ при явленіяхъ холоднаго пота и тимпанизма въ кишечникѣ. Александръ Тралліанъ наблю-

*) De locis affect. Lib. XIV, cap. 10.
**) De symptom. morb caus, Lib. II, cap. г.
***) De tumor. praeternat. cap. XIV.
****) De usu part. Lib. XIV. d. 10.
*****) Method, med. Lib. XIV. c 7.
******) Actuarius. Met. med Lib I, cap. 22.

далъ продолжающуюся эрекцію уже послѣ смерти больного. Эта форма встрѣчается не часто и главнымъ образомъ у людей молодыхъ *). Часто ее наблюдалъ Темисонъ, особенно на островѣ Критѣ, гдѣ она является обычнымъ послѣдствіемъ педерастіи.

Гоноррея безъ эрекціи полового члена, или же гоноррея настоящая, состоитъ въ постоянномъ истеченіи сѣмени **). Она аналогична недержанію мочи, и подобно этому послѣднему, своей обычной причиной имѣетъ слабость или отсутствіе энергіи въ сѣмянныхъ сосудахъ (Галенъ).

Истеченію часто предшествуетъ воспалительный періодъ, который сближаетъ одну форму болѣзни съ другой: у больныхъ много горячей спермы, что побуждаетъ ихъ часто освобождаться отъ нея, а это въ свою очередь очень ослабляетъ ихъ. Но если они избѣгаютъ половыхъ сношеній, то они чувствуютъ боль головы и желудка и испытываютъ тошнотныя ощущенія; ночныя поллюціи доставляютъ имъ такія же тягостныя ощущенія, какъ и половой актъ. Мочеиспусканіе даетъ ощущеніе боли и жара не только у мужчинъ, но и у женщинъ. Такъ, Галенъ пишетъ ***): «Одинъ изъ этихъ больныхъ передавалъ мнѣ, что не только онъ, но и женщина, съ которой онъ имѣлъ сношеніе, въ моментъ истеченія сѣмени испытывала сильную боль». Аретей ****), напротивъ, думаетъ, что зудъ въ половыхъ орга-

*) Met. med., Lib. XIV. cap. 7.
**) De loc. affect., VI. cap. 6.
***) De sanitate tuenda, lib. VI, cap. 14.
****) De morb. chron. sympt. Lib. II cap. 11.

нахъ и ощущеніе сладострастія при coitus'ѣ имѣетъ мѣсто только у женщинъ. Такое утвержденіе объясняется тѣмъ, что въ жаркихъ странахъ воспалительный періодъ очень короткъ и остается почти незамѣтнымъ для больныхъ, тѣмъ болѣе, что въ это время больные обыкновенно избѣгаютъ совокупленія. Кромѣ того, врачу большей частью приходится наблюдать хроническія формы болѣзней. Обыкновенно больной замѣчаетъ свою болѣзнь тогда, когда начинается истеченіе; это истеченіе продолжается и тогда, когда воспаленіе уже уменьшилось, продолжается безпрерывно и днемъ и ночью, не сопровождаясь при этомъ ни эротическими ощущеніями, ни сладострастными сновидѣніями; иногда самъ больной даже не замѣчаетъ этого. Цельзъ. *)

Истекающая при гонорреѣ жидкость холодная, блѣдная и лишена живчиковъ. Къ концу болѣзни жидкость становится гуще, потомъ снова водянистой и, наконецъ, истеченіе прекращается (Александръ Тралліанъ)*). Во время самой болѣзни больные, особенно если это люди молодые, становятся похожими на стариковъ: они лѣнивы, вялы, лишены мужества, боязливы, неподвижны; они теряютъ силы, худѣютъ и неспособны къ труду. Цвѣтъ лица у нихъ портится, они блѣднѣютъ, лишаются аппетита, члены ихъ холодны наощупь, они жалуются на тяжесть во всемъ тѣлѣ, а особенно въ поясницѣ. Ихъ кишечникъ, какъ и

*) De re Med. Lib. IV cap. 21.
**) Lib. IX, cap. 9.

все тѣло, истощается и сохнетъ; глаза сидятъ глубоко въ орбитахъ. (Галенъ) *).

Сама по себѣ болѣзнь неопасна, но она можетъ осложниться множествомъ другихъ заболѣваній и имѣетъ тенденцію принимать хроническое теченіе. Аретей **), Целій Авреліанъ. Надо отличать гонорреи отъ ночныхъ поллюцій, которыя иногда являются лишь признакомъ вторичнымъ. Целій Авреліанъ ***).

Что касается гонорреи у женщинъ, то почти невозможно составить себѣ ясное представленіе, что знали о ней древніе врачи, такъ какъ идея объ испорченной менструальной крови и о женскомъ истеченіи (rous gunarkeios), посредствомъ котораго, по ихъ мнѣнію, очищается все тѣло отъ дурныхъ соковъ, — эти идеи исключали возможность изученія вопроса древними безъ предвзятыхъ представленій; это аналогично тому, какъ въ позднѣйшіе времена ученіе о fluor albus долго препятствовало научному изученію бленоррагіи у женщинъ. Впрочемъ, Аретей говоритъ о gonoroia gunaikeia, гонореѣ у женщинъ, какъ объ особомъ бѣломъ истеченіи (allos rous leukos).

Таковы свѣдѣнія о бленоррагіи, оставленныя намъ медиками древности. Ихъ основная ошибка состоитъ въ томъ, что они принимаютъ за сперму слизисто-гнойное истеченіе. Но во всемъ остальномъ ихъ наблюденія сдѣланы съ скрупулезной точностью и тщательностью.

Что же касается этіологіи, то греческіе

*) De finit. med. n. 288.
**) De morb. chron. lib. 11, cap. 5.
***) Morb. chron. lib V, cap. 7.

врачи, правда, не отмѣчаютъ зараженія половымъ путемъ, но зато они твердо знаютъ и подчеркиваютъ, что развратъ является одной изъ главныхъ причинъ болѣни, и въ частности причиной пораженій рта и губъ у фелатрисъ; въ этихъ пораженіяхъ Аретей видитъ явленіе, аналогичное сирійскимъ язвамъ и производимое тѣми же причинами, что и эти послѣднія. Уретриты, происходящіе отъ совокупленія черезъ ротъ наблюдались также современными сифилидологами. Уретриты этого рода, также какъ и уретриты, происходящіе отъ нормальнаго полового акта, въ основѣ своей, по ихъ мнѣнію, имѣютъ зараженіе; это явствуетъ изъ того, что въ сопровождающемъ болѣзнь истеченіи наблюдаются гонококки специфической бленоррагіи. Наконецъ, очень вѣроятно, что бѣли и менструальныя кровотеченія у греческихъ и римскихъ женщинъ, предававшихся всякимъ эксцессамъ любви, вызывали у имѣвшихъ съ ними сношенія мужчинъ припадки, какіе и наблюдаются на каждомъ шагу.

Орхитъ. Галенъ называетъ орхитомъ воспаленіе яичекъ *). По Павлу Эгинскому орхитъ характеризуется болѣзненностью яичекъ при сильномъ надавливаніи пальцемъ, тогда какъ легкое нажатіе почти не чувствительно. Краснота и твердость на первый взглядъ мало замѣтны, но изслѣдующій палецъ находитъ затвердѣніе въ глубинѣ ткани **). Иногда къ орхиту присоединяется лихорадка ***). И если

*) De dioet. in acut. XV.
**) Lib. III, cap. 54.
***) Galien, de nproost. ex puls, lib. IV, cap. 10.

воспаленіе не купированно сразу, то боль распространяется на область паха и поясницы; больные участки вспухаютъ, сѣмяной канатикъ утолщается и твердѣетъ. Цельзъ *). Затвердѣніе яичекъ является причиной безплодія. Цельзъ **). Наконецъ, Аретей упоминаетъ о невралгіи яичекъ, а Гиппократъ о папулезной сыпи на этихъ органахъ.

Язвы половыхъ органовъ. Язвы половыхъ органовъ наблюдаются часто, потому что занятые ими участки тѣла сами по себѣ предрасположены къ гнойнымъ процессамъ какъ въ силу своей природной влажности и обилія всасывающихъ и волосяныхъ железъ, такъ и потому, что они суть органы выдѣлительные. Галенъ***). На появленіе этихъ язвъ имѣетъ вліяніе время года, а именно, онѣ чаще появляются въ жаркіе и влажные мѣсяцы ****). Обыкновенно они имѣютъ форму афтъ, особенно у женщинъ. Когда язвы занимаютъ поверхностное положеніе, то онѣ обнаруживаютъ сильную тенденцію къ распространенію. Довольно часто къ нимъ присоединяются флегмонозныя воспаленія и припухлость пораженныхъ участковъ. Эти язвы часто болѣзнены и бываютъ то влажными, то сухими. Въ огромномъ числѣ случаевъ онѣ принимаютъ характеръ фагеденическій, нерѣдко же обнаруживаютъ склонность къ

*) Lib. VII, 18.
**) De semine, cap. 15.
***) Meth. med. libr., cap. 4.
****) Hyppocrate, Aph., т. III. Въ этихъ климатическихъ условіяхъ выдѣленія кожи, сальныхъ железъ и складокъ влагалища становятся болѣе многочисленными и болѣе зловонными. Извѣстное вліяніе имѣютъ и эпидеміи. Розенбаумъ.

гангренозному распаду. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣется обыкноненно только одна язва въ формѣ пустулы, phuma. Часто также онѣ принимаютъ хроническій характеръ и тогда или затвердѣваютъ, или покрываются бугорками. Въ третьей книгѣ „Эпидемій" Гиппократъ описываетъ особый родъ заразы, поражающій половые органы, но не умѣетъ объединить свои данныя въ общую картину болѣзни,—подобно тому, какъ это сдѣлали современные сифилидологи, особенно Рикоръ и Гюнтеръ. Вотъ что говоритъ Гиппократъ: „Я видѣлъ много афтъ и изъязвленій во рту, припухлости на половыхъ органахъ, изъязвленія, опухоли и вздутія въ паху, мокнущее воспаленіе глазъ, мясистые наросты на вѣкахъ. Равнымъ образомъ и другіе участки половыхъ органовъ были усажены различными возвышеніями. Я наблюдалъ множество шанкровъ (antrax) и другихъ септическихъ пораженій, наконецъ, распространенную пустулезную сыпь, а также свищи съ крупными везикулами".

Въ этомъ перечисленіи симптомовъ одни слѣдуетъ принять, другіе же подвергнуть истолкованію, и тогда мы получимъ полную картину чисто сифилитическихъ симптомовъ, особенно если мы сопоставимъ эти слова съ другими сочиненіями того же автора и тогда опредѣлимъ истинный смыслъ, какой этотъ авторъ вкладывалъ въ приведенныя выше замѣчанія. Такъ, въ главѣ „Афоризмы", онъ излагаетъ въ одномъ и томъ же параграфѣ нагноеніе половыхъ частей (sepedones aidoion), изъязвленія рта (stomaton elkosies) и пораженія глазъ, и такимъ образомъ какъ бы хочетъ

связать ихъ однимъ и тѣмъ же болѣзненнымъ процессомъ. Въ главѣ XIV, „о жидкостяхъ", онъ снова возвращается къ «мокнущимъ язвамъ на половыхъ частяхъ и во рту», а въ „Природѣ женщины" останавливается на „афтозныхъ участкахъ половых органовъ, на язвахъ, сопровождаемыхъ зудомъ... на разращеніяхъ и дурномъ запахѣ этихъ участковъ".

Трещины и щели встрѣчаются часто на крайней плоти, когда она съужена или насильственно оттянута; тогда появляются боль и воспалительныя явленія, и если заживленіе не наступаетъ быстро, то края раны становятся затвердѣлыми и ихъ приходится удалять посредствомъ ножа. Но и вообще раны крайней плоти заживаютъ съ трудомъ. Гиппократъ *). Если крайняя плоть становится гангренозной, то нужно циркулярнымъ разрѣзомъ удалить ее и остановить кровь посредствомъ палочки раскаленнаго желѣза. Павелъ Эгинскій **). Иногда язвы появляются и на внутреннемъ листкѣ крайней плоти, что довольно часто ведетъ къ фимозу и парафимозу. Нѣкоторыя язвы принимаютъ черноватую окраску, на другихъ появляются наросты и кондиломы. Цельзъ ***). Сухія язвы головки надо отличать отъ мокнущихъ и гнойныхъ изъязвленій которыя становятся причиной фимоза и парафимоза. Выдѣляющаяся жидкость бываетъ или прозрачной или гнойной; иногда она издаетъ дурной запахъ. Эти язвы распространяются въ глубину и въ ширину и разрушаютъ самую головку подъ край-

*) Coac. praenot. т. I.
**) Lib VI, cap. 57.
***) Lib. VI, cap. 18.

ней плотью, такъ что она отпадаетъ и приходится прибѣгнуть къ ножу. Цельзъ *).

Существуетъ родъ язвъ circa corona glandis и cancer collis, которыя вялы и изъѣдены и выдѣляютъ прозрачную, кровянистую жидкость. Аэцій**). Другой родъ это язвы фагеденическія (у грековъ), которыя растутъ со страшной быстротой.

Antrax половыхъ частей, шанкръ, представляетъ собой язву, которая даетъ себя знать покалываніемъ и появленіемъ одной или нѣсколькихъ везикулъ, которыя имѣютъ видъ ожога, а величной съ просяное зерно; онѣ лопаются и оставляютъ послѣ себя ulcus crustaceum въ формѣ струпа. Актуарій.

Antrax является слѣдствіемъ нечистаго совокупленія, какъ это утверждаетъ Палладій въ своей Lausiaka historia: «Одинъ пустынникъ, по имени Эронъ, пришелъ въ Александрію и часто посѣщалъ театръ, конскіе бѣга и низкопробныя таверны. Такимъ образомъ онъ впалъ въ разгулъ и пьянство и погрузился въ тину разврата.

Онъ вошелъ въ сношеніе съ одной актрисой и развязалъ ея поясъ. Послѣ того, какъ онъ окончилъ этотъ актъ, онъ съ помощью

*) Tetrab. IV, 2 и 3.

**) Діоскоритъ назначаетъ, въ своемъ трудѣ по терапіи. противъ зло ачественныхъ язвъ задняго прохода и другихъ частей мазь изъ ладона и меда; противъ туберкулъ во влагалищѣ и твердыхъ опухолей въ заднемъ проходѣ, а также шанкровъ и гнилостныхъ язвъ—смѣсь изъ воска и жидкой смолы; противъ язвъ половыхъ органовъ и задняго прохода у женщинъ маслянистую гущу; противъ язвъ рта, половыхъ органовъ и изъѣденныхъ язвъ гранатовый сокъ; противъ папулъ, трещинъ и кондиломъ миртовое масло.

божественной воли насдалъ Antrax на головку своего полового члена и въ теченіе шести мѣсяцевъ такъ тяжко болѣлъ, что его половыя части сгнили и отпали сами собой. Потомъ онъ умеръ». «Не есть ли это прекрасный примѣръ фагединизма?», прибавляетъ Палладій.

Несмотря на неясность нѣкоторыхъ словъ этого разсказа, Розенбаумъ, который разсматриваетъ этотъ случай, считаетъ яснымъ и несомнѣннымъ, что Эронъ схватилъ Antrax при совокупленіи съ актрисой, и оговорки, которыя дѣлаетъ при этомъ Палладій, не въ состояніи уменьшить значеніе факта; недаромъ Беке возразилъ однажды скептически настроеннымъ нѣмецкимъ кементаторамъ: «какихъ вы еще хотите доказательствъ сифилиса въ древности, если вамъ мало этого?».

Въ заключеніе небезъинтересно отмѣтить, что еще и понынѣ Antrax и шанкры разсматриваются въ Индіи какъ болѣзни тождественныя и, по свидѣтельству Вилліама Джонса, индійскіе врачи, кабирайя, обѣ эти болѣзни описываютъ подъ общимъ именемъ Nar Farsi или Ateshi Farsi.

Антракозисъ—язва; подобно вышеописанной, сопровождается бубонами; Гиппократъ считаетъ ее эпидемической. Галенъ.

Въ этихъ случаяхъ также, какъ и при язвахъ крайней плоти, появляются на язвахъ грибовидныя возвышенія, а иногда и затвердѣлости по краямъ. которыя оставляютъ послѣ себя рубецъ, называемый греками clos, а римлянами Clarus. Цельзъ *).

Не нужно особенно сильнаго воображе-

*) Loc. cit. Y. 8.

нія для того, чтобы увидѣть въ этихъ мѣстныхъ пораженіяхъ фагаденическіе шанкры, сопровождаемые баланитомъ и происшедшіе вслѣдствіе соприкосновенія головки съ сифилитическими язвами. Цельзъ не забываетъ прибавить, что нерѣдко наступаетъ гангрена органа, что она захватываетъ весь половой членъ и что въ этомъ случаѣ приходится дѣлать надрѣзъ, рѣзать въ живыхъ частяхъ, удалять гангренозные участки и дѣлать сильныя прижиганія изъ извести и индійскаго перца. О язвахъ на женскихъ половыхъ органахъ писали очень много греческіе и римскіе авторы; среди нихъ отмѣтимъ: Аэція, Аретея, Павла Эгинскаго и Архигена. Аэцій пишетъ: «Въ толщѣ срамныхъ губъ мы наблюдаемъ иногда абсцессы, которые, если они идутъ по направленію къ заднему проходу, не могутъ быть открыты ножемъ, такъ какъ при этомъ легко можетъ произойти фистула,— опасность, которой не существуетъ, если абсцессы направлены къ уретрѣ. Влагалище и ходъ въ матку покрыты язвами, pustulae skabiae, оставляющія послѣ себя чешуйчатыя пластинки, а также миліарные бугорки, которые легко можно нащупать рукой или изслѣдовать посредствомъ маточнаго зеркала. Эти язвы вредно отзываются на менструаціи и плодовитости женщины. Аэцій*).

Нѣкоторыя язвы у входа въ матку имѣютъ форму трещинъ и съ теченіемъ времени или затвердѣваютъ, или приводятъ къ образованію наростовъ. Выдѣляютъ онѣ обыкновенно

*) Tetrab IV. 4.

прозрачную сукровицу и при совокупленіи болѣзненны. Галенъ *).

Самыя язвы поверхностны и представляются простыми экскоріаціями. Онѣ широки и выдѣляютъ небольшое количество густого гноя безъ запаха; сюда же относятся афтозныя язвы Гиппократа. Но существуютъ и другія язвы, глубокія, болѣзненныя, выдѣляющія злокачественный гной. Эти послѣднія въ нѣкоторыхъ случаяхъ проникаютъ очень глубоко внутрь и затвердѣваютъ по краямъ; онѣ выдѣляютъ зловонную сукровицу, сопровождаются невыносимыми болями и приводятъ къ разрушенію ткани матки. Язвы этого рода носятъ названіе фагеденіи; онѣ очень опасны и оканчиваются смертью. Гиппократъ **). Язвы половыхъ органовъ женщины опасны для входящихъ съ нею въ сношеніе мужчинъ. Цедренъ ***). Эта заразительность была извѣстна римлянамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ свѣдующій, приводимый Палладіемъ, фактъ ****).

Во время преслѣдованія христіанъ, по приказу Діоклетіана, одна молодая дѣвушка рѣдкой красоты была обвинена въ принадлежности къ христіанству. Привлеченная къ суду, она не пыталась скрывать свою вѣру и отвергала предложенія, которыя настойчиво, съ различными угрозами дѣлалъ ей Діоклетіанъ. Ее обвинили въ занятіи проституціей и отвели въ лупанаръ, гдѣ «leno» предложилъ ее всѣмъ развратникамъ города. Чтобы избѣг-

*) De loc. affect, lib. IV, cap 5.
**) De natura muliebri et de morb, mul.
***) Synopsis. Парижъ 1647 стр. 266.
****) Vita patrum, cap. CXLVIII.

нуть насилія, дѣвушка сказала имъ, что у нея есть язва (ulcus) въ глубокой части тѣла и что она отдастся имъ, когда выздоровѣетъ. Эта уловка спасла ее отъ притязаній мужчинъ; отсюда ясно видно точное знаніе заразительности язвъ на женскихъ половыхъ органахъ, такъ наз. morbus indecens или lues venerea,—болѣзнь, которой въ высшей степени боялись тогдашніе развратники обоего пола.

Рагады. Язвы и трещины задняго прохода были обычнымъ явленіемъ у пассивныхъ педерастовъ. Галенъ далъ этой болѣзни названіе жгучихъ болей, а Цельзъ называлъ ее «ragada». Аэцій, который много писалъ о болѣзняхъ задняго прохода, отмѣчаетъ что эти поврежденія сопровождаются нарывами съ фистулезными ходами; въ этомъ случаѣ онѣ принимаютъ характеръ номы или фагеденіи. Довольно часто образуются слипанія отдѣльныхъ частей язвы и разрощенія. Цельзъ отмѣтилъ еще одно пораженіе задняго прохода, являющееся результатомъ разврата: это выпаденіе anus'а и образованіе грибовидной язвы вокругъ задняго прохода и вблизи влагалища. Наконецъ, существуютъ еще кондиломы, наросты и другія разрощенія, о которыхъ мы поговоримъ въ спеціальной главѣ.

Бубоны. Древніе врачи подъ бубонами (bubo) разумѣли всякое воспаленіе лимфатическихъ железъ, но такъ какъ эта болѣзнь появляется обыкновенно въ паховой области, то бубономъ называли воспаленіе паховыхъ железъ, такъ же, какъ и самую эту область. Римляне употребляли также слово inguis для обозначенія самой области и болѣзни. Позднѣе

стали различать два понятія, и бубономъ называли воспаленіе, сопровождаемое припухлостью а phyma—воспаленіе, которое быстро протекаетъ и быстро переходитъ въ нагноеніе. Галенъ обозначалъ именемъ «phugethlon» припухлость железъ, при которой имѣется рожистое воспаленіе кожи, получившее названіе «koiras» или, если она отвердѣваетъ, «struma». Согласно этому автору *), железы эти въ силу своей мягкой структуры вообще легко поддаются аденитамъ, reuma. Вотъ почему железы паховыя, подмышечныя и шейныя подвергаются воспаленію, тогда какъ голова и ножные и ручные пальцы склонны къ изъязвленіямъ. Бубоны, прибавляетъ авторъ, труднѣе поддаются леченію въ томъ случаѣ, если организмъ обремененъ дурными соками. Когда бубоны имѣютъ склонность къ нагноенію, Галенъ рекомендуетъ дѣлать насѣчки, но предостерегаетъ отъ насильственнаго раскрыванія ихъ, Только тогда, когда не удается достигнуть разрѣшенія процесса, онъ рекомендуетъ операцію, именно, горизонтальный надрѣзъ, который ведутъ параллельно паховой области, а не бедру, такъ какъ въ противномъ случаѣ края раны сближаются съ трудомъ.

Современные сифилидологи, какъ и врачи древности, отличаютъ простой бубонъ, который нагнаивается рѣдко и оканчивается раной или язвой, отъ бубона злокачественнаго, являющагося результатомъ распространенія ядовитаго начала шанкра и его локализаціи въ одномъ или нѣсколькихъ лимфатическихъ узлахъ.

---

*) Meth. med. ad Glaucum, lib. II cap. I и lib. XIII cap. V.

Экзантемы, (сыпи). Герпесъ половыхъ органовъ, сопровождаемый изъязвленіями, (esthiomenos Гиппократа*) согласно комментаріямъ Генслера, передается половымъ путемъ. Относящіяся сюда слова Галена могутъ быть истолкованы въ томъ же смыслѣ: онъ принимаетъ заразительность, но нельзя опредѣлить съ точностью, имѣетъ-ли онъ въ виду „herpes» или какую-нибудь другую сыпь влагалища**).

Аецій въ своемъ Tetrabiblon описываетъ pustulae spontanae in pudendis, которые вызываютъ образованіе фимоза; въ той-же главѣ***) онъ даетъ описаніе scabies scroti, имѣющей тенденцію переходить въ чешуйчатую язву и оставлять послѣ себя очень мучительный зудъ мошонки. Галенъ описываетъ psoriasis scroti какъ затвердѣніе мошонки, сопровождающееся зудомъ, а иногда язвами.

Кондиломы. Это—возвышеніе, въ большемъ или меньшемъ числѣ образующееся въ заднемъ приходѣ и половыхъ частяхъ. Терминъ „кондилома“ принадлежитъ Галену. Другіе-же греческіе авторы называютъ sucon, sucosis, sucoma, sucodes образованія, наблюдаемыя на половыхъ частяхъ. Римляне называли кондиломы «phicus».

Галенъ описываетъ sucon или phicus какъ язвенный бугорокъ, выдѣляющій жидкость (loc. cit.) Согласно, Орибазу, онъ круглой формы, краснаго цвѣта, твердоватый и болѣзненный. Онъ образуется не только въ заднемъ проходѣ и половыхъ частяхъ, но и на губахъ и подбородкѣ, и на волосистыхъ частяхъ тѣла. Гиппократъ описываетъ кондиломы подъ именемъ «kion» и говоритъ, что онѣ издаютъ дурной запахъ*). Аэцій опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Condyloma est rugosa eminentia. Rugae circa os uteri existentes dum inflammantur, attolluntur et indurantur, tumoremque ac crassitudinem quandum in locis efficiunt**).

*) Aphorismes, т. III и De liquidorum usu, II.
**) Synops. med. sec. loc., lib I, cap 8.
***) Serm. 2 cap. 15.

Кондиломы встрѣчаются чаще всего въ заднемъ проходѣ, особенно у мужчинъ. Цельзъ ихъ приписываетъ педерастіи. Но нельзя разобрать, идетъ-ли рѣчь о первичныхъ или вторичныхъ кондиломахъ, что, впрочемъ, не даетъ намъ права отрицать существованія этихъ послѣднихъ въ древности. Розенбаумъ. Леченіе кондиломъ, которыя Цельзъ разсматривалъ какъ разрощеніе, вызываемое мѣстнымъ воспалительнымъ состояніемъ anus'a, tuberculum quod ex quadam inflammatione nasci solet, — было аналогично леченію трещинъ, тоже являющихся результатомъ распутства. Это леченіе состояло въ разрѣщающихъ пластыряхъ и энергичныхъ прижиганіяхъ. Въ настоящее время кондиломы лѣчатъ вырѣзываніемъ и прижиганіемъ и разсматриваютъ ихъ какъ раздраженіе, вызванное бленоррагическимъ или сифилитическимъ ядомъ. Нельзя допустить, чтобы кондиломы въ тѣ времена имѣли другую причину, чѣмъ теперь, такъ какъ установлено, что эти возвышенія—продуктъ разврата и встрѣчались только у за-

*) De nat, mul., т. II.
**) Tetrab. IV serm. IV.

нимавшихся развратомъ лицъ обоего пола и у людей, имѣвшихъ съ ними общеніе. Наросты «phicus», столь часто встрѣчавшіеся у римлянъ, были просто кондиломами задняго прохода, причину которыхъ вполнѣ основательно видѣли въ противуестественныхъ половыхъ отношеніяхъ; недостаточное леченіе этой болѣзни позволяло имъ переходить въ нагноеніе и дѣлало ихъ почти наслѣдственными. Нерѣдко цѣлыя семьи бывали поражены ею. Эти наросты встрѣчались въ различныхъ формахъ, которыя различные авторы описывали, какъ отдѣльныя патологическія категоріи, несмотря на внутреннюю близость ихъ между собою.

Таковъ thymus, описанный Цельзомъ *), какъ варикозное расширеніе, безболѣзненное, красноватое, съуженное въ своемъ основаніи и твердое и морщинистое на верхушкѣ; таково akrochordon, гладкое, круглое, мясистое возвышеніе съ слабымъ и круглымъ основаніемъ, безболѣзненное и затвердѣлое. Эти послѣднія или отпадаютъ сами собой, или воспаляются и нагнаиваются; послѣ срѣзыванія они не оставляютъ корней. Цельзъ **), Галенъ и Аэцій наблюдали akrochordon въ заднемъ проходѣ и на половыхъ частяхъ женщинъ. Согласно этимъ авторамъ, ихъ удаляютъ ножомъ или посредствомъ прижиганій. Другая, очень бурная форма разращеній, murmekiasis древнихъ греческихъ врачей, очень похожа на предыдущую форму и описана Цельзомъ подъ именемъ „formica"; она ниже

*) Lib. IV cap. 28.
**) Meth. med. lib. VIII cap. 17.

и твердѣе чѣмъ thymus, имѣетъ болѣе глубокія корни и болѣе болѣзнена; у нея широкое основаніе и гладкая поверхность верхушки. При дотрагиваніи она даетъ больному ощущеніе муравьинаго укуса, откуда и самое названіе. Таковы въ общемъ венерическія болѣзни, которыя древніе врачи наблюдали на половыхъ органахъ мужчинъ и женщинъ.

Хотя въ этихъ наблюденіяхъ и немного такого, что говорило бы объ ихъ знакомствѣ съ заразнымъ началомъ, тѣмъ не менѣе въ виду установленной ими этіологіи и клинически изученныхъ симптомовъ, отрицать это знакомство намъ кажется невозможнымъ *).

Лепра и элефантіазисъ (проказа и слоновая болѣзнь). Венерическія болѣзни, распространенныя въ Египтѣ и во всѣхъ странахъ Малой Азіи, гдѣ проституція имѣла религіозный характеръ, получили одно время особенно сильное значеніе въ Сиріи и Іудеѣ. Именно здѣсь привилась проказа, неизмѣнно носившая печать конституціональныхъ болѣзней; быть можетъ это была не болѣе, какъ особая модификація конституціональнаго сифилиса Индіи и Дальняго Востока. Эта смѣшанная форма, подъ вліяніемъ нечистоплотности и незнанія элементарныхъ предписаній

*) На одномъ, найденномъ въ Помпеѣ камнѣ имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная, вѣроятно, какъ-нибудь, истощеннымъ отъ разврата: hic ego nunc futui formosam formae pusellam laudatama multis; sed lutus intus erat. (Я обладалъ дѣвушкой съ прекрасной фигурой, составлявшей предметъ вожделѣній многихъ, но внутри ея былъ навозъ). На стѣнахъ одного лупанара въ Помпеѣ имѣется аналогичная надпись, но, вмѣсто слова «lutus» здѣсь сказано «pomae», которое не оставляетъ сомнѣнія въ истинномъ, нозологическомъ смыслѣ этой надписи.

гигіены, обусловила развитіе многочисленныхъ болѣзней половой сферы, именно lues venerea, локализующаяся на кожѣ и на слизистыхъ оболочкахъ. Нѣкоторые древніе авторы оставили очень подробныя описанія этой послѣдней.

Лѣченіе ея было самое разнообразное; большей частью больные обращались къ шарлатанамъ: продавцамъ любовнаго напитка и амулетовъ, волшебникамъ, жрецамъ и магикамъ, которые всѣ въ большей или меньшей степени жили на средства проституціи, религіозной и мірской. И только въ видѣ исключенія больные обращались къ помощи врачей; кромѣ того, послѣдніе очень мало интересовались такого рода больными, какъ это отмѣчаетъ Цельзъ въ предисловіи къ своей 6-ой книгѣ: „Для того, чтобы изложить леченіе подобнаго больного, на латинскомъ языкѣ нѣтъ приличныхъ выраженій;— въ подобномъ случаѣ трудно исполнять требованія благопристойности, тѣмъ не менѣе это соображеніе не должно остановить мое перо, потому что я, прежде всего, не хочу оставить неразъясненнымъ ни одного изъ тѣхъ полезныхъ свѣдѣній, какими я обладаю; кромѣ того, слѣдуетъ распространять въ народѣ медицинскія свѣдѣнія, относящіяся къ лѣченію этихъ болѣзней, о которыхъ чужіе узнаютъ только противъ воли больнаго «Dein, quia iu vulgus eorum curatio etiam proecipue cognoscenda, quae invitissimus quisque alteri ostendit».

Эти пораженія и были такъ называемыя секретныя болѣзни временъ Августа.

Проказа, какъ извѣстно, появилась изъ Египта и Малой Азіи, этихъ постоянныхъ

очаговъ эпидемій всякаго рода. Евреи, сирійцы, финикіане и египтяне уже издавна были знакомы съ проказой. У этихъ народовъ она приняла форму хронической, конституціональной и наслѣдственной болѣзни; она проявлялась различно въ зависимости отъ условій климата, возврата и темперамента больныхъ; она давала симптоматическіе возвраты и ожесточенія подъ вліяніемъ проституціи и половыхъ эксцессовъ. Только въ 650 году послѣ основанія Рима она впервые появляется въ Италіи подъ именемъ слоновой болѣзни грековъ и придаетъ венерическимъ болѣзнямъ особый отпечатокъ.

Такъ, мы видимъ, что Цельзъ, основываясь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, приходитъ къ заключенію, что «эта болѣзнь производитъ особое состояніе во всемъ тѣлѣ, такъ что даже кости измѣняются». Но еще до него одинъ греческій врачъ, Аретей Каппадокійскій, исчерпалъ уже описаніе этой болѣзни, и разсматриваетъ ее какъ огонь, который только тогда выходитъ наружу, когда онъ уже уничтожилъ всѣ внутреннія части тѣла. Въ началѣ болѣзни кожа лица и нѣкоторыхъ частей тѣла становится блестящей. Одинъ за другимъ появляются нѣсколько толстыхъ, шерховатыхъ, не одинаковыхъ между собой бугорковъ.

Промежуточная же между ними поверхность покрывается трещинами, какъ на кожѣ слона. Вскорѣ все тѣло покрывается подобными бугорками, волосы погибаютъ и выпадаютъ, голова, а вслѣдъ за нею лицо и лонное соединеніе лишаются волосяного покрова. Лицо

испещряется твердыми остроконечными бородавками, лишаи покрываютъ пальцы, колѣна и подбородокъ, скулы припухаютъ и краснѣютъ, глаза темнѣютъ и принимаютъ мѣдный оттѣнокъ, брови сближаются и на нихъ выростаютъ широкія, синеватыя бородавки. Бурыя разрощенія появляются также на щекахъ и на носу; губы припухаютъ, нижняя губа становится отвислой и постоянно покрыта слюной, зубы также чернѣютъ, появляются язвы вокругъ ушей, изъ которыхъ течетъ гнойная жидкость. Все лицо становится изрѣзаннымъ шероховатыми морщинами и черными трещинами; отсюда названіе «элефантіазисъ». Появляются борозды на пяткахъ и подошвахъ ногъ до средины большихъ пальцевъ. Если болѣзнь усиливается, то бугорки на щекахъ, подбородкѣ, пальцахъ и колѣняхъ превращаются въ зловонныя неизлѣчимыя язвы. Однѣ поднимаются надъ другими, какъ бы поглощаются однѣ другими.

Бываетъ также, что члены умираютъ вмѣстѣ съ больнымъ: они отдѣляются отъ остальной части тѣла, которое такимъ образомъ постепенно теряетъ носъ, пальцы, ноги, цѣликомъ обѣ руки, половые органы; болѣзнь только тогда оставляетъ больного и избавляетъ его отъ ужасной жизни и необыкновенныхъ мученій, когда отнимаетъ у него всѣ члены однимъ за другимъ».

Такова симптоматологія лепры. Она замѣтно отличается отъ кожныхъ пораженій современнаго сифилиса. Но можно-ли отрицать, что—значительно измѣняясь у лицъ скрофулозныхъ,—сифилисъ подъ вліяніемъ ртути

и іодистаго калія даетъ въ періодѣ маразма и кахексіи процессъ, аналогичный описываемому выше?

Архигенъ также высказалъ свое мнѣніе относительно элефантіаза. По его мнѣнію, эта болѣзнь не только заразительна, но и кожныя пораженія при ней суть явленія вторичныя. Причина этихъ послѣднихъ ему неизвѣстна, но болѣютъ обыкновенно лица очень сладострастныя, а евнухи не подвержены ей. Это обстоятельство могло бы быть лишнимъ доказательствомъ венерическаго происхожденія лепры, тѣмъ не менѣе нѣкоторые авторы не видятъ достаточныхъ основаній сдѣлать заключеніе о томъ, что болѣзнь эта первично поражаетъ именно половые органы. Но высоко компетентный комментаторъ греческихъ и латинскихъ текстовъ въ своемъ трудѣ «Исторія сифилиса въ древности» вмѣстѣ почти со всѣми современными сифилидологами совершенно опредѣленно утверждаетъ, что лепра и венерическія болѣзни, различно комбинируясь, производятъ одно и то же дѣйствіе. Онъ находитъ, что также, какъ mentagra можетъ переходить въ psora, такъ и элефантіазъ, если его разсматривать въ связи съ «финикійской болѣзнью», можетъ возникнуть половымъ путемъ, причемъ этого положенія нисколько не колеблетъ то обстоятельство, что первично болѣзнь появляется на лицѣ, ибо кожныя железы лица имѣютъ очень тѣсную связь съ половыми органами. Кромѣ того, многочисленные случаи, описанные авторами среднихъ вѣковъ, доказываютъ, что лепра распространялась половымъ путемъ, а это даетъ поводъ заключить, что сифилисъ въ XV вѣкѣ былъ

именно этой болѣзнью, измѣненной какимъ то особо-эпидемическимъ началомъ, болѣзнью, которая за XV вѣковъ до этого свирѣпствовала подъ именемъ «элефантіаза» и имѣла своимъ источникомъ нечистыя соитія и распутство проституціи.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРІИ ПРОСТИТУЦІИ.

Археологическія данныя по проституціи религіозной и легальной.

Исторія восточныхъ культовъ, тѣсно связанная съ вопросомъ о проституціи въ древности, раскрывается не только въ историческихъ трактатахъ; она открывается намъ также въ драгоцѣнныхъ памятникахъ, найденныхъ современными археологами: въ медаляхъ, надписяхъ, обломкахъ памятниковъ, начертаніяхъ на камняхъ, камеяхъ и пр.

Изображенныя на этихъ камняхъ гравюры, всѣ эти скульптурные фрагменты, стелы, кольца, печати, вазы и чаши, найденныя въ развалинахъ древнихъ городовъ, подтверждаютъ существованіе культа Милитты, Баггалъ, Пріапа, Озириса, Фалла и другихъ, подобныхъ этимъ, боговъ. Небольшіе цилиндры и конусы, каменные и терракотовые, которые мы видимъ въ Луврскомъ музеѣ, въ „кабинетѣ медалей и древностей“ и въ національной Библіотекѣ, все это были эмблемы или амулеты, которые носили мужчины и еще чаще женщины, на шеѣ или на рукахъ. Іероглифическія надписи и гравюры были расшифрованы археологами и, пользу-

ясь добытыми ими данными, мы постараемся изложить здѣсь факты, касающіеся проституціи. Менанъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о камняхъ гористой Азіи и о цилиндрахъ Халдеи въ извѣстной степени отстаиваетъ толкованіе символическихъ фигуръ, данное его предшественниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что эти камни, результатъ тонкаго, точнаго и терпѣливаго труда, являются однимъ изъ необходимыхъ элементовъ для того, чтобы возсоздать исторію искусства народовъ, «потому что ржавчина, говоритъ онъ, которая разрушаетъ металлическіе предметы, не можетъ повредить агату или кремню».

Эти камни были настоящими драгоцѣнностями и имѣли различныя формы: пластинокъ, миндаля, веретена. Нѣкоторые изъ нихъ служили для печатей, перстней и для жукоподобныхъ колецъ. Многіе изъ нихъ имѣли форму конусовъ или пирамидъ. Цилиндры были обыкновенно вышиной отъ 2—5 сант. и пробуравлены по оси. Гравюра изображена на выпуклой поверхности, и рисунокъ часто сопровождается изреченіями. Эти послѣднія даютъ, между прочимъ, возможность опредѣлить ихъ происхожденіе и различить цилиндры халдейскіе, ассирійскіе, египетскіе, финикійскіе и персидскіе. Менанъ описалъ большое число азіатскихъ цилиндровъ и даже построилъ цѣлую теогоническую систему, въ центрѣ которой стоитъ высшее божество Hou, изображенное въ видѣ человѣческаго бюста, который оканчивается перьями и имѣетъ два широкихъ крыла. Ниже ихъ стоитъ троица великихъ божествъ: Samas—богъ солнца, изображенный въ видѣ блестящаго диска, Sin—

богини луны, изображенная въ видѣ полумѣсяца, и богиня Istar, которую символизируетъ звѣзда. Эта троица въ совершенствѣ напоминаетъ Озириса, Изиду и Горусъ.

Работа Лайара имѣетъ много общаго съ работами Менана, но первый авторъ обращаетъ больше вниманія на изученіе религіозной проституціи. Мы вовсе не являемся защитниками мнѣній этого ученаго, но считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь одно мѣсто изъ его мемуаровъ, именно то, гдѣ онъ говоритъ объ одномъ агатовомъ конусѣ, на широкомъ основаніи котораго имѣется выдолбленная, стоящая фигура en face, которая имѣетъ двѣ головы. Изображена одна въ профиль, повернута справа налѣво, имѣетъ черты бородатаго мужчины, другая же, повернутая въ обратномъ направленіи, имѣетъ черты женщины. Пятизубчатая корона увѣнчиваетъ каждую изъ головъ, а прямо надъ каждой короной имѣются три звѣздочки, расположенныя въ одну линію и на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой. Остальной костюмъ каждой фигуры андрогины состоитъ изъ четырехъ различныхъ частей: изъ нижняго платья, внутренняго платья, соединяющаго обѣ фигуры пояса, и наружнаго платья.

Правой рукой, слѣдовательно, съ той стороны, гдѣ находится голова съ бородой, эта фигура держитъ хвостъ змѣи. Другая, болѣе длинная змѣя, окружаетъ своими кольцами среднюю часть туловища женщины. Въ промежуткѣ между обѣими руками и обѣими змѣями мы видимъ съ каждой стороны крылатаго дракона съ зіяющей пастью, который

какъ будто хочетъ схватить расположенную противъ него змѣю. Солнечные лучи, окружающіе голову одной изъ змѣй, полумѣсяцъ надъ головой другой изъ нихъ и та тщательность, съ которой художникъ расположилъ ихъ обѣихъ вполнѣ симметрично, одну противъ головы самки, а другую противъ головы самца,—все это съ положительностью ука-

Рисунокъ 1.

зываетъ на то, что здѣсь было намѣреніе символически изобразить воспроизводительную силу самки, т. е. силу пассивную. Дѣйствительно, извѣстно, что змѣя была у древнихъ эмблемой воспроизводительнаго начала, какъ мы это видимъ въ фигурахъ Изиды и Митры, а также на статуѣ со львиной головой въ музеѣ виллы Альбани.

Съ лѣвой стороны основанія конуса (фиг. 1) мы видимъ колесо безъ обода, всѣ сцицы котораго оканчиваются маленькими шариками. «Это также символъ воспроизводительной

силы», замѣчаетъ Феликсъ Лайаръ. Такое истолкованіе символовъ переноситъ насъ

Рис. 2.

Рис. 3.

въ отдаленнѣйшую древность, такъ какъ оно опирается, повидимому, на основы образованія языка у наиболѣе древнихъ наро-

довъ Азіи. Подъ ногами двуполой фигуры мы замѣчаемъ вазу съ двумя ушками, похожую на амфору, которая является эмблемой мужской силы, тогда какъ другая ваза, въ видѣ кратера, съ лѣвой стороны конуса, служитъ эмблемой женскаго органа. Наконецъ, направо отъ фигуры находится Cteis, которая, очевидно, служитъ эмблемой наружнаго полового аппарата женщины. Два крылатыхъ дракона, расположенные здѣсь противъ двухъ змѣй, являются, очевидно, прекрасной иллюстраціей того религіознаго вѣрованія, которое признаетъ два вида существъ: однѣ добрыя и приносящія благо, другія, злыя, несутъ несчастія. Этотъ догматъ, съ большой полнотой изложенный въ книгахъ Зораастры и очень ясно выраженный въ нѣкоторыхъ памятникахъ культа Митры, мы встрѣчаемъ въ большинствѣ религіозныхъ системъ древности. Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ Лайара изученіе описаннаго выше конуса: «воспроизводительный женскій органъ находится здѣсь между аттрибутами, размѣщенными вокругъ фигуры андрогины, которую я считаю ассирійской Венерой-Милитой. Этотъ органъ мы встрѣчаемъ и на другихъ конусахъ и цилиндрахъ, относящихся, на мой взглядъ, къ культу Милиты. Я знаю два такихъ экземпляра: одинъ на прекрасномъ цилиндрѣ въ Британскомъ музеѣ, другой на основаніи одного конуса въ кабинетѣ Кальве въ Авиньонѣ. Другой конусъ, который описалъ Лашосъ (фиг. 4). также имѣетъ на себѣ изображеніе жреца, одѣтаго въ азіатскій костюмъ и совершающаго актъ богослуженія передъ алтаремъ, на которомъ имѣется cteis и звѣзда

Венеры. «Здѣсь, говоритъ Лайаръ, cteis, повидимому, является эмблемой самой богини и характеризуетъ культъ ея съ той рѣзкой и наивной грубостью, какая отличала первое зарожденіе всѣхъ религіозныхъ доктринъ, существовавшихъ у ассіріянъ и финикіянъ. Впродолженіе длиннаго ряда вѣковъ и рели-

Рис. 4.

гіозныхъ и гражданскихъ переворотовъ эти доктрины оставили въ Западной Азіи столь глубокіе слѣды, что когда изучаешь привычки и нравы современныхъ народовъ, то приходишь къ грустному выводу, что, не смотря на всѣ усилія христіанства и ислама, обожествленіе cteis еще и теперь сохранило свою силу среди нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ востока.

На нашемъ конусѣ (фиг. 1) cteis помѣщена какъ разъ около той половины изображенія Милитты, которая принадлежитъ фигурѣ мужчины. Такое положеніе ея показываетъ, какого именно спеціальнаго жертвоприношенія

требовало это божество отъ своихъ многочисленныхъ почитательницъ; отсюда столь легкая въ этомъ случаѣ возможность ужасныхъ злоупотребленій и вырожденія самой жертвы въ позорнѣйшую проституцію. Этотъ институтъ существовалъ не только въ Вавилонѣ, гдѣ онъ былъ тѣсно связанъ съ культомъ Милитты, но и въ Финикіи, въ Сиріи и вообще во всѣхъ странахъ, посѣщаемыхъ финикіянами и ассирійцами. Равнымъ образомъ встрѣчался онъ у моавитянъ и лидійцевъ вмѣстѣ съ культомъ и таинствами Babhal-Pehhor. Его находятъ также въ финикійскихъ колоніяхъ въ Африкѣ, въ древней Арменіи, вмѣстѣ съ культомъ Венеры Anais у жителей Кипра и Коринфа, и вездѣ этотъ культъ въ большей или меньшей мѣрѣ переходитъ въ самое разнузданное распутство. Существованіе публичной проституціи въ Лидіи мы должны объяснить себѣ тѣмъ, что жителей этой страны, подобно жителямъ Кипра и Греціи, усвоили проституцію отъ финикіянъ и ассирійцевъ вмѣстѣ съ культомъ Астарты и Милитты. Такое предположеніе, повидимому, подтверждается свидѣтельствомъ Страбона, который, говоря о распутствѣ молодыхъ женщинъ Арменіи въ храмѣ Anais, прибавляетъ, что по Геродоту то же самое наблюдается и въ Лидіи. Съ своей стороны этотъ историкъ приписываетъ этому разврату азіатское происхожденіе и говоритъ, что за исключеніемъ проституцированія дѣвушекъ обычаи индійцевъ въ очень многомъ похожи на обычаи Греціи. Но не только въ Азіи Венера изображалась съ аттрибутами мужчины. По свидѣтельству Гида и другихъ авторовъ,

римляне даже въ самомъ Римѣ посвящали этой богинѣ статуи, которыя изображали ее съ бородой и половыми частями обоихъ половъ; отсюда странный эпитетъ «biformis».

На оборотной сторонѣ медали Дмитрія II имѣется изображеніе Венеры съ бородой; ея волосы причесаны въ видѣ каски съ султаномъ.

Рис. 5.

Она въ женскомъ платьѣ и въ правой рукѣ держитъ лукъ. Медаль въ Національной библіотекѣ (фиг. 5) также имѣетъ на одной изъ сторонъ изображеніе мужчины, а на другой Венеры, по обоимъ сторонамъ которой рядъ Фаллусовъ; такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Міонэ во Франціи, Фрелихъ и Рихтеръ въ Германіи и Дуэнъ въ Англіи.

На фигурѣ 6 мы видимъ воспроизведеніе медали Паѳоса. Здѣсь на лицо всѣ аттрибуты азіатской Асторотъ и греческой Астарты: родъ Фаллуса подъ полумѣсяцемъ. Среди другихъ археологическихъ данныхъ отмѣтимъ

также изображенія на цилиндрахъ, имѣющихся въ богатой коллекціи Національной Библіотеки. Вотъ главныя изъ нихъ, согласно каталогу Шабулье. Подъ № 705 стоящій жрецъ молится Миллиттѣ, сидящей на тронѣ; она держитъ корону, ноги ея лежатъ на козѣ, тѣло которой заканчивается рыбой. Позади морской козы изображеніе Cteis. Подъ № 734

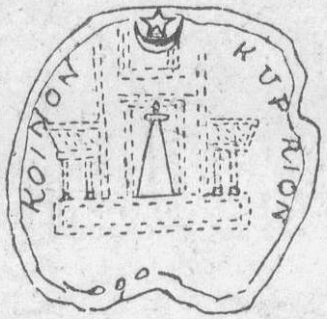

Рис. 6.

сидящій ва тронѣ Ваалъ или Таламъ, который поддерживаетъ пирамиду съ уступами. Молящаяся женщина приводитъ къ нему молодую дѣвушку съ открытой головой и грудью, и онъ предлагаетъ ей цвѣтокъ. Надъ Вааломъ дискъ Венеры и серпъ луны. Эта молодая дѣвушка—жена, каждую ночь предлагаемая Ваалу въ его храмѣ въ Вавилонѣ; такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ Геродотъ. Подъ № 743—сидящая Anaitis держитъ корону, тутъ же двѣ молящіяся фигуры. Надъ нею полумѣсяцъ и звѣзда Венеры. Позади богини Mir, половина Hom и Cteis. Подъ № 806 женщина, молящаяся богу войны и Венерѣ Anaitis, видъ спереди. Подъ № 817—Милитта и Anaitis. Передъ послѣдней жрецъ, передъ Милиттой египетская богиня Коунъ; въ ея рукѣ скипертъ, увѣнчанный цвѣтами и двумя Uroeus.

Mir была эмблемой божественнаго. Ее символировали въ видѣ маленькаго куба съ закругленными краями и съ многочисленными лучами по боковымъ и нижнимъ его стѣнкамъ. Hom-же есть символъ древа жизни, священнаго древа, древа познанія. Онъ изображается въ различныхъ формахъ, но при всемъ этомъ разнообразіи его изображеніе совсѣмъ не напоминаетъ hom'а, отъ котораго отрѣзывали вѣтви съ соблюденіемъ очень пышнаго церемоніала, напоминающаго тотъ, какой друиды примѣняли къ священному дубу. Что же касается Cteis, то это косоугольникъ, въ которомъ углы малаго діаметра закруглены, а въ центрѣ находится рѣзко очерченная точка. Мы не будемъ останавливаться на истолкованіи этихъ рисунковъ, но мы остановимся на другихъ подлинныхъ и многочисленныхъ памятникахъ древности, которые вмѣстѣ съ письменными памятниками еще больше утвердятъ насъ въ той мысли, что если проституція и не признавалась гражданскимъ закономъ Греціи, то мы все же должны причислить ее къ религіознымъ обычаямъ, которые проникли къ грекамъ вмѣстѣ съ азіатскимъ культомъ Венеры. Среди этихъ памятниковъ мы можемъ отмѣтить нѣкоторые, хранящіеся въ коллекціи Дюрана и описанные Витте, и въ частности двѣ вазы, двѣ чаши и одинъ камень. На одной изъ этихъ вазъ изображена сцена въ храмѣ Венеры; куртизанка черезъ рабу полу-

чаетъ предложеніе отъ увѣнчаннаго миртомъ чужестранца, который стоитъ внѣ портика и держитъ въ рукѣ кошелекъ. На другой вазѣ также изображенъ чужестранецъ съ миртомъ на головѣ. Онъ сидитъ на ложѣ и, видимо, говоритъ что-то стоящей тутъ же куртизанкѣ. Подобные же сюжеты и на обѣихъ чашахъ. Здѣсь изображена также группа мужчинъ и куртизанокъ и, между прочимъ, зеркало, постоянный аттрибутъ Венеры. „На камнѣ, говоритъ Лайаръ, мы видимъ изображеніе другой очень непристойной сцены; здѣсь богиня или одна изъ посвященныхъ сама держитъ зеркало на уровнѣ глазъ. Остальныя пять поверхностей камня изображаютъ различныхъ животныхъ, характеризующихъ культъ восточной Венеры. Эти сцены иллюстрируютъ, какъ рѣзко испорченные нравы исказили въ культѣ Венеры первоначальный обрядъ принесенія въ жертву невинности.

Наши замѣчанія находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ, какъ нѣкоторые авторы древности описываютъ распущенность, которой въ различныхъ частяхъ Греціи сопровождались праздничныя мистеріи въ честь Афродиты и другихъ, тождественныхъ съ Венерой божествъ. Всѣ эти, служившіе эмблемой богини, конусы продавались въ городахъ всѣмъ желающимъ, особенно же чужестранцамъ, приходившимъ на поклоненіе въ ея храмъ. Рисунки на конусахъ были почти всегда однѣ и тѣ же, изъ чего можно заключить о сходствѣ обрядовыхъ пріемовъ въ культѣ Миллитты у ассирійцевъ, въ культѣ Венеры у грековъ и римлянъ и въ культѣ Митры у персовъ.

Такъ, нѣкоторыя изображенія на камняхъ и персидскіе и римскіе барельефы рисуютъ Митру, которая, подобно Венерѣ Андрогинѣ на конусѣ Лайара, помѣщена между двумя вратами неба, т. е. по правую сторону отъ себя имѣютъ солнце, а по лѣвую луну (маленькій кругъ, окруженный лучистымъ сіяніемъ, и полумѣсяцъ).

Нѣкоторые фигурные памятники позволяютъ заключить, что быкъ и левъ также являются аттрибутами, характерными для Венеры какъ востока, такъ и запада. Въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на большой ассирійскій барельефъ Yasili-Kaia, найденный Тексье возлѣ Птеріума и открытую при раскопкахъ Вавилона таблицу, хранящуюся въ коллекціи барона Роже. Первый изъ этихъ памятниковъ изображаетъ богиню, стоящую на львѣ, на второмъ она стоитъ на быкѣ. Есть и много другихъ памятниковъ, гдѣ богиня изображена на львахъ и на быкахъ. Если бы, несмотря на утвержденія историковъ, можно было еще сомнѣваться въ томъ, что греческая Венера и религіозная проституція въ своей основѣ имѣютъ культъ финикійской Астарты, то въ пользу этого можно было бы найти еще одинъ фактическій аргументъ въ древностяхъ, найденныхъ на островѣ Кипрѣ. Населеніе этого острова было финикійское, но здѣсь же съ незапамятныхъ временъ существовали и колоніи грековъ. Культъ Афродиты произошелъ отсюда, и фантазія поэтовъ изображала богиню, выходящей изъ морской пѣны. Жюль Сури, въ своихъ «Историческихъ этюдахъ», на основаніи археологическихъ данныхъ утверждаетъ, что искусство

и всѣ божества Греціи перешли къ ней изъ Азіи.

«Между имѣющимися въ Луврѣ финикійскими идолами Кипра, говоритъ этотъ авторъ, есть одинъ съ короной на головѣ; два ожерелья на его шеѣ спускаются на грудь; правая рука богини лежитъ на груди, лѣвая положена на священное чрево, откуда вышли всѣ боги и люди. Не есть ли это характерный жестъ Венеры Книдской и Венеры Медицейской?

«Жестъ тотъ же самый, но въ немъ отнюдь нельзя видѣть выраженія чувствъ стыдливости, волненія и боязни. Богиня—всеобщая мать, ея многочисленыя созданія черпаютъ изъ неистощимыхъ сосковъ ея все новую и новую жизнь, и богинѣ чуждо желаніе скрыть свои мощныя груди: она съ гордостью показываетъ ихъ людямъ и богамъ. Ея народъ, который, какъ голуби, влюбленно воркуетъ въ тѣни густыхъ кипарисовъ священнаго лѣса, тысячи гіеродуловъ обоего пола, которые служатъ богинѣ; толпы пиллигримовъ, которые приходятъ во время празднества и вкушаютъ наслажденія въ святилищѣ и палаткахъ жрицъ,—все это существенно отличаетъ добрую богиню и ея храмъ отъ того представленія о цѣломудріи и стыдливости, которыя чаруютъ уточенное чувство цивилизованнаго человѣчества. Въ сущности эта грубая терракота и произведенія греческихъ скульпторовъ—символъ одного и того же; можно сказать, что метаморфоза этого идола вѣрно отражаетъ тѣ этапные пункты, какіе прошла старая азіатская цивилизація, прежде чѣмъ она черезъ посредство народовъ Малой

Азіи преобразилась въ цивилизацію греческую».

Крейцеръ и Гиньянъ также нашли на Кипрѣ явственно восточныя формы этого культа обожествленія производительной силы *); именно, они нашли андрогину Афродиту, соединяющую въ своемъ лицѣ оба начала, мужское и женское, и священный конусъ съ изображеніемъ, отдѣльно, женскаго начала. Но въ древнѣйшія времена, рядомъ съ этими странными и глубоко поучительными эмблемами, которыя, повидимому, берутъ свое начало въ Индіи, появляется образъ обаятельной богини Киприды, самое имя которой показываетъ, что весь островъ Кипръ былъ въ ея власти. Поклонялись ей вездѣ, но идея божественности производительнаго начала нигдѣ не проявлялась въ столь явномъ восточномъ ритуалѣ и аттрибутахъ; нигдѣ этотъ культъ не былъ болѣе сладострастенъ и болѣе проникнутъ сексуальными наслажденіями, чѣмъ въ Коринфѣ и на горѣ Эриксъ.

Въ Коринфѣ тысячи гіэродулъ, т. е. священныхъ куртизанокъ, которыхъ мы уже встрѣчали въ храмахъ Азіи, служили алтарямъ Афродиты. На горѣ Эриксъ былъ старинный и богатый храмъ, гдѣ женщины, во время посвященныхъ богинѣ празднествъ, занимались проституціей въ ея честь.

Съ другой стороны, другой камень съ острова Кипра, (кабинетъ медалей въ Національной Библіотекѣ № 1582), изображаетъ храмъ Венеры и въ срединѣ его идолъ бо-

*) Религія въ древности. Ф. Крейцеръ.

гини,—коническій камень *). Съ правой и съ лѣвой стороны, на столбѣ, находится голубь, надъ идоломъ полумѣсяцъ и солнце, какъ на ассирійскихъ камняхъ. Такимъ образомъ, культъ и самыя богини почти тождественны и, можно сказать, что всѣ эти народы одинаково охотно заимствовали одинъ у другого ученія и обряды: здѣсь находили себѣ удовлетвореніе ихъ чувственныя желанія.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно очень важное обстоятельство. Религіозныя предразсудки побудили египтянъ окружить себя пріапами самой различной формы. Эти пріапы дѣлались изъ фарфора различныхъ цвѣтовъ и терракоты; какъ у ассирійцевъ и другихъ азіатскихъ народовъ, они служили имъ амулетами. Ихъ иногда находятъ въ муміяхъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мунилоти далъ описаніе пріапической живописи на стѣнахъ храма въ Карнакѣ. Изображеніе бога встрѣчается на египетскихъ гробницахъ, стелахъ и различныхъ предметахъ житейскаго обихода.

Въ Египтѣ умершіе уподоблялись Озирису и это уподобленіе было залогомъ безсмертія. Вѣроятно, этимъ нужно объяснить наличность пріаповъ на саркофагахъ и, въ частности, на саркофагѣ въ Луврѣ, который, какъ о томъ

*) Тацитъ, разсказывая о возвращеніи Тита на востокъ, даетъ описаніе большого Паѳосскаго храма Венеры. «Статуя богини, говоритъ Тацитъ, не имѣетъ вида человѣка; это округленная глыба, расширенная у основанія и пиромидально съуженная у верхушки. Смыслъ этой формы статуи мнѣ неизвѣстенъ, Simulacrum deae non effigie humana; continus orbis latiore initio tenuem in ambitum, metae modo. exurgens; et ratio in obscuro». Тацитъ. Historiae, lib. II, cap. III.

гласитъ надпись, былъ гробницей одного жреца въ царствованіе Псаметиха I. Дѣйствительно, на одной изъ наружныхъ стѣнъ его мы видимъ лежащаго на спинѣ Озириса съ пріапомъ, стоящимъ перпендикулярно къ его тѣлу. Это символъ жизни и плодородія бога Солнца, но, конечно, жрецы ложно истолковали эту эмблему, когда воспользовались ею для религіозной проституціи. Такое истолкованіе было возможно у народовъ съ неразвитымъ умомъ, неспособнымъ выдѣлить философскую идею изъ подъ окутывавшаго ее матеріальнаго изображенія. Женщины, у которыхъ всегда замѣчалась любовь къ амулетамъ и другимъ вещамъ подобнаго рода, носили на шеѣ ожерелья съ нѣсколькими цилиндрами, нанизанными на двойной желѣзной цѣпи.

Изъ цилиндровъ, хранящихся въ кабинетѣ медалей, отмѣтимъ одинъ подъ № 934: двѣ фигуры, одѣтыя въ египетскія одежды; каждая держитъ скипетръ, и возлѣ него фигуры Hom'a и Mir'a. На заднемъ планѣ видимъ три символа: птица на человѣческой головѣ, (душа по воззрѣнію египтянъ), Cteis и мандрагора. На конусѣ № 1056 мы видимъ бородатаго бога, въ египетскомъ платьѣ, въ сидячемъ положеніи, держитъ онъ въ рукахъ скипетръ. Тутъ же шаръ надъ полумѣсяцемъ и cteis. Въ той же коллекціи встрѣчаемъ еще нѣсколько конусовъ съ изображеніемъ полумѣсяца, двухъ шаровъ съ фигурами Mir'a и Cteis; на другихъ изображенъ Ouoti,—глазъ, символъ жизни и дѣятельности. Иногда же полумѣсяцъ и надъ нимъ Hom, окруженный короной, или же женщина съ различными сим-

волами и змѣя Uraeus. Попадаются и непристойныя сцены, какъ на камнѣ № 1104. Наконецъ, два цилиндра (175, 176) изображаютъ египетскую Венеру съ двумя коровьими рогами, — аналогія между Изидой и Венерой ассирійской, которую часто изображаютъ въ видѣ кормящей теленка коровы. Аналогія, какъ мы видимъ, полная.

Съ представленіемъ о куртизанкѣ неизбѣжно связывается представленіе о кокетствѣ и стремленіи къ украшеніямъ. Въ залѣ Юлія II, посвященной памятникамъ частной жизни египтянъ, мы находимъ не только много великолѣпныхъ драгоцѣнностей, носимыхъ женщинами, золотыхъ браслетокъ съ инкрустаціей, такихъ же ожерелій и перстней съ изображеніемъ женщины передъ Озирисомъ, но и вообще всѣ предметы, предназначенные для украшенія и раскрашиванія лица. Въ одномъ изъ шкафовъ этой залы мы находимъ также, по описанію Руже, небольшіе деревянные и глиняные сосудцы различной формы, въ которыхъ египтянки хранили составныя части косметикъ. Главной косметикой была сурьма для глазъ; карандаши изъ дерева, камня и слоновой кости имѣли тупые концы и форму, приспособленную для того, чтобы не ранить рѣсницъ при этой деликатной операціи. Вазочки имѣли то форму колонны, то форму бутона розы, изъ эмалированной глины. Уродливый богъ Бессъ, который, несмотря на свое уродство, игралъ, повидимому, наибольшую роль въ женскомъ туалетѣ, является однимъ изъ украшеній этихъ бездѣлушекъ.

Надо ли упоминать, что парики и шиньоны также играли видную роль въ искусствѣ одѣваться у египетскихъ женщинъ. Имѣются тамъ также довольно хорошо сохранившіеся образцы манекеновъ и вообще полный комплектъ всего, что употреблялось для украшенія женскаго тѣла.

По отношенію къ проституціи въ Италіи и культамъ Венеры и Пріапа археологическія данныя даютъ намъ вполнѣ исчерпывающія свѣдѣнія. Въ музеѣ живописи, бронзы и статуй въ Неаполѣ имѣется много рѣдкихъ экземпляровъ, которые съ большимъ художественнымъ талантомъ описалъ Фоменъ. Эти, столь живо интересующіе ученыхъ памятники, по словамъ этого автора, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ сохранялись въ нѣдрахъ земли для того, чтобы дать будущимъ поколѣніямъ урокъ исторіи. Многое было открыто на склонахъ Везувія, многое было погребено подъ вулканической лавой въ Геркуланумѣ, Помпеѣ и Стабіи. Изслѣдуя жилища Помпеи, можно видѣть, что въ нихъ всегда существовалъ спеціальный уголокъ, посвященный культу Венеры. Греки называли эту комнату Aphrodisien, римляне Venereum. Въ ней мы находимъ картины съ сладострастными сюжетами, по-гречески Grulli, а по-латыни Libidines. Почти во всѣхъ домахъ имѣется эротическая скульптура, бронзовые, мраморные, хрустальные и терракотовые предметы, Пріапы, вакхическія амулеты и различныя непристойныя вещи. Изучая и сравнивая всѣ эти памятники, одинъ видъ которыхъ оскорбляетъ нашу стыдливость, Фоменъ приходитъ къ заключенію, что до наступленія христіанской эры существовалъ только одинъ единственный культъ, и его можно было бы назвать теофаллическимъ.

Помпейскія раскопки обнаружили также нѣсколько лупанаріевъ, надъ входной дверью которыхъ имѣется большой каменный знакъ Пріапа, но культъ Пріапа встрѣчается только въ публичныхъ домахъ. Римляне относились къ Пріапу серьезно, хотя оказываемое ему уваженіе шло въ разрѣзъ съ философскимъ скептицизмомъ римлянъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ мраморный барельефъ на 4-ой страницѣ книги Фамена. Этотъ барельефъ изображаетъ не отвратительную оргію, а картину, полную красоты и благочестія. Два супруга, одѣтые такъ скромно, какъ этого требуетъ характеръ богослуженія, которое они собираются совершить, умоляютъ бога плодородія прекратить ихъ ужасное безплодіе; особенно говорятъ объ этомъ выразительные жесты женщины. Супругъ въ это время отдергиваетъ пологъ, за которымъ находится таинство жертвоприношенія.

Богъ, изображенный въ видѣ бородатаго старика съ лысой головой, покоится на невысокой колоннѣ. Женщина стоитъ передъ нимъ съ глазами, устремленными на мужской половой членъ, и предлагаетъ богу вмѣстѣ съ листьями дуба сосновую шишку.

На таб. 7 находимъ копію мраморнаго барельефа съ изображеніемъ вакханалій одного изъ самыхъ знаменитыхъ празднествъ язычества; они извѣстны также подъ именемъ Элевзинскихъ, Лампторійскихъ таинствъ, таинствъ Изиды и Праздника Доброй Богини. На срединѣ барельефа старый Силэнъ, увитый плющемъ; въ одной его рукѣ чаша, а въ другой вѣнокъ,—награда за побѣду надъ пьяницами; онъ едва держится на ногахъ и упалъ бы,

если бы его не поддерживали два молодыхъ фавна.

Слѣва отъ Силена восторженная вакханка съ кимвалами, за нимъ юноша съ орудіями посвященія въ рукахъ, дальше постыдный Фаллифоръ съ бичемъ въ рукахъ, женщина—сатиръ, держащая pedum (пастушескій посохъ) и syrinx (флейта съ семью клапанами), у ногъ Вакха Гермеса. Въ углу Купидонъ, видимо, также принимающій участіе въ празднествѣ. Слѣва отъ Силена находится маленькій алтарь и надъ нимъ сосновая шишка; зажженный факелъ приготовленъ для богослуженія.

Вакханка лежитъ на медвѣжьей шкурѣ и сладострастно отдыхаетъ въ такой позѣ, которая не оставляетъ сомнѣнія насчетъ причины ея усталости.

Наконецъ, на краю барельефа женщина, переодѣтая сатиромъ, возлежитъ на аттрибутѣ Пріапа Гермеса.

Таблица 8-я изображаетъ жертвоприношеніе Пріапу. Этотъ барельефъ съ очевидностью указываетъ на религіозную проституцію; здѣсь мы видимъ одну изъ самыхъ жестокихъ языческихъ церемоній.

Нѣсколько женщинъ ведутъ молодую дѣвушку, быть можетъ, новобрачную, къ статуѣ Пріапа; несчастная, повидимому, уже готова принести въ жертву статуѣ свою невинность.

Изъ всей толпы она одна совершенно обнажена; опустивъ голову отъ стыда и горя, она опирается на плечо пожилой женщины, быть можетъ, своей матери.

Тутъ-же, невдалекѣ, дѣвочка играетъ на двойной флейтѣ и заглушаетъ музыкой крики

жертвы; еще дальше стоитъ старуха; согнувъ одно колѣно, она смотритъ на эту сцену и, видимо, негодуетъ на нерѣшительность, обнаруживаемую молодой новобрачной. «Надо имѣть въ виду, прибавляетъ Фаменъ, что этотъ возмутительный обрядъ существовалъ недолго, но можно думать, что жрецы мнимыхъ божествъ въ теченіе долгаго времени эксплоатировали въ свою пользу людское легковѣріе и сами становились на мѣсто идоловъ, исполняли ихъ обязанности. Въ храмѣ Изиды въ Помпеѣ статуя богини помѣщалась на пустомъ внутри пьедесталѣ, куда входилъ по потайной лѣстницѣ и гдѣ скрывался жрецъ богини. Туда то проникалъ обманщикъ съ цѣлью заставить статую говорить.

Въ томъ же сочиненіи мы находимъ изображеніе каменныхъ пріаповъ, помѣщенныхъ на углахъ улицъ возлѣ общественныхъ фонтановъ, надъ жилищами; такъ мы находимъ его надъ дверью одной булочной въ Помпеѣ съ слѣдующей надписью:

Hic habitat felicitas.

Здѣсь же мы находимъ и священныя колонны, фаллическіе свѣтильники, фаллы, амулеты libidines и spinthria,—картины, изображающія самыя отталкивающія, непростойныя сцены. На послѣднихъ таблицахъ представлены греко-италійскія, грекосицилійскія, этрусскія и греческія вазы съ чернымъ основаніемъ и красными фигурами. Далѣе, вазы въ видѣ опрокинутаго колокола съ краснымъ основаніемъ и черными фугурами, такого же происхожденія. Всѣ эти предметы говорятъ о рядѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ пріемовъ, типичныхъ для культа Пріапа, и

подтверждаютъ тѣ данныя изъ исторіи проституціи древности, какія получаются при изученіи древней письменности. Кромѣ того въ Луврскомъ музеѣ, въ залѣ черныхъ вазъ, мы находимъ множество предметовъ эртрусскаго производства, большая часть которыхъ добыта при раскопкахъ въ древней Кере и въ курганахъ Клузіума и Вей. Вазы украшены рельефными фигурами, грубо изображающими то сцены изъ жизни людей, то чудовища азіатской миѳологіи: сфинксовъ, кентавровъ съ человѣческими лицами и ногами и проч. На стѣнкахъ вазъ встрѣчаются также изображенія охоты, что напоминаетъ рисунки на ассирійскихъ цилиндрахъ и даетъ новое подтвержденіе объясненіямъ Лайара. Словарь Петиска разъясняетъ смыслъ одной фигуры бога Мутуна, открытой въ Римѣ на Виминальскомъ холмѣ, среди развалинъ стариннаго храма; она существуетъ тамъ и понынѣ, вся изъ бѣлаго мрамора и вышиной около трехъ четвертей аршина.

Одна группа во Флорентійской галлереѣ *), изображаетъ стоящую женщину, голова которой покрыта чѣмъ то въ родѣ чепца и имѣетъ крайне необычную форму; ея руки опущены вдоль туловища и какъ бы поддерживаетъ готовое упасть платье, причемъ нѣкоторая часть тѣла остается открытой. Огромный фаллъ подымается съ земли прямо къ половымъ частямъ этой фигуры и послѣднія, рѣзко выраженныя, находятся въ соприкосновеніи съ верхушкой Фалла.

Кабинеты древности и, въ частности, залы

*) Эта античная группа написана Нерсіемъ.

Національной библіотеки содержатъ множество итифаллическихъ амулетовъ, свидѣтельствующихъ о культѣ Пріапа въ Римѣ. «Одни изъ нихъ, говоритъ Дюлоръ, изображаютъ Фалла и соединеніе его съ mullos, фигурой женскаго полового органа. На другихъ изображенъ одинъ только Фаллъ, но съ двумя птичьими крыльями и лапками и иногда съ погремушками. Другіе итифаллическіе амулеты имѣютъ форму лежащей собаки или изогнутыхъ человѣческихъ ляжекъ и голеней безъ туловища. Наиболѣе скромные амулеты изображаютъ сжатую въ кулакъ руку, въ которой большой палецъ помѣщенъ между двумя слѣдующи пальцами. Эту фигуру антикваріи называютъ «manus ithiphallyca». Подобно тому какъ Озирисъ иногда изображался съ тройнымъ Фалломъ для обозначенія необычайности его производительной силы, точно также на многихъ памятникахъ находятъ двойные и тройные Фаллы, изображенные отдѣльно или на одномъ и томъ же человѣческомъ тѣлѣ. Такая фигура съ отдѣльно изображенными фаллами существуетъ во Франціи, на Гарскомъ мосту и въ Ниццѣ. Въ неаполитанской провинціи и въ Пезетіи были найдены на камняхъ изображенія Пріапа съ двойнымъ фалломъ, а въ городѣ Трани тотъ же идолъ имѣетъ тройной фаллъ. Наконецъ, фаллъ (такъ называемый Fascinum) мы находимъ иногда высѣченнымъ на вазахъ, на домашней утвари и на мебели. Въ собраніяхъ древностей нерѣдко встрѣчаются итифаллическіе перстни, сосуды, медали и камни съ рѣзными фигурами. Французскому антикварію Де-Шадюкъ удалось собрать коллекцію

изъ 300—400 экземпляровъ камней съ крайне любопытными итифаллическими изображеніями. Ру и Баре въ своемъ художественномъ и высоко научномъ трудѣ, «Геркуланумъ и Помпея», опубликовали большое количество относящихся сюда бронзовыхъ издѣлій и мозаикъ. Здѣсь собрано много типовъ фаллическихъ амулетовъ; имѣется, между прочимъ, крылатый фаллъ съ погремушками, который задней своей частью переходитъ въ коня; конь, въ свою очередь, имѣетъ хвостъ съ фаллическимъ кончикомъ и отростокъ также въ видѣ Фалла, который помѣщается между двумя крыльями фантастическаго животнаго.

По поводу этого Фалла авторы дѣлаютъ слѣдующіе комментаріи: «повидимому, древніе поставили себѣ правиломъ изображать, какъ можно чаще, ту фигуру, которой они приписывали чудесныя свойства. Здѣсь крылья и ноги лошади указываютъ на стремительность производительной мощи, олицетворенной въ Фаллѣ. Это та же мысль, о которой напоминаетъ phalle e perouinene psüche, летающая душа, — опредѣленіе, данное древними лексикографами и вполнѣ согласующееся съ мнѣніемъ Аристотеля, который говоритъ, что человѣческая душа потенціально существуетъ въ человѣческомъ сѣмени, состоящемъ изъ эфирной воды, или спирта. Крылья Фалла оправдываетъ его наименованіе Strouthos, воробей, какъ его называютъ иногда по причинѣ сладострастнаго нрава этой птицы. Это наблюденіе не могло не остаться неизвѣстнымъ ученому комментатору Катуллу, который изучалъ особенности Леебійскаго воробья.

Другой амулетъ представляетъ собою просто итифаллическую руку; эта рука дѣлаетъ непристойный жестъ и оканчивается Фалломъ. Эти амулеты древніе навѣшивали на себя. Женщины и дѣти, по свидѣтельству Барре и Ру, носили для того, чтобы избѣжать дурного глазу, oculi venena maligni, потому что все уродливое считалось предохранительнымъ средствомъ противъ колдовства. Золотой или серебрянный Фаллъ былъ одновременно драгоцѣннымъ украшеніемъ и амулетомъ; онъ же фигурировалъ на бронзѣ лампъ, вырѣзывался изъ дерева или камня, ставился въ поляхъ и садахъ, какъ средство отъ воровъ и защита жатвы отъ дурной погоды.

Существуетъ еще множество другихъ доказательствъ наличности культа Пріапа и религіозной проституціи. Съ исчерпывающей полнотой доказываетъ это хотя бы изображеніе молодой женщины, которая одной рукой ухватилась за рога божества, а другой рукой старается облегчить себѣ путь къ Фаллу статуи. Но впослѣдствіи символъ Пріапа смѣшался съ символомъ Меркурія посредствомъ общаго имени термъ, которыя, по словамъ Скалигера, своимъ направленіемъ указывали путникамъ дорогу и охраняли ихъ отъ опасности. Знаменитый филологъ видѣлъ одинъ изъ такихъ фаллическихъ Гермесовъ во дворцѣ одного кардинала въ Римѣ. Камни съ надписями, изданныя д'Арканвилемъ *), почти всѣ относятся къ эпохѣ Августа и Тиверія. Здѣсь изображены термы Пріапа, жертвоприношеніе богу

*) Памятники тайнаго культа римскихъ женщинъ, д'Арканвиль.

Лампсаку, сатиры и нимфы, а также боги и богини, императоры и императрицы, отправляющіе половой актъ.

Изъ таблицъ этого изданія отмѣтимъ №№ 32 и 35. Обѣ онѣ изображаютъ съ двухъ сторонъ одинъ и тотъ же камень, который вмѣстѣ съ остатками коллекцій барона Итоха перешелъ въ руки короля прусскаго. На табл. 32 изображена Мессалина, жена императора Клавдія, имя которой перешло въ потомство какъ имя особенно разнузданной распутницы; она сидитъ передъ небольшимъ храмомъ Пріапа съ миртовой вѣткой въ рукѣ.

Табл. 33 изображаетъ кругъ, по окружности котораго расположены семь пріаповъ. Надъ кругомъ надпись: Messal.., а подъ нимъ Klaudi. Между каждыми двумя пріапами имѣется по одной буквѣ; если прочесть ихъ всѣ слѣва на право, то получится слово Jnvicta. «Посрединѣ круга, пишетъ д'Арканвиль, находится улитка, двуполое существо, вполнѣ достойное быть предметомъ зависти Мессалины. Семь пріаповъ, которые окружаютъ улитку и склоняются передъ ней—это слишкомъ мало для того, чтобы дать понятіе о ненасытномъ темпераментѣ этой женщины, портретъ которой данъ Ювеналомъ въ слѣдующемъ стихѣ: «Et lassata viris, nondum exsatiata recessit».

На табл. 45 сцена жертвоприношенія Пріапу. Жрецъ, который при этой церемоніи играетъ на двойной флейтѣ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Сидоній Апполинарій называетъ Maesti, такъ какъ они одновременно служатъ двумъ богамъ, Вакху и Пріапу. Геродотъ называетъ ихъ Phalliphores, фаллоносцы, такъ какъ во время процессій они носятъ символъ лам-

сакскаго бога. Эти процессіи обставляли очень пышно, и женщины ждали отъ нихъ плодовитости. У Апулея можно прочесть о всѣхъ скандальныхъ частностяхъ этихъ непристойныхъ церемоній и гнусныхъ обрядовъ, руководителями которыхъ были жрецы сирійской богини. Здѣсь, какъ и въ пріапическихъ таинствахъ, отъ участниковъ требовалось самое строгое соблюденіе тайны. У Петронія Квартилла то и дѣло проситъ свидѣтелей своихъ оргій не говорить никому обо всемъ, что они видѣли. Эти ненасытные блудники развратничали какъ послѣднія проститутки, и тѣмъ не менѣе, имѣли дерзость склоняться передъ алтаремъ божества и обращаться къ нему со своими гнусностями:

«Non te movere lumbos in crocotula
Prensis videbo altaribus».

Другое изданіе д'Арканвиля *) даетъ намъ понятіе о необузданномъ развратѣ мужчинъ и женщинъ при Цезаряхъ. Будучи въ Римѣ, этотъ авторъ имѣлъ возможность изучить всѣ археологическія собранія и коллекціи медалей и камней; его изысканія касаются, главнымъ образомъ, нравовъ матронъ. Если бы не несомнѣнныя фигуры, которыя, въ противоположность письменнымъ документамъ, не подлежатъ спору и критикѣ, не будь ихъ, самое живое воображеніе отказалось бы представить себѣ подобныя сцены. Пробѣгая таблицы книги д'Арканвилля, читатель проникается увѣренностью въ томъ, что проституція женщинъ изъ римской знати

*) Monumeuts privés de la vie des XII Césars.

доходила до крайнихъ предѣловъ. Съ помощью золота Цезарь имѣлъ возможность удовлетворять свою склонность къ противуестественнымъ порокамъ и набирать себѣ наложницъ изъ женщинъ высшаго свѣта. Эти женщины отдавались ему какъ простыя куртизанки, которымъ платятъ за любовь. Въ свою очередь законная жена Цезаря, Помпея, привела однажды въ храмъ Венеры-Ураніи юношу Клодія, своего любовника.

Объ этомъ узнали, и Клодій былъ привлеченъ къ суду. По приказу императора судъ оправдалъ его, и Цезарь по этому поводу произнесъ свои знаменитыя слова: „жена Цезаря выше всякихъ подозрѣній". Умный и тонкій политикъ сказался въ этихъ словахъ.

Существуетъ одна медаль, изученная д'Арканвилемъ, съ изображеніемъ Клавдія, одѣтаго въ женское платье; юноша вмѣстѣ съ императрицей Постуміей стоитъ передъ треножникомъ у алтаря богини.

Остановимся еще на камеѣ Ареллія. Здѣсь изображенъ Октавій, отдающійся своему двоюродному брату Цезарю. Извѣстно, что, когда онъ однажды присутствовалъ на спектаклѣ въ театрѣ, народъ обратился къ нему со слѣдующимъ стихомъ:

«Videsne ut cinoedus orbe digito temperet».
(Ты видишь, какъ надъ всѣмъ царствуетъ развратникъ).

Такимъ образомъ здѣсь, какъ и вездѣ, литературныя данныя вполнѣ подтверждаются вещественными памятниками старины.

Къ числу этихъ послѣднихъ относится также камея Аполлонія Сиціонскаго, изображающая непристойную сцену между Авгу-

стомъ и его дочерью Юліей, которую историки выставляютъ образцомъ ума, красоты и развращенности. На камеѣ Артемона Родосскаго императрица Ливія предлагаетъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ своему мужу Августу, который особенно любилъ дѣвственницъ. Царственная супруга имѣла при этомъ чисто политическую цѣль: она искала власти надъ императоромъ.

Другая камея Ареллія изображаетъ, какъ жена Мецена отдается Августу въ присутствіи своего мужа, который притворяется спящимъ. А между тѣмъ этотъ Меценъ былъ другомъ и покровителемъ Горація, Виргилія и всѣхъ знаменитыхъ поэтовъ своего времени. Онъ поощрялъ и содѣйствовалъ прогрессу римской науки и искусства. Медаль на 16-ой табл. изображаетъ распутнаго Тиберія съ цѣлой толпой его проститутокъ, мужчинъ и женщинъ. Объ этомъ императорѣ хорошо говоритъ Тацитъ: „Отбросивъ стыдъ и боязнь, онъ очертя голову бросился въ преступленія и распутство и не руководился ничѣмъ, кромѣ своихъ влеченій". In scelera simul ac dedecora prorupit postquam, remoto pudore et metu, suo tantum ingenio utebaur.

На таблицѣ 17-ой воспроизведенъ рисунокъ съ одной древней картины, которая изображаетъ Тиберія въ дворцовомъ саду; вокругъ Тиберія гроты съ мужчинами и женщинами, одѣтыми на подобіе нимфъ и сатировъ, которые услаждаютъ его взоры различными непристойностями.

Камея Лизіаса воспроизводитъ занятіе Тиберія содоміей. Онъ присутствуетъ при жертвоприношеніи передъ статуей Пріапа

и пользуется этимъ случаемъ, что бы изнасиловать двухъ молодыхъ жрецовъ божества. Светоній разсказываесъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Vix dum re divina peracta, ibidem statim seductum contupraret simulque fratrem ejus tibicinem. Едва служеніе было окончено, какъ онъ здѣсь же удовлетворилъ свою страсть надъ молодымъ служителемъ алтаря и вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ то же самое съ флейтистомъ, братомъ этого послѣдняго.

На камеѣ Теренція Тиберій съ тремя куртизанками предается самому разнузданному разврату. Медаль на табл. 17 изображаетъ сцену отвратительнаго разврата между знатной римлянкой Молоніей и Тиберіемъ. Табл. 25 воспроизводитъ медаль съ изображеніемъ разврата между женой Пизона и Калигулой, этимъ чудовищемъ, который заставлялъ своихъ сестеръ отдаваться ему и его пріятелямъ. На табл. 27 мы находимъ медаль съ изображеніемъ блуда Калигула, съ мужчинами и женщинами; объясненія этой медали даетъ одна извѣстная эпиграмма антологіи.

Камея Аполлодора Мессенскаго (28) изображаетъ моментъ, когда Кассій Хереа спрашиваетъ у Калигулы пароль. Императоръ съ непристойнымъ жестомъ протягиваетъ ему руку и даетъ въ качествѣ пароля—пріапъ. Это было причиной смерти Кассія.

Камея Питадоры Траллійской воспроизводитъ моментъ, когда Мессалина приноситъ Пріапу въ жертву четырнадцать миртовыхъ вѣнковъ, по числу побѣдъ, одержанныхъ ею надъ четырнадцатью сильными атлетами.

На камеѣ Эпитинкана—сцена между Неро-

номъ и весталкой, которую онъ принуждаетъ отдаться ему (34). Камея Кратера изображаетъ Нерона въ женскомъ платьѣ, развратничающимъ съ Дорифоромъ, который ошеломленъ капризомъ своего повелителя. На табл. 36-ой изображена камея со сценой разврата между Нерономъ, одной женщиной и тремя наложниками. На табл. 38-ой медаль съ изображеніемъ еще одной сценой содоміи между Нерономъ и Дорифоромъ, его оффиціальнымъ любовникомъ.

Табл. 40-ая также изображаетъ сцену разврата и содоміи между одной женщиной, Оттономъ и Нерономъ; таблица воспроизводитъ одну аоинскую камею.

Нѣтъ нужды описывать остальныя таблицы, которыя всѣ изображаютъ все тѣ же сцены разврата мужчинъ и женщинъ.

Какъ мы уже упоминали въ одной изъ предшествующихъ главъ, празднества Венеры происходили въ послѣдніе дни мѣсяца марта и, какъ въ Греціи, Сиріи и Египтѣ, такъ и въ Римѣ Венера символизировала собой половое чувство.

Римскія женщины торжественнымъ шествіемъ подымались на Квиринальскій холмъ, гдѣ находилось молельня Фаллуса, брали оттуда священный предметъ, и затѣмъ вся торжественная процессія несла его въ храмъ Венеры Эрицинской, расположенной за Колинскими воротами. Придя въ храмъ богини любви, матроны вкладывали Фаллусъ въ чрево Венеры. Объясненіе этой церемоніи даетъ намъ другой древній камень, на которомъ выгравирована вся пышная церемонія: тріумфальная колесница везетъ родъ алтаря,

на которомъ покоится колоссальныхъ размѣровъ Фаллусъ. Надъ этимъ изображеніемъ божество держитъ корону. Колесница, также какъ и фигура духа, защищена широкимъ четыреугольнымъ балдахиномъ, четыре конца котораго поддерживаютъ на заостренныхъ палкахъ четыре полунагихъ женщины. На быкахъ и козлахъ, везущихъ колесницу, сидятъ верхомъ крылатыя дѣти. Колесницѣ предшествуетъ группа играющихъ на трубахъ женщинъ.

Далѣе, противъ колесницы, расположена характерной формы Sinus Veneris, обозначающая женскій половой аппаратъ. Величина аппарата соотвѣтствуетъ величинѣ Фаллуса. Его также везутъ на колесницѣ и два божества, поддерживая его по сторонамъ, какъ бы показываютъ мѣсто, которое онъ долженъ занимать *). По окончаніи этой церемоніи римскія женщины съ почестями водворяютъ Фаллусъ обратно въ молельню, которая сдѣлалась знаменитой послѣ того, какъ императоръ Геліогабалъ воздвигъ вблизи нея огромное зданіе.

Въ этомъ-то зданіи онъ помѣстилъ свой „Сенатъ изъ женщинъ“, занимавшійся разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, касавшихся любовныхъ связей и разврата... Д'Арканвиль, вѣроятно, долго не могъ рѣшиться сдѣлать достояніемъ общества свои рисунки съ медалей, и камней, изученныхъ имъ въ Италіи.

Для этого нужна была храбрость истиннаго

*) Изображеніе этого древняго камня находится въ собраніи, называемомъ: «Тайный культъ римскихъ женщинъ».

моралиста, который историческую правду ставитъ выше лицемѣрныхъ мнѣній невѣжественныхъ педантовъ. Поэтому-то онъ эпиграфомъ для своей книги выбралъ слѣдующее мудрое изреченіе Сенеки: „только развращенность оскорбляется картиной разврата". „Depictam semet adversatur pravitas". Ту-же мысль выражаетъ и Шарронъ, говоря: „Философія должна говорить обо всемъ свободно; только тогда она можетъ отыскать причину вещей, можетъ составить о нихъ сужденіе и классифицировать ихъ".

Съ этой-то именно точки зрѣнія мы и предлагаемъ вниманію читателей этотъ трудъ свой по общественной гигіенѣ; мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ читателей-медиковъ, которые, подобно намъ, привыкли къ виду различныхъ явленій патологической анатоміи человѣка,—физической и нравственной.

Съ другой стороны мы сочли существенно нужнымъ дать здѣсь подробную исторію проституціи вмѣстѣ съ тѣми противуестественными эксцессами, къ какимъ она приводила въ древности.

Такимъ путемъ нетрудно выяснить этіологическую связь между сифилисомъ и остальными венерическими болѣзнями, связь, которая и составляетъ предметъ нашей работы.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Проституція въ древности	5
„ Индіи	13
„ Малой Азіи	35
„ Египтѣ	50
Алмеи	59
Проституція у евреевъ	62
„ въ Греціи	81
Законы проституціи въ Греціи	97
Свободная проституція.—Куртизанки.—Свободныя диктеріады	110
Авлетриды	114
Гетеры	122
Знаменитыя гетеры	126
Великіе люди и гетеры	135
Противоестественная любовь въ Греціи. Педерастія и Содомія	142
Женоложство.—Сафизмъ	160
Священная проституція въ Италіи. Культъ Пріапа и Венеры	175
Празднества религіозной проституціи	185
Легальная проституція	196
Соучастники проституціи въ Римѣ	207
Регламентація проституціи въ Римѣ	222
Проституція у мужчинъ.—Развратъ Цезарей	230
Легальная педерастія	250
Распущенность нравовъ въ Римскомъ обществѣ	256
Венерическія болѣзни у грековъ и римлянъ	267
Вещественные памятники исторіи проституціи	293